

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES
ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

ЗИМНЯЯ & РОЗА

ОТ АВТОРА
БЕСТСЕЛЛЕРА «ЧАЙНАЯ РОЗА».
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

The Big Book

Дженнифер Доннелли

Зимняя роза

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Доннелли Д.

Зимняя роза / Д. Доннелли — «Азбука-Аттикус», 2008 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19177-8

Лето 1900 года. В Восточном Лондоне по-прежнему царит бедность, бандиты и шлюхи соседствуют с мечтателями, а светлые надежды сталкиваются с мрачной действительностью. И это отнюдь не место для женщины из высших слоев общества, но Индия решительна и упряма. Она принадлежит к новому поколению, и профессия врача, которую она получила, тоже сравнительно нова для женщин. На улицах Восточного Лондона Индия встречает, а затем спасает жизнь Сиду Мэлоуну, одному из самых известных главарей лондонского преступного мира. Жесткий, опасный и в то же время необычайно обаятельный, Мэлоун является полной противоположностью жениху Индии, восходящей звезде в палате общин. И хотя Сид олицетворяет все, что порицает и отвергает Индия, ее необъяснимо тянет к этому человеку. Она подпадает под его обаяние. Ей не дает покоя его таинственное прошлое, куда Мэлоун не допускает никого... В «Зимней розе» живо воссозданы события начала беспокойного XX века. Здесь и притоны преступного мира, и больницы для бедных, и гостиные и клубы аристократов. Между этими полярными точками лежит царство теней, где строгие законы времени растворяются в тайных страстях. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19177-8

© Доннелли Д., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Пролог	8
Часть первая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Дженнифер Доннелли

Зимняя роза

Jennifer Donnelly

THE WINTER ROSE

Copyright © 2008 by Jennifer Donnelly

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© И. Б. Иванов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Дженнифер Донелли пишет книги для детей и взрослых. Она живет в Бруклине и Калликуне, штат Нью-Йорк, с мужем и двумя грейхаундами. И страстно любит чай и розы.

Всем, кому нравятся «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу и «Собиратели ракушек» Розамунды Пилчер!

* * *

Я думал, что «Зимняя роза» не может быть лучше «Чайной розы», но, что невероятно, она на самом деле лучше! От нее просто не оторваться.

The Sunday Salon

«Зимняя роза», вторая часть трилогии, начавшейся с «Чайной розы», – красивая, эмоциональна и запоминающаяся история. Индия и Сид захватили мое внимание и мое сердце... Я был очарован этой парой и наслаждался их приключениями вплоть до последней страницы.

BookReporter

Романтический сюжет, точные приметы эпохи... Эта потрясающая мелодрама наверняка понравится любителям эпической исторической прозы.

Booklist

* * *

Памяти Фреда Сейджса и того Лондона, который он знал

Доктор, мои глаза

Не могут видеть неба.

Или это и есть награда

Для тех, кто научился не плакать?

Джесксон Браун

Пролог

Полицейского Фрэнки Беттс был способен учуять за милю.

От них разило пивом и пахло лавровишневой водой. Двигались они так, словно им жали ботинки. В бедных кварталах, где многие недоедали, а то и голодали, эти служители закона напоминали откормленных, лоснящихся молочных телят. В каком пабе откажут полицейскому в бесплатной кормежке? Вот они и жирели.

Фрэнки от них просто дичал. Так и хотелось крушить все, что под руку попадется, и бить морду каждому, кого увидит. И на тебе! Один сидит прямо перед тобой. И не где-нибудь, а в «Баркентине», считающейся оплотом Фирмы. Корчит из себя обычного посетителя. Попивает пиво, болтает, жратву заказывает.

Каков наглец!

Фрэнки вдавил окурок сигареты в пепельницу, засучил рукава и встал, готовый избить полицейского до бесчувствия. Но еще раньше перед ним на барной стойке возникла новая кружка с пинтой пива. Дези, владелец заведения, постарался.

– Дружище, ты же не торопишься уходить? Едва прийти успел. – Голос Дези звучал бодро и весело, но глаза предостерегающе блеснули.

– Спасибо, – буркнул он, садясь обратно.

Дези вовремя его остановил. И правильно сделал. Сид разозлится. Скажет, что недоволен. Фрэнки не дурак и не станет вызывать недовольство Сиды. Они все старались не злить хозяина.

Глотнув портера, Фрэнки закурил новую сигарету, списывая ошибку, которую едва не совершил, на нервы. Для Фирмы настали тяжелые времена. Опасные. Полицейские обложили их со всех сторон. На прошлой неделе они ограбили фургон, перевозивший деньги для выплаты жалованья, и скрылись, прихватив более тысячи фунтов. Это стало последней каплей для Фредди Литтона, местного члена парламента, и он объявил им войну. Сиды арестовали. Дези и Ронни – тоже. Но мировой судья их выпустил. Оказалось, что свидетелей ограбления нет. Точнее, были, пока не узнали, кто причастен. А как узнали, что Сид Мэлоун, оба мужчины и женщина тут же отказались от первоначальных показаний. Забыли вдруг, как выглядели грабители.

– Произошла ошибка. Полиция арестовала непричастного, – сразу после освобождения заявил газетчикам Сид на ступенях Олд-Бейли, здания центрального уголовного суда. – Я же не злодей и не преступник. Обычный деловой человек, старающийся честно зарабатывать себе на жизнь.

Эту фразу Сид повторял всякий раз, когда полиция совершала налет на его лодочную мастерскую или на один из пабов. Фраза настолько прилипла к нему, что Элвин Дональдсон, инспектор уголовной полиции, окрестил его Председателем, а его шайку – Фирмой.

Литтон был вне себя от ярости и поклялся: он получит голову Сиды на блюде. Он найдет честного человека, не боящегося говорить правду, не боящегося Мэлоуна и остальных головорезов, и, когда это случится, упечет их на пожизненное.

– Хвастаться он горазд, – сказал Сид. – Хочет, чтобы его снимки красовались в газетах. Выборы на носу.

Тогда Фрэнки поверил хозяину. Однако сейчас, когда рядом с ним сидел полицейский, Фрэнки одолели сомнения насчет правоты слов Сиды. Фрэнки посмотрел на незваного гостя в висевшее за стойкой зеркало. Кто он? Человек Литтона или еще кого-то? Зачем его послали?

Фрэнки по собственному опыту знал: куда один полицейский затесался, поищи и найдешь еще дюжину. Он оглядел зал. Уж если какой паб и заслуживает называться воровским притоном, так это наша «Баркентина», подумал он. Заведение находилось на северном берегу

Темзы, зажатое между двумя складами Лаймхауса. Темное, с низким потолком. Фасад выходил на Нэрроу-стрит, а задворки сползали прямо в реку. В часы прилива Темза стучалась в заднюю стену. Фрэнки знал почти всех присутствующих. Трое местных парней стояли возле очага, передавая друг другу какие-то побрякушки. Четверка в углу резалась в карты. Пятый кидал акульки зубы в мишень для дартса. Остальные сидели вокруг шатких столов или за стойкой. Курили. Пили. Говорили и смеялись во всю глотку. Бахвалились. Все – мелкая шушера.

Человек, к которому был послан этот тип... он не драл глотку и не бахвалился. Уж мелким его никак не назовешь. Он был одним из самых могущественных и устрашающих главрей лондонского преступного мира. По мнению Фрэнки, если этому вонючему полицейскому дорога своя шкура, то ему следует сейчас встать и дать деру отсюда, пока ноги еще носят.

Фрэнки продолжал его разглядывать. Официантка Лили принесла полицейскому миску дымящегося варева, пролив на газету, которую он читал.

– Рагу, какое подают в Лаймхаусе, – сказала она.

Человек с нескрываемым ужасом посмотрел на содержимое миски.

– Там рыба, – сухо заметил он.

– Ну прям Шерлок Холмс! А чего вы ожидали? Каре ягненка?

– Хотя бы свинину.

– Мы где? В Лаймхаусе, а не в ближних графствах. С вас два пенса.

Человек выложил монету, затем грязной ложкой помешал серое варево, и в нем показались кусочки костей и кожи. Мелькнул ломтик картошки, веточка сельдерея. Следом к поверхности поднялся белый осклизлый кусок.

Карп... Фрэнки часто видел их во время отлива. Больших, черных, белоглазых, беспомощно трепыхающихся в вонючем речном иле. Проглоти кусок, приятель, – и понос на неделю обеспечен, мысленно добавил он.

– Что, не нравится наше угощение? – спросил подошедший Дези. – Ты даже не притронулся.

Незнакомец положил ложку. Вопрос застал его врасплох.

Поди сообразил, куда попал, подумал Фрэнки.

– Что бы в глотку ни пихал, ничего не лезет, – наконец сказал незнакомец. – На одном портере живу. А съем хоть кусок – сразу выворачивает.

– Совсем никак?

– Бывает, ложка каши пройдет. Молоко. Иногда яйцо. Надзиратели постарались. Отбили кишки. С тех пор и маюсь.

Фрэнки едва не расхохотался. А у Дези ни один мускул на лице не дрогнул.

– Сидел, стало быть? – спросил владелец паба.

– Угу. Налет на витрину. Ювелирный магазинчик в Камдене. В кармане складной нож лежал. Полиция сразу: вооруженное ограбление. Судья пятерик впаял.

– Только что вышел?

Незнакомец кивнул и снял кепку, показывая голову, остриженную на тюремный манер.

– Бедняга, – улыбнулся Дези. – По-моему, голову тебе отделали почище кишок. В какой тюрьме срок мотал? В Рединге?

– В Пентонвиле.

– Гостил я у них. Надзиратель там – врагу не пожелаешь. Уиллокс его фамилия. Он по-прежнему расшибает яйца кулаком?

– У него не заржавеет.

Врун поганый, подумал Фрэнки. Нужно было хоть узнать, кто там в надзирателях.

Нет никакого Уиллокса в Пентонвиле. И никогда не было.

Шоу налил полицейскому еще пинту:

– Держи, парень. Заведение угощает.

Дези понес пиво к столу, и вновь его глаза предупредили Фрэнки: «Смотри в оба».

Потягивая пиво и пыхтя сигаретой, Фрэнки посидел еще пару минут, затем как бы ненапроком задел руку соседа, расплескав пиво на газету.

– Извини, приятель, – сказал Фрэнки, разыгрывая случайность. – Мы с официанткой тебе всю газету намочили.

– Ничего страшного, – улыбнулся тип. – На что еще эти газетенки годятся? Только разлитое пиво подтирать.

Фрэнки засмеялся. Полицейский снова прокололся: принял его смех за дружелюбие. Фрэнки знал, что так оно и будет.

– Рад знакомству. Майкл Беннет.

– Взаимно, – ответил Фрэнки. – Роджер Эванс.

– Слышал об этом? – спросил Беннет, указывая на первую страницу с крупным заголовком. – Пишут про ограбление фургона, перевозившего жалованье. Утверждают, опять Сид Мэлоун. Ускользнул с десятью тысячами фунтов.

Я бы не отказался, подумал Фрэнки. Проклятые газетенки всегда преувеличивали.

Беннет доверительно коснулся руки Фрэнки:

– Я слышал, Мэлоун прячет свои денежки в разных местах: одну часть на речной барже, а вторую – на сахарном складе.

– Что, в самом деле? – разыграл удивление Фрэнки.

Беннет кивнул.

– А еще я слышал, что третью часть он держит прямо здесь, в «Баркентине». Может, мы сидим на деньгах, – сказал он, постучав ногой по половице. – У тебя, случайно, ломик в кармане не завалился? – (Фрэнки снова выдавил из себя смех.) – Где бы он свои денежки ни прятал, место должно быть солидным, – продолжал разглагольствовать Беннет. – Жалкая развалюха старика Фейджина¹ ему не подойдет. Мне один парень рассказывал, только на кражах слитков они загребли тысячи. Тысячи! Дружище, представляешь, если бы на тебя свалились такие деньги?

Фрэнки снова начинал душить гнев. У него дернулись пальцы. Сломать бы нос этому трепачу. Научился бы тогда не совать его в чужие дела.

«Головой работай, Фрэнки, а не кулаками. Головой», – постоянно говорил ему Сид.

Беннет опять потянулся к руке Беттса.

– Я не только об этом слышал. Говорят, Мэлоун частенько бывает в этом пабе. У него тут что-то вроде штаб-квартиры.

– Чего не знаю, того не знаю, – ответил Фрэнки.

Беннет наклонился ближе:

– Мне нужно перекинуться с ним словечком. Только короткий разговор. Не подскажешь, где его найти?

– Извини, приятель, – покачал головой Фрэнки.

Беннет выложил на стойку десятифунтовую банкноту. Для большинства жителей Лайм-хауса десять фунтов были целым состоянием. Фрэнки повел себя схожим образом, быстро убрав деньги себе в карман.

– Жди меня за пабом. Минут через пятнадцать появлюсь.

Он вышел через главный вход «Баркентины», а затем вернулся в паб через подвал, поднялся по узкой лестнице в кухню, а оттуда на второй этаж. Пройдя по тускло освещенному коридору, Фрэнки дважды постучался в запертую дверь.

Дверь открылась. На пороге стоял поджарый человек в рубашке и жилете. В руках он держал дубинку, утяжеленную свинцом, которую даже не пытался спрятать. В центре комнаты

¹ Персонаж романа Диккенса «Оливер Твист». – Здесь и далее примеч. перев.

за столом сидел другой человек, неторопливо пересчитывающий двадцатифунтовые купюры. Он поднял голову. Изумрудные глаза уперлись во Фрэнки.

– Беда, хозяин, – сказал Фрэнки. – Внизу чужой. Должно быть, от Литтона. Представился Беннетом. Через пятнадцать минут выберется наружу.

– Задержи его там, – произнес человек с изумрудными глазами и возобновил пересчет купюр.

Фрэнки спустился вниз, выйдя через подвальную дверь. Майкл Беннет, продолжавший сидеть за стойкой, посмотрел на часы возле кассы. Они показывали почти два часа ночи. Допив пиво, он выложил несколько монет на стойку и поднялся с табурета.

– Спокойной ночи, приятель, – кивнул Беннет владельцу паба, и Дези помахал ему рукой. – Где у вас тут сортир?

– Ты нас с Букингемским дворцом не перепутал? – усмехнулся Дези. – Нам реки хватает. Думаю, и тебе хватит.

Покинув паб, Беннет завернул за угол и спустился по каменной лестнице, ведущей с улицы к воде.

Фрэнки стоял в тени свай и видел его появление. Беннет расстегнул брюки и долго облегался. Было время отлива. Река едва различалась в темноте, но Фрэнки слышал ее звуки. На волнах покачивались баржи. Скрипели канаты, хлопали буйки, создавая вокруг себя маленькие водовороты. Когда Беннет наконец закончил, Фрэнки вышел из-под свай.

– Черт! – крикнул Беннет. – Ну ты меня и напугал. Под сваями вообще тьма кромешная. Где Мэлоун?

– Идет сюда.

– Ты уверен?

– Тебе мало моих слов?

– Если ты меня обманул, я заберу деньги, – пригрозил Беннет.

Фрэнки покачал головой, мысленно похвалив себя. Роль честного малого он играл безупречно.

Они ждали еще минут десять. Беннет забеспокоился. Когда его беспокойство начало сменяться раздраженной нервозностью, у них за спиной вспыхнула спичка. Беннет резко обернулся.

Фрэнки тоже обернулся и увидел Сид и Дези, стоявших на нижней ступеньке лестницы. Дези зажигал фонарь.

– Ты Майкл Беннет? – спросил Сид.

Беннет молча смотрел.

– Мой хозяин задал тебе вопрос, – напомнил Фрэнки.

Беннет повернулся к нему:

– Твой хозяин? Но я думал... Ты говорил... – Он запутался и замолчал.

– Чего тебе нужно? – прорычал Фрэнки, прекратив разыгрывать компанейского парня. – Кто тебя послал?

Беннет попятился назад, подальше от Сиды.

– Мне не нужны неприятности, – сказал он. – Я всего лишь хотел передать послание. Одна женщина желает видеть Сиды Мэлоуна. Она готова встретиться с ним в любое время и в любом месте, но ей непременно надо его увидеть.

– Ты полицейский? – недоверчиво спросил Фрэнки. – Тебя Литтон подослал?

– Я тебе правду сказал, – покачал головой Беннет. – Я частный детектив.

Мэлоун запрокинул голову, оценивающе глядя на Беннета.

– Вам придется дать ей ответ, – сказал ему Беннет. – Вы не знаете эту женщину. Она не успокоится и придет сама.

Мэлоун по-прежнему молчал, но хотя бы слушал. Ободренный его вниманием, Беннет осмелел:

– Эта женщина не признает ответов «нет». Имени ее назвать не могу. Она велела его не разглашать. От себя добавлю: весьма настырная сука.

Свою фразу он закончил смешком.

Позже Фрэнки вспоминал, как при слове «сука» у Сиды дрогнули губы. Он подумал, что хозяин сейчас улыбнется. Сид непринужденно двинулся к Беннету, словно собирался поблагодарить за сведения, но вместо этого схватил его руку и одним быстрым легким движением сломал ее. От боли Беннет рухнул на колени, а при виде костей, торчащих из сломанной руки, закричал.

Сид вцепился ему в волосы, запрокинул голову и сдавил нос.

– Вот тебе мой ответ. Ясный и внятный. Передай Фионе Финнеган: человек, которого она разыскивает, мертв. Та же участь ждет и тебя, если посмеешь еще раз сунуться в эти места.

Он отпустил Беннета. Тот рухнул в прибрежную грязь. Сид повернулся и зашагал назад. Фрэнки последовал за ним. Дези задул фонарь.

– Хозяин, что это за девчонка? – спросил Фрэнки, озадаченный просьбой Беннета и реакцией Сиды. – Брюхатая? – (Сид не ответил.) – Родственница?

В темноте Фрэнки слышал только голос. Лица Сиды он не видел, а если бы увидел, то удивился – столько давней душевной муки отражалось на лице его хозяина.

– Она мне никто, Фрэнки. Никакая не родственница. Никто и ничто.

Часть первая

Май 1900 года

Глава 1

– Джонс!

Услышав свою фамилию, Индия Селвин Джонс обернулась. Мод забрала у нее очки, и ей, чтобы увидеть позвавшего, пришлось прищуриться.

– Профессор Фенвик! – воскликнула она, просяив при виде лысого, бородатого мужчины, проталкивающегося к ней через море колышущихся голов в академических шапочках.

– Джонс, а вы умненький котенок! Стипендии от Уолкера и Листера. Премия от Денниса! Есть хоть какие-то награды, которых вас не удостоили?

– Премию Битона получила Хэтчер.

– Премия Битона – сплошное надувательство. Любой дурак способен вызубрить анатомию. Врачу требуются не только знания, но и нечто большее – умение их применить. Хэтчер едва ли сумеет шину наложить.

– Тсс, профессор! Она стоит у вас за спиной! – прошептала Индия, опасаясь, что подобные слова могут вызвать скандал.

Выпускная церемония закончилась. Под звуки бодрого марша студентки покинули маленькую сцену аудитории и теперь позировали для фотографий или болтали с родными и друзьями, пришедшими на торжество.

Фенвик отмахнулся от слов Индии. Скандалов он не боялся. Этот человек высказывался свободно, резко и, как правило, во весь голос. Индия частенько становилась мишенью его язвительных словесных стрел. Она хорошо помнила первые дни ее появления в аудитории Фенвика. Ей поручили собрать анамнез у больного плевритом. Затем Фенвик велел ей открыть диагностический журнал и на основе записей дать общую картину состояния пациента. Индия едва успела произнести «Я чувствую...», как профессор накинудся на нее:

– Вы... что? Вы... чувствуете? – загремел он. – Джонс, вы записались на мой курс не для того, чтобы чувствовать. Мы здесь говорим не о поэтах эпохи раннего романтизма. Мы ставим диагнозы, ведем истории болезни. Вы здесь находитесь только для наблюдений, поскольку еще слишком невежественны для чего-то другого. Чувства затуманивают ясность суждений. Джонс, вы поняли мои слова? Что делают чувства?

– Затуманивают ясность суждений, сэр, – ответила Индия, щеки которой пылали.

– Прекрасно. Начните чувствовать вашего пациента, и вы повредите ему дурацкими предубеждениями. Запомните, Джонс: пациента надо наблюдать... замечать отечность сердца и знать, что она вызвана почечной недостаточностью... наблюдать печеночную колику и знать ее причину – отравление свинцом... Да, Джонс, наблюдать пациента, с ясностью и бесстрашием, и тогда вы его вылечите.

Кажется, это было вчера. А теперь...

– Так-так, дайте-ка взглянуть, – сказал Фенвик, горя нетерпением увидеть содержимое кожаной папки, зажатой у Индии под мышкой.

Индия раскрыла папку. Ей самой хотелось еще раз увидеть свои имя и фамилию, выведенные каллиграфическим почерком, дату – 26 мая 1900 года, печать Лондонской медицинской школы для женщин, а также заявление всему миру, что она прошла необходимое обучение и отныне имеет право называться доктором.

– Доктор Индия Селвин Джонс. Не правда ли, звучит красиво? – спросил Фенвик.

– Согласна. Звучит красиво. Но мне надо услышать эти слова еще несколько раз, прежде чем я в них поверю.

– Чепуха! Кому-то и нужна бумажка, подтверждающая, что они врачи. Однако вы к таким не относитесь.

– Профессор Фенвик! Профессор, идите сюда... – раздался пронзительный женский голос.

– О боги, – вздохнул профессор. – Декан. Похоже, эта дьяволица притащила с собой главного врача Бродмурской больницы. Хочет, чтобы я убедил его взять кое-кого из вас на работу в эту больницу. Вам чертовски повезло, что Гиффорд уже взял вас к себе.

– Да, сэр. Мне просто не терпится поскорее начать.

– Неужели? – фыркнул Фенвик. – А вы хорошо знаете Уайтчепел?

– Я немного работала в Королевской бесплатной больнице.

– А по вызовам на дом ходили?

– Нет, сэр.

– Беру свои слова назад. Насчет Гиффорда и везения.

Индия улыбнулась:

– Неужели это так скверно? Я ходила по вызовам в других бедных районах. В Камдене, Паддингтоне, Саутуарке.

– Запомните, Джонс, Уайтчепел – уникальное место. Другого такого не сыщете во всем Лондоне. Вы там многое узнаете и многому научитесь. Можете не сомневаться. Но с вашим умом и знаниями вам бы стоило поработать в клинике при каком-нибудь университете, обучаясь у прекрасных врачей. Потом открыть свой кабинет, как Хэтчер. Частная практика. Ваше место там.

– Сэр, открытие своего кабинета мне не по карману.

Фенвик выразительно посмотрел на нее:

– Даже если бы и было по карману, сомневаюсь, что вы на это согласились бы. Дай вам ключи от прекрасно оборудованного кабинета где-нибудь на Харли-стрит, вы их тут же вернете и помчитесь в трущобы.

– Мне, сэр, предпочтительнее туда просто пойти, – засмеялась Индия.

– По-прежнему бродите по воздушным замкам?

– Сэр, мне больше нравится называть это целями.

– Значит, больница?

– Да.

– Для женщин и детей.

– Совершенно верно.

Фенвик вздохнул:

– Помню, как вы с Хэтчер говорили об этом, но я тогда не поверил, что ваша затея пойдет дальше разговоров.

– У Харриет не пошло. У меня... пошло.

– Джонс, вы хоть представляете, с чем столкнетесь в первые же дни работы?

– Кое-что представляю.

– Сбор денег... охота за подходящим местом... Вы свихнетесь от одной только административной стороны вашей затеи. Вам понадобится время, чтобы сдвинуть больницу с мертвой точки. Уйма времени, когда у вас не будет ни минуты, чтобы просто передохнуть. Работая у Гиффорда, вы собьетесь с ног. Как вы все это выдержите?

– Я найду способ, сэр. Чтобы почувствовать разницу, надо попробовать, – решительно произнесла Индия.

Фенвик покачал головой:

– Помните, как шесть лет назад вы говорили мне те же слова? Только-только появившись здесь. Я до сих пор не могу понять зачем.

– Зачем... что?

– Зачем у молодой аристократки, принадлежащей к одной из богатейших семей Англии, такая тяга почувствовать разницу?

– Сэр, я не... я не... – вспыхнула Индия.

– Профессор! Профессор Фенвик!

Опять декан.

– Мне надо идти, – сказал Фенвик, но не тронулся с места; несколько секунд он сосредоточенно разглядывал свои ботинки, затем добавил: – Не стану скрывать, мне будет не доставать вас, Джонс. Вы были лучшей студенткой из всех, кто у меня учился. Рациональной, логичной, без эмоций, не в пример моему нынешнему стаду дурачков. Рад был бы сказать, что самое тяжелое уже позади, но это лишь начало. Вы хотите почувствовать разницу, изменить мир, однако у мира могут быть свои мысли на сей счет. Надеюсь, это вам известно?

– Конечно, сэр.

– Хорошо. Тогда зарубите себе на носу: что бы в вашей тамошней жизни ни случилось, вы врач. И очень хороший. Этого отнять у вас никто не сможет. И не потому, что так написано здесь. – Он постучал по кожаному переплету ее диплома. – А по причине... – Он коснулся лба Индии. – Никогда об этом не забывайте.

Теперь настал черед Индии разглядывать свои туфли.

– Не забуду, сэр, – прошептала она.

Ей хотелось поблагодарить профессора за все, что он сделал; за превращение восемнадцатилетней невежды во врача. Но она не знала, как это сделать. Обучение заняло шесть лет. Шесть долгих лет трудностей, борьбы и сомнений. Если бы не Фенвик, Индия не дошла бы до финиша. Но как выразить ему свою благодарность? С чего вообще начать?

– Профессор Фенвик... – произнесла она, подняв голову, но его рядом уже не было.

Индию захлестнуло чувство одиночества и потери. Вокруг смеялись и весело болтали недавние однокурсники. Их окружали родные и друзья. Только она была одна, если не считать Мод. Фредди отсутствовал по причине государственных дел. Уиш в Америке. Ее родители жили в Блэквуде, за сотни миль от Лондона. Но даже если бы они жили рядом со школой, то все равно не пришли бы. Индия это знала.

На мгновение она подумала о том, кто обязательно пришел бы, если бы смог; о парне, который пешком прошагал бы из Уэльса до Лондона, чтобы в этот день оказаться рядом с ней. Хью. Мысленным взором Индия увидела его взбегающим по Оуэнс-Хилл, услышала его смех. Мозг подкинул другую картину: Хью стоит на скале Диффидс-Рок, голова запрокинута, руки распростерты и обращены к хмурым и ненастным валлийским небесам. Индия попыталась прогнать эти картины, но не смогла. Глаза защипало от слез. Она торопливо смахнула слезы, зная, что Мод где-то неподалеку – сестра обещала ей праздничное чаепитие. Знала Индия и о нетерпимости сестры к растрепанным чувствам.

– Прекрати, Джонс! Немедленно! – прошипела себе Индия. – Чувства затуманивают ясность суждений.

– И шампанское тоже, старуха, но потому-то мы и любим его! – вдруг послышался рядом громкий мужской голос.

Индия стремительно обернулась и застыла в изумлении.

– Уиш! – воскликнула она; двоюродный брат наклонился и чмокнул ее в щеку. – Что ты здесь делаешь? Я думала, ты в Штатах!

– Только что вернулся. Корабль пришвартовался вчера. Едва дождался, пока из трюма выкатят мой автомобиль, и гнал сюда, не щадя мотора. Такое событие, Инди, я не пропустил

бы даже ради всех сокровищ мира. Разве ты не видела меня в задних рядах? Я аплодировал как сумасшедший. Бингэм тоже.

– Бинг, это и в самом деле ты? – спросила Индия, глядя за спину брата.

Там стоял Джордж Литтон, двенадцатый герцог Бингэм.

– Привет, Инди, – сказал он, робко протягивая руку. – Поздравляю.

– Какой замечательный сюрприз! Я вас попросту не увидела. Мод стянула мои очки. Уиш, глянь-ка на себя! Такой загорелый и обаятельный. Поездка была успешной? Ты теперь миллиардер?

– Пока еще нет, старая землеройка, но скоро стану, – засмеялся Уиш.

– Дорогая, только не подзадоривай его. Он и так уже лоснится от самодовольства. – В голосе сестры звучала ужасающая скука.

– Мод, верни мне очки! – потребовала Индия.

– Ни в коем случае. Это не очки, а сущая жуть. Они испортят фотографии.

– Но без них я ничего не вижу.

– Если уж ты так настаиваешь, – вздохнула Мод. – Знаешь, Индия, если стекла твоих очков станут еще толще, ты будешь таскать на носу настоящий бинокль. – Мод поморщила нос. – Не уйти ли нам отсюда? Здесь просто воняет больницей.

– Слушайся свою слишком старшую сестру и собирай вещички, Болтушка Инди, – сказал Уиш.

– Очень смешно, Уиш, – буркнула Мод.

– Уиш, не называй меня этим отвратительным прозвищем! – потребовала Индия.

– Что, и в самом деле отвратительное? – улыбнулся Уиш. – А помнишь, почему я наградил тебя им? Тебе тогда было лет десять, и ты взхлеб трещала об особенностях гнездования крапивников. В тебе уже тогда проявлялась исследовательская жилка. И неукротимое многословие.

– У неукротимого многословия есть более точное определение: словесный понос, – произнес Бинг, моргая, как сова.

Уиш и Мод покатались со смеху. Бинг слегка улыбнулся. Индия постаралась сохранить серьезное выражение. Все они росли вместе и, когда встречались, сразу вспоминали про старые привычки. Индия смотрела на них – все трое почти задыхались от смеха. Так и казалось, что Уиш сейчас шлепнет Бингэма поварешкой, а Мод добавит в заварочный чайник чернил. Потом, не в силах удержаться, Индия тоже захихикала. Внезапное появление Уиша и Бинга заставило ее забыть про недавнюю грусть. Теперь она сияла от счастья. Детьми они были не разлей вода, но сейчас редко собирались в одном месте и в одно время. Мод, повинаясь капризам, путешествовала по экзотическим местам. Уиш постоянно ставил финансовые эксперименты. Из банкира он превратился в игрока на бирже. Он умел за считанные дни сколотить целое состояние и столь же быстро потерять все деньги. Бингэм редко покидал Лонгмарш, предпочитая шумным лондонским улицам тишину лесов и лугов. А Фредди, жених Индии и брат Бингэма, практически жил в палате общин.

– Ребята, нам надо торопиться. – В голосе Уиша ощущалось нетерпение. – Так что собирай вещички, леди Инди.

– И таким прозвищем прошу меня тоже не называть, – предупредила Индия.

– А как тебя назвать, если мы опоздаем к ланчу? Мы заказали столик в «Коннахте» на половину первого. Решили устроить тебе маленький праздник. Но если не поторопишься, мы туда не доберемся.

– Уиш, незачем было... – начала Индия.

– Не волнуйся. Это не я. Затея Литтона.

– Бинг, незачем было...

– И не я, Инди. Мой братец.

– Что, Фредди тоже здесь? – изумилась Индия. – Как? Когда? Он говорил, что получил приглашение к К.-Б. на все выходные.

– Ничего не знаю, – пожал плечами Уиш. – Видно, сумел отвертеться. Фредди я застал уже на лестнице. Он спускался вниз. Я подбросил его сюда.

– А где он сейчас?

– На улице. Разворачивает машину.

– Уже нет. Я здесь, – сказал молодой блондин.

Он был высоким и худощавым, одетым в элегантный короткий сюртук и шевиотовые брюки. В его сторону тут же повернулась дюжина восхищенных женских голов. Возможно, какая-нибудь престарелая дряхлая тетушка или совсем юная девица и спросили бы, кто он такой, но большинство собравшихся сразу его узнали. Он был членом парламента, восходящей звездой, чей дерзкий переход из стана консерваторов к либералам приковал к себе внимание газет. Он был младшим братом Бингэма, всего лишь вторым сыном в семье, но застенчивый, тушующийся Бинг всегда мерк на его фоне.

– Фредди, что тебя сюда принесло? – спросил Уиш. – Я даже заволновался.

– Я тронут, старик. Искренне тронут.

– Речь не о тебе. Об авто.

Уиш дрожал над своим новеньким «даймлером».

– Хм... Да. С машиной что-то не совсем так, – признался Фредди. – Я никак не мог включить на этой чертовой жестянке обратную передачу. В нейтральное положение рычаг тоже не переводился. Мне и мотор заглушить не удалось.

– Фредди... – начал Уиш, но Фредди его не слушал; он целовал Индию в щеку. – Отлично, дорогая! Мои поздравления.

– Фредди, ты болван! – заорал Уиш. – Как понимать, что тебе не удалось заглушить мотор? В каком состоянии машина? Едет сама?

– Разумеется, нет. Я усадил туда швейцара. Когда я видел его в последний раз, он двигался в сторону Кингс-Кросса.

Уиш с руганью выскочил из аудитории. Бинг последовал за ним.

– Его драгоценное авто в полном порядке, – улыбаясь во весь рот, признался Фредди. – Стоит перед входом. Но ты видела физиономию Уиша?

– Фредди, это уже злая шутка! Бедняга Уиш! – воскликнула Индия.

– Бедняга Уиш. Скажешь тоже! – фыркнула Мод. – Для него это хороший урок. А то помешался на автомобилях. Может, мы все-таки уйдем отсюда? Меня уже тошнит от здешних запахов. Инди, я не преувеличиваю. Жуть полнейшая. Чем это воняет?

Индия принялась:

– Я ничего не ощущаю.

– У тебя нос заложен, что ли? Как ты можешь ничего не чувствовать?

Индия принялась еще раз:

– А-а, так это ка...

Она хотела сказать «капуста». У соседней церкви была благотворительная кухня для бедняков, и запахи оттуда всегда проникали в аудиторию. Но Фредди не дал ей договорить.

– Это кадавры, – заявил он. – В просторечии, трупы. Инди мне о них рассказывала. Лучшие отправляют в колледжи при больницах Гая и Барта, а женской школе достаются уже с тухлятинкой.

Мод побледнела, прижав к груди унизанную кольцами руку.

– Мертвецы? – шепотом переспросила она. – Фредди, ты явно шутишь. Скажи, что шутишь.

– На этот раз нет. Я предельно серьезен. Даже поклясться могу.

– Боже милостивый, меня сейчас вытошнит! Я немедленно уйду.

Мод ушла, зажимая рот рукой.

– Предельно серьезен? – накинулась на жениха Индия. – Неужели, когда мы собираемся вместе, обязательно нужно превращаться в двенадцатилетних оболтусов?

– Обязательно, – ответил Фредди.

Он наградил ее ослепительной улыбкой, и Индия, наверное, в миллионный раз подумала, что Фредди – самый обаятельный мужчина из всех, кого она видела.

– Ты несносен, Фредди. Честное слово.

– Да. И я это признаю. Но только таким способом я смог хотя бы пять минут побыть наедине с тобой, – сказал Фредди, сжимая руку Индии. – А теперь собирай вещи, старая жердь. Мы отправляемся в «Коннахт».

– Уиш сказал, чья это затея. Фредди, можно было обойтись и без торжеств.

– Я так хотел. Насколько тебе известно, люди не каждый день становятся докторами.

– Это так здорово! Так неожиданно! Я думала, ты все выходные проведешь у К.-Б.

К.-Б. сокращенно именовали Генри Кэмпбелла-Баннермана, лидера оппозиции. Ходили слухи, что лорд Солсбери, британский премьер-министр и нынешний глава консервативной партии, намерен осенью провести всеобщие выборы. Кэмпбелл-Баннерман созвал свой теневой кабинет для выработки платформы либеральной партии. Туда же пригласили нескольких перспективных заднескамеечников, включая Фредди.

– Старый шалунишка все отменил, – сказал Фредди. – Подустал малость.

– И когда ты узнал?

– Пару дней назад.

– А почему мне не сказал? – спросила задетая Индия.

Она и так переживала, зная, что его не будет на церемонии.

– Дорогая, я собирался, – сокрушенно произнес Фредди. – Наверное, нужно было так и сделать. Но едва мне стало известно, что тягомотина на выходные отменяется, я решил сделать тебе маленький сюрприз и отпраздновать твой выпуск. А теперь хватит метать в меня молнии. Идем за твоими вещичками.

Индии стало стыдно. Как у нее язык повернулся отчитывать Фредди? Он всегда был таким предупредительным. Они вышли из аудитории и по узкому коридору направились в лекционный зал, где Индия и другие выпускницы оставили свои вещи. Зал поразил ее полной тишиной. Индия не помнила, чтобы здесь бывало так тихо. Фредди уселся на скамью и стал открывать бутылку шампанского, похищенную со стола с напитками. Индия огляделась по сторонам, но не в поисках своих вещей. Она обвела глазами помещение, глядя на ряды скамеек, поднимающихся амфитеатром, прозекторский стол, шкафы, плотно забитые толстыми медицинскими книгами и справочниками, скелет по прозвищу Понсонби, болтающийся на подставке... и поняла, что видит все это в последний раз. Грусть, заглушенная встречей с друзьями и женихом, нахлынула на нее снова.

– Поверить не могу, что все закончилось и мне уже больше не сидеть здесь, – сказала Индия.

Фредди что-то пробурчал, хмурясь на неподатливую пробку.

– Это место... эта школа... все годы, проведенные здесь... все позади... – Голос Индии дрогнул.

В мозг хлынули картины прошлого. Яркие фрагменты. Она увидела себя и Харриет Хэтчер в анатомическом театре, склонившимися над трупом. Они удаляли кожу, называя и зарисовывая мышцы и кости, стараясь делать это как можно быстрее, пока трупный запах не сделался невыносимым. А главное, стараясь, чтобы их не вывернуло. «Чиркануть и блевануть» – так это называлось на их жаргоне. Профессор Фенвик то ругал их растяпами с кривыми руками, то приносил соду и подставлял ведро.

Однажды профессор оказался для них с Харриет настоящим ангелом-хранителем, появившись буквально из ниоткуда. Толпа пьяных первокурсников из колледжа при больнице Гая подкараулила их за воротами школы. Парни спустили брюки и потребовали, чтобы студентки осмотрели их члены.

– К сожалению, джентльмены, мои студентки не смогут выполнить вашу просьбу, – сказал профессор Фенвик. – Им запрещено выносить микроскопы за пределы здания школы.

Доктор Гаррет Андерсон, декан. Живая легенда. Первая англичанка, получившая медицинское образование, одна из основателей школы. Энергичная, остроумная, твердостью воли не уступавшая шеффилдской стали, она была для Индии источником постоянного вдохновения и наглядным упреком тем, кто считал женщин слишком слабыми и глупыми для профессии врача.

– Чертова фольга! Как они ее навертели? – пробормотал Фредди, выбивая Индию из раздумий. – Ага! Наконец-то.

Индия посмотрела на жениха. Ей очень хотелось рассказать ему об этом месте, хотелось, чтобы он понял.

– Фредди... – начала она. – Оставь ты эту бутылку...

Увы, было слишком поздно. Фредди направил бутылку на Понсонби и вытащил пробку. Струя залила скелету голову.

– Бедный Понсонби, – вздохнула Индия. – Ты оскорбил его чувства.

– Это муляж. Мертвая конструкция, у которой нет никаких чувств. Садись и давай выпьем. – Фредди постучал по скамейке рядом с собой; когда Индия села, он подал ей бокал. – За доктора Индию Селвин Джонс, – произнес он. – За самую умную в Лондоне девчонку. Дорогая, я так горжусь тобой!

Он чокнулся и залпом осушил бокал.

– Вот, – сказал Фредди, протягивая Индии кожаную коробочку.

– Что там?

– Открой и посмотри.

Индия подняла крышку и вскрикнула от изумления. Внутри лежали изумительно красивые золотые часы с бриллиантовыми цифрами. Фредди перевернул часы обратной стороной. Там было выгравировано: «Думай обо мне».

Индия покачала головой:

– Фредди, это сказочная красота. Даже не знаю, что и сказать.

– Скажи, что выйдешь за меня.

– Я это всегда говорила, – улынулась она.

– Тогда переходи от слов к делу. Давай завтра и поженимся.

– Но я на следующей неделе начинаю работать у доктора Гиффорда.

– Плевать на доктора Гиффорда!

– Фредди! Тише! Не говори так.

– Давай убежим. Этим же вечером. – Фредди наклонился и уткнулся носом в шею Индии.

– Не могу, глупенький ты мой. Ты же знаешь, что не могу. У меня есть работа. Важная работа. И ты знаешь, как упорно я добивалась этой работы. И потом, еще и больница...

Фредди поднял голову. Его красивые глаза янтарного цвета потемнели.

– Индия, я не могу ждать вечно. И не хочу. Уже два года, как мы с тобой помолвлены. Два года!

– Фредди, пожалуйста... не порти мне этот день.

– Оказывается, вот чем я занимаюсь! Порчу тебе день? – уязвленным тоном спросил он. – Значит, мое желание видеть тебя своей женой – это непотребные речи?

– Нет, конечно. Я хотела сказать...

– Долгое время твоя учеба стояла на первом месте. Теперь она окончена. Мужское терпение имеет свои пределы. – Фредди поставил пустой бокал, и его голос зазвучал серьезнее. – Мы могли бы столько всего сделать вместе. Тебе всегда хотелось почувствовать разницу. Ты постоянно говорила о желании что-то сделать. Но что ты сделаешь, работая у Гиффорда? Или в больнице, которой вечно не хватает денег? Индия, ты же способна на большее. Так сделай что-то серьезное и важное. Давай вместе работать над реформой здравоохранения. Стань моей советницей. Консультируй меня. И вместе мы сделаем то, чего не было прежде. Мы осуществим настоящие перемены. Не для одного Уайтчепела и даже не для Лондона, а для всей Англии. – Фредди схватил ее за руки; он говорил без передышки, не давая Индии вставить слово или возразить. – Ты замечательная женщина. Ты мне нужна. На моей стороне. – Он пригнул Индию к себе и поцеловал. – И в моей постели, – прошептал он.

Индия закрыла глаза и попыталась вдохновиться словами Фредди. Так она делала всегда, стараясь принимать то, что он говорил. Ведь он так заботливо к ней относился, был таким добрым. Фредди любил ее. Он являл собой воплощение всех качеств, о каких любая женщина могла бы только мечтать. Индии хотелось растаять от его поцелуев, но губы Фредди были слишком жесткими и настойчивыми. Жестикуюлируя, Фредди сдвинул ее очки. Его рука переместилась с талии Индии на грудь. И тогда она отпрянула.

– Надо идти, – сказала она. – Другие уже гадают, куда мы запропастились.

– Не будь холодна со мной. Я так тебя хочу.

– Фредди, дорогой, здесь вряд ли подходящее место...

– Индия, давай назначим дату нашей свадьбы. Я хочу, чтобы мы стали мужем и женой.

– Мы станем. Скоро. Я обещаю, – сказала Индия, поправляя очки.

– Ладно. Ну что, пошли?

– Я еще не нашла свои вещи. Ты иди. Я через пару минут буду.

Фредди попросил ее не увязать в поисках и ушел. Индия смотрела ему вслед и думала, что он, конечно же, прав.

Два года назад в Лонгмарше он встал на одно колено и сделал ей предложение. Вскоре нужно будет определиться с датой свадьбы, и, когда это случится, их с Фредди ждет нескончаемая череда обедов и вечеринок, где ей придется выслушивать такие же нескончаемые разговоры о платьях, кольцах и приданом. И Фредди еще не раз потребует отказаться от ее надежд на больницу и вместе с ним заняться реформой здравоохранения. Слов нет, дело это благородное, но ее призвание – лечить, а не заседать в разных комиссиях. Отказаться от лечения больных Индии было столь же трудно, как и перестать дышать.

Индия нахмурилась, досадуя на себя. Фредди был таким внимательным, а она платила ему неблагодарностью. И она это знала. Давно пора определиться с датой свадьбы. Чего проще: взять и выбрать день. Одну из прекрасных летних суббот.

Она и определилась бы, причем с радостью, если бы...

Если бы она любила Фредди.

Индия еще посидела на скамье, глядя в открытую дверь, затем сбросила мантию. Родные и друзья ждут, и она не вправе затягивать их ожидание. Она сложила мантию, опустив на стул. Провела по волосам и почувствовала, что ее светлые локоны, убранные в аккуратный пучок, теперь разлохматились и свисали тонкими закрученными прядками. Все ее попытки приручить волосы заканчивались ничем. Индия стала приглаживать прядки. Пальцы наткнулись на украшенный драгоценными камнями гребень, который она носила постоянно. Сейчас Индия вытащила гребень, положив на ладонь. Вещица была от Тиффани, парная, и стояла небольшое состояние. Платиновый, украшенный десятками мелких, безупречных по красоте драгоценных камней, гребень совершенно не вязался со скромной, неброской одеждой Индии, состоявшей из серой юбки, такой же жилетки и белоснежной накрахмаленной блузки.

Гребень она взяла в день отъезда из Блэквуда. В тот день она повернулась спиной к родовому гнезду, родителям и их проклятым деньгам.

– Учти, Индия, если ты уедешь, я лишу тебя наследства, – заявила мать, чье красивое лицо было белым от гнева.

– Не нужно мне ваших денег, – ответила Индия. – Мне от вас вообще ничего не нужно.

Палец Индии провел по трем изящным инициалам, выгравированным на внутренней стороне гребня, – И. С. Дж. Инициалы совпадали, однако гребень принадлежал ее матери – Изабелле Селвин Джонс, графине Бернли. Если бы не этот гребень, ее бы сегодня здесь не было. Если бы мать не оставила гребень в карете. Если бы Хью его не поднял. Сплошные «если».

Индия прикусила ладонь, пытаясь болью заслониться от воспоминаний. «Не надо, – твердила она себе. – Не вспоминай о нем. Не чувствуй его. Вообще убери все чувства». Но она чувствовала, ибо Хью заставлял ее чувствовать. Больше, чем кто-либо.

Перед мысленным взором снова мелькнуло его лицо. Но на этот раз Хью не смеялся. Он стремительно бежал с реки вверх по склону, держа на руках свою сестру Би. Лицо Би было совсем бледным, а подол платья – красным от крови. Хью завернул сестру в попону и напевал ей всю дорогу до Кардиффа. Неумолчно, ни разу не сбившись. Индия и сейчас слышала его чудесный голос: тихий и нежный. «Paid ag ofni, dim ond deilen, Gura, gura ar y ddor; Paid ag ofni, ton fach unig, Sua, sua ar lan y mor». Индия достаточно знала валлийский, чтобы понимать, о чем он поет. «Ты не бойся, то лист дубовый в нашу дверь сейчас стучится. Ты не бойся, это плещет одинокая волна». Хью пел сестре колыбельную «Suo Gan».

Индия вновь посмотрела на гребень, но увидела только Хью, когда за ним явилась полиция. Его лицо, искаженное горем.

– Опять думаешь о нем? – послышалось со стороны двери.

Индия вздрогнула и подняла голову. Мод не вытерпела и пошла за ней.

– Бедняжка Инди, – насмешливо произнесла Мод, – не смогла спасти Хью и потому решила спасти мир. Бедный мир. Он еще не знает, что его ждет.

Индия не ответила. Ну почему Мод всегда насмехается над печальными событиями?

– Меня отправили в этот склеп за тобой. Так что прекращай вызывать духов и собирай вещи, – продолжала Мод. – Дальше я уже не в состоянии удерживать эту свору. Уиш уговаривает несчастную декан вложить деньги в его очередную безумную затею. Фредди спорит с каким-то престарелым скрипучим тори... и... Индия, ты никак ревела?

– Нет, конечно. С чего ты взяла?

– Нос весь красный. И на волосы посмотри. Сплошные джунгли. Отдай мне гребень.

Мод расчесала светлые волосы сестры, скрутила узлом на затылке, потом отошла, оценивая прическу Индии.

– Чудесно! – похвалила себя Мод.

Индия улыбнулась и попыталась с благодарностью принять жест старшей сестры. У них такие жесты заменяли сестринскую любовь.

Потом Мод окинула взглядом одежду Индии и нахмурилась:

– И в таком виде ты явишься в «Коннахт»?

– А чем тебе не нравится? – спросила Индия, расправляя юбку.

– Я думала, тыхватишь смену одежды. То, что на тебе, слишком... унылое. Ты выглядишь так, словно отправляешься на похороны.

– Ты говоришь совсем как мама.

– Ничего подобного!

– Говоришь!

Пока Мод упорно отрицала малейшее сходство с их матерью, Индия надела жакет и шляпу. Потом взяла черную мантию, докторский саквояж и последовала за сестрой. Поднявшись на последнюю ступеньку, у самой двери, Индия обернулась и бросила прощальный взгляд

на аудиторию, на все книги, схемы и заспиртованные образцы, а также на Понсонби. Она прошептала слова прощания. Ее глаза снова были ясными, а лицо – спокойным. Душевную боль она спрятала поглубже. Индия Джонс вновь была собой. Хладнокровной. Невозмутимой. Энергичной. Восприимчивой. Умеющей держать чувства под строгим контролем.

– Никогда не давай им волю, – прошептал ей Понсонби. Или только показалось? – Всегда помни: чувства туманят ясность суждений.

И еще много чего, старина, подумала Индия. Много чего.

Глава 2

Джозеф Бристоу поднялся на крыльцо дома 94 по Гросвенор-сквер в Мейфэре. Его особняк был выше и внушительнее большинства соседних зданий. В Лондон Джо вернулся ранним поездом и прямо с вокзала Кингс-Кросс поехал домой. Как хорошо, что сегодня воскресенье. Часы показывали час дня. Обед наверняка уже подан. Джо рассчитывал на баранью ногу или ростбиф с йоркширским пудингом. Целую неделю Джо провел в Брайтоне, подыскивая место для нового магазина его компании «Монтегю». Он скучал по дому. По домашней еде. Но сильнее всего Джо скучал по семье. Ему не терпелось увидеть Фиону и маленькую дочурку Кейти. Джо потянулся к звонку, однако дверь распахнулась сама.

– С возвращением, сэр. Позвольте взять ваши вещи, – произнес Фостер, их дворецкий.

– Добрый день, мистер Фостер. Как поживаете?

– Отлично, сэр. Благодарю за то, что поинтересовались.

Джо собрался было спросить у него, где Фиона, но в этот момент мимо пронеслись два фокстерьера.

– С каких пор у нас появились собаки? – спросил Джо.

– Они наше недавнее приобретение, сэр. Кто-то оставил их в парке. Они совсем оголодали и кланчили у гуляющих еду. Миссис Бристоу взяла их домой.

– И почему меня это не удивляет? – покачал головой Джо. – Как их зовут?

– Липтон и Твайнинг, – ответил дворецкий. – Миссис Бристоу сказала, что они похожи на ее конкурентов. Постоянно тявкают и путаются под ногами.

Джо засмеялся. Он смотрел, как собаки носятся по холлу, наскакивая друг на друга и задорно лая. Потом один подбежал к стойке для зонтиков и уже собирался задрать ногу, но быстрый пинок Фостера убедил его этого не делать. Второй пес запрыгнул в большой горшок с папоротником и принялся лихорадочно рыть землю.

– Прошу прощения, сэр.

Фостер двинулся к невоспитанному животному. В этот момент в холл ворвались двое сорванцов, которые размахивали тростями, словно копьями. Это были Робби и Сюзи, дети Эллен, сестры Джо. За собой они тащили шелковый коврик, связанные концы которого образовывали подобие сумки. На коврике сидела очаровательная синеглазая малышка – его дочь Кейти. Она грызла печенюшку. Джо нагнулся и поцеловал свое сокровище.

– Привет, мои любимцы, – поздоровался он с детьми. – Что это вы затеяли?

– Похищаем Кейти, чтобы потребовать за нее выкуп, – ответил Робби. – Мы из племени кикуйю, а Кейти – из масаев. В Африке есть такие племена. Я читал о них в журнале для мальчиков.

– Да ну?

Из гостиной донесся громкий вопль.

– Военный отряд! Отступаем к холмам Нгонг! – крикнул Робби.

Кейти успела помахать отцу. Ее потащили в столовую, а в холле появились еще трое детей – потомство младшего брата Джимми. За ними, бормоча ругательства, неслась их мать Мег. Успев чмокнуть Джо в щеку, она побежала дальше.

Джо покачал головой. Тихий день? Спокойный обед? В этом-то доме? О чем он думал?

– Интересно бы знать, как проходят воскресные дни в соседних домах, – произнес он вслух. – Дотягивают ли они по уровню сумасшествия до нашего?

– Вы про Гренвилл-Баркероу? Про Уолсингемов? – спросил Фостер, вновь появляясь в холле с одним из фокстерьеров под мышкой. – Я бы так не думал, сэр.

– Кстати, мистер Фостер, где моя миссус?

– В саду, сэр. У нее полным-полно гостей.

– Гостей?

– Благотворительный ланч по сбору средств на ремесленную школу для девочек при миссии Тойнби.

– Впервые слышу про этот ланч.

– Миссис Бристоу сама узнала всего три дня назад. К ней обратились его преподобие и миссис Барнетт. Вроде у школы частично обрушилась крыша. Результат сильных ливней.

– И моя жена в очередной раз занимается чьей-то бедой.

– Полагаю, это становится неотъемлемой частью ее дел.

– А чего-нибудь пожевать найдется?

– Все угощение подано в сад, сэр.

Джо пересек дом и вышел в залитый солнцем сад. Он ожидал увидеть человек двадцать или чуть больше, но, к его удивлению, там собралось больше сотни. Что еще удивительнее, все они молчали. Вскоре Джо понял причину столь тихого поведения гостей. В дальнем конце сада стояло около сорока девочек от десяти до шестнадцати лет. Их окружали завораживающе красивые кусты красных роз. Воспитанницы школы. Все были вымыты и причесаны, а их юбки и блузки, явно доставшиеся от старших сестер и матерей, аккуратно отглажены. Одна из воспитанниц запела чистым, звонким голосом. Остальные подхватили. Джо узнал песню. «Come into the Garden, Maud»². Гости стояли в полном молчании. Некоторые вытирали глаза.

– Ах, Фиона, ну и бесстыжая ты девчонка! – прошептал Джо.

Он оглядывал собравшихся, высматривая жену. Фиону он отыскал не сразу, зато увидел много знакомых лиц. Ведущие промышленники, аристократки, политики. Фиона собрала их всех и перемешала у себя в саду. Торговцев с виконтами, актрис – с министрами кабинета, социалистов – с представителями высшего общества. Разделы светской хроники называли Джо и Фиону 'Арри и 'Арриета, ехидно намекая на мир лондонских кокни, в котором они родились и выросли. Газетчики злословили, что дом 94 по Гросвенор-сквер – единственный дом в Мей-фэре, где дворецкий говорит по-английски лучше, чем его хозяева. Это не мешало людям из самых высших слоев общества добиваться приглашения на приемы, устраиваемые Фионой.

Гостям нравилось бывать в доме 94. Разговоры, смех, сплетни, споры. Здесь угощали отменной едой и подавали лучшие вина. Но главной силой, способной повлиять на самого высокомерного и заносчивого критика, была сама Фиона. Прямая, обезоруживающая своей прямоотой, легко находящая общий язык с уборщицами и герцогинями. Глава международной чайной империи, одна из богатейших женщин мира, она была у всех на устах. Ею восхищались. О ней не переставали говорить. Все знали историю ее стремительного подъема с самых низов. Все знали, что ее отец был складским грузчиком, которого убили, а вскоре она лишилась и матери. Вынужденная спасаться бегством, она приплыла в Нью-Йорк, где на нее положил глаз местный магнат. Однако замуж она вышла не за него, а за виконта. Несколько лет назад виконт умер, но Фиона по-прежнему носит его кольцо с бриллиантом.

– Есть ли у нее дети от первого брака? Нет, дорогая. Не было у них с первым мужем детей. Почему? Он был... из тех самых... ты понимаешь.

² Песня на стихи из поэмы Альфреда Теннисона «Мод».

Такие разговоры велись сплошь и рядом. Не меньший интерес вызывало дерзкое разорение ею своего конкурента.

– Дорогая, так она же сделала это из мести. Тот человек убил ее отца. И ее пытался убить! Представляешь?

Сарджент донимал ее просьбами попозировать для него. Эскоффье назвал в ее честь десерт. Когда Уорт окрестил новый ансамбль из юбки с жакетом «Костюмом Фионы», модницы замучили портних требованиями сшить им такой же. В гостиных, за чаем с пирожными, дамы шептались о том, что она не носит корсет. В мужских клубах, за портвейном и «Стилтоном», джентльмены во весь голос кричали, что корсет ей и не нужен, поскольку на самом деле Фиона... мужчина. Иного быть не может, поскольку у нее самые большие яйца во всем Лондоне.

Наконец в одном из углов сада Джо заметил жену. Едва девичий хор закончил петь, Фиона встала и обратилась к гостям:

– Леди и джентльмены! Прекрасные голоса, только что звучавшие здесь, принадлежат воспитанницам ремесленной школы для девочек при миссии Тойнби. А теперь я прошу вас послушать куда менее прекрасный голос... мой собственный. – Гости засмеялись, кто-то стал возражать, но Фиона продолжила: – Эти девочки растут в семьях, доход которых меньше одного фунта в неделю. Представьте семью из шести человек, вынужденную целую неделю жить на деньги, которые кто-то из нас тратит на журналы или шоколадные конфеты. Благодаря исключительной смывленности этих девочек отобрали для обучения в школе, где они получают востребованную профессию и таким образом смогут выбраться из нищеты. Его преподобие и миссис Барнетт рассказали мне, что обильные дожди повредили часть школьной крыши. И теперь, едва пойдет дождь, занятия прекращаются, а дети вынуждены сбиваться в кучу, чтобы не промокнуть до нитки. Слыша об этом, вы наверняка испытываете такое же потрясение, какое испытала я.

Фиона вновь сделала паузу, дав улечься эмоциональным восклицаниям.

– Школьное здание отчаянно нуждается в новой крыше. Но крыша – лишь начало. Когда она появится, нам понадобятся дополнительные столы, доски, книги. Школе понадобятся новые учителя и деньги на оплату их жалованья. Но больше всего нам понадобятся... вы. Нам понадобится ваша постоянная помощь, ваша доброта и щедрость. Это позволит нам увеличить число учащихся и расширить круг профессий. Мы начинали с экономок, гувернанток и поварих. Теперь надо двигаться дальше. Владелицы магазинов вместо продавщиц, управляющие вместо секретарш, президенты компаний вместо женщин-клерков. В том числе и чайных компаний. Что скажете, сэр Том? – спросила она, подмигнув Томасу Липтону.

– Нет уж, довольно с нас одной! – воскликнул Липтон.

– Математика, экономика, бухгалтерское дело... Да, прежде девочек такому не учили. Спрашивается, чему их нужно учить сейчас? И для чего? Чтобы по вечерам, когда закроется их кондитерский магазин, они могли бы в холодной комнате, при свечах, читать Шекспира? Нет. Если их цель – вырваться из порочного круга нищеты, им нужна более квалифицированная работа, с более высоким жалованьем и более широкими возможностями...

Джо смотрел на жену и в который уже раз, наверное в миллионный, думал, что никогда не видел более очаровательной женщины. Он знал ее с детства. Красота Фионы не только не поблекла, наоборот, жена стала еще красивее. На ней была белая блузка, жакет небесно-голубого цвета и такая же юбка. Покрой юбки умело скрывал растущий живот. Фиона находилась на четвертом месяце беременности их вторым ребенком и вся сияла от счастья. Ее густые черные волосы были уложены в высокую прическу, закрепленную жемчужными гребнями. Щеки Фионы покраснели от теплого дня, а ее несравненные сапфировые глаза лучились от чувств, передаваемых словами. Пока она говорила, никто не перешептывался и не переминался с ноги на ногу. Глаза всех собравшихся были устремлены на нее.

Глядя на жену, Джо испытывал прилив гордости, однако под гордостью таилась тревога. Под прекрасными синими глазами темнели круги, а лицо выглядело похудевшим. Она работает не щадя себя, подумал Джо. Такой плотный график был под силу не каждому мужчине. Фиона вставала в пять утра и до восьми работала в домашнем кабинете. Затем они втроем завтракали, после чего она отправлялась в свою контору на Минсинг-лейн. К трем часам дня Фиона обычно приезжала домой, чтобы выпить чая с Кейти и немного поиграть, затем возвращалась на работу. Ее рабочий день заканчивался в девять вечера, когда они с Джо ужинали и за бокалом вина рассказывали друг другу о событиях дня. И при такой занятости Фиона еще изыскивала время, чтобы неутомимо заниматься делами созданного ею благотворительного фонда – Общества помощи Восточному Лондону. В ведении фонда находились школы, приюты и благотворительные кухни.

Джо часто говорил ей, что проблемы Восточного Лондона слишком обширны и одной женщине с ними не справиться. Ее героические усилия – капля в море. Настоящая помощь должна исходить сверху, от правительства. Нужны программы по выходу из нищеты. Нужны выделяемые парламентом деньги для финансирования этих программ. Фиона никогда не спорила. Она лучезарно улыбалась и говорила, что он прав, конечно он прав, но сейчас такая-то благотворительная кухня, снабжающая едой окрестных бедняков, нуждается в припасах, и если она отправит фургон в Ковент-Гарден, сможет ли он и его коллеги отдать бесплатно какое-то количество фруктов и овощей? Джо отвечал «да», затем просил прекратить работать на износ или хотя бы побольше отдыхать, но она никогда не прислушивалась.

Фиона закончила речь. Гости бурно зааплодировали. Фиону обступили желающие внести пожертвование. Джо продолжал аплодировать, когда почувствовал у себя на спине чью-то руку.

– Привет, старина!

Это был Фредди Литтон, член парламента от Тауэр-Хамлетс – части Лондона, куда входил Уайтчепел и школа для девочек. Джо удивился его появлению. Вряд ли Фредди собирался сделать пожертвование. Фиона встречалась с ним не раз в надежде получить правительственные деньги на благотворительные цели, но дальше расплывчатых обещаний дело не шло.

– Привет, Фредди. Рад вас видеть.

– Фантастический успех, – сказал Фредди, покачивая бокал с шампанским. – Кто-то говорил, что Фиона собрала две тысячи. Прекрасная сумма.

Джо решил поставить его на место.

– Согласен, сумма прекрасная. Но было бы еще прекраснее, если бы к этому подключилось правительство. Есть какие-либо шансы?

– Видите ли, его преподобие и миссис Барнетт обращались и ко мне. Я направил в палату общин запрос о выделении средств в размере пятисот фунтов. Не хваля себя, скажу, что я очень аргументированно обосновал свой запрос, – улыбнулся Фредди. – Проталкивал изо всех сил. Ответ должен прийти со дня на день.

Новость не удовлетворила Джо. По его мнению, Фиона помогала детям Уайтчепела намного больше, чем избранный представитель. Джо это злило.

– Утренние газеты сообщили, что парламент недавно одобрил выделение сорока тысяч фунтов на обновление королевских конюшен, – сказал Джо. – Наверняка в парламенте смогут найти пятьсот фунтов для школы. Или дети менее важны, чем лошади?

– Разумеется, нет.

Джо пристально посмотрел на него:

– Речь не о детях вообще. О детях бедняков. Ведь их отцы не голосуют. Не могут голосовать, поскольку у них недостаточно денег. Боже упаси, когда они получают это право. Тогда вы все останетесь без работы.

– Чтобы распространить избирательное право на весь рабочий класс, понадобится еще одна реформа избирательной системы. А этого не произойдет. Во всяком случае, при Солсбери, – снисходительно произнес Фредди.

– Время премьер-министра истекает. Он не вечен на своем посту, как и его консервативная политика, – сказал Джо, возмущенный покровительственным тоном Фредди. – В один прекрасный день правительство наделит всех граждан правом голоса. И бедняки будут голосовать наравне с богатыми.

– Политику правительства должны определять те, кто лучше других понимает ее тонкости, – возразил Фредди.

– Политику правительства должны определять те, кто настрадался от этих тонкостей. Вот так-то, дружище.

– Вас послушать, так любой человек, любой бездельник и неуч должен иметь голос в правительстве?

– А почему бы и нет? Многие уже имеют.

– В точку, старина. В точку, – согласился Фредди.

Его губы улыбались, но глаза на мгновение вдруг сделались жестокими и угрожающими. Уже в следующее мгновение лицо парламентария вновь приняло учтивое и дружелюбное выражение.

– Послушайте, Джо, ведь мы с вами как-никак на одной стороне. – (Джо хмыкнул.) – Да, на одной. Нас обоих заботит судьба Восточного Лондона, его жителей и перспективы на будущее. Разве не так?

– Да, но...

– Я знал, что мы найдем общий язык, потому и пришел. Давно собирался с вами поговорить. Думаю, вы слышали о намеченных на сентябрь всеобщих выборах. Официального сообщения пока не было, однако...

Вот оно что, подумал Джо. Судя по всему, Фредди появился уже после того, как девичий хор закончил петь «Come into the Garden, Maud».

– ...и тори рассчитывают на победу. Мне нужна ваша помощь. Ваша поддержка, чтобы представительство от Тауэр-Хамлетс осталось за либералами. Мы должны встать крепостной стеной и не допустить продвижение тори.

– «Мы» – это кто? – полюбопытствовал Джо.

– Высший класс.

– Меня к ним не причисляйте.

– К кому это тебя не причислять? – спросил женский голос.

Подошедшая Фиона улыбнулась мужу, сжав его руку. Глаза у нее сияли.

– Фиона, ваш муж, между прочим, умеет быть очаровательно скромным. Я тут втолковывал ему, что он теперь тоже принадлежит к высшему классу и является одной из ведущих фигур нашего общества.

– Фредди, но я же... – начал Джо.

– Я не стараюсь сделать вам комплимент, – сказал Фредди, словно прочитав его мысли. – Да, происходите вы из рабочей среды, но больше к ней не принадлежите. Вы человек, добившийся всего самостоятельно. Вы владеете крупнейшей в стране сетью магазинов и крупнейшим концерном сельскохозяйственной продукции. И всего этого вы добились самостоятельно, подчинив себе могучую силу частного предпринимательства.

– Черт побери, Фредди! – не выдержал Джо. – Здесь не митинг в поддержку вашей партии. Говорите прямо: чего вы хотите?

– Вашей поддержки. Я имею в виду вас обоих.

– Моей?! – воскликнула Фиона. – Но у меня даже права голоса нет.

– Зато есть рычаги влияния, – ничуть не смутился Фредди. – У вас обоих в Восточном Лондоне находятся склады и фабрики. Там работают сотни людей, многие из которых имеют право голоса. Мне нужны их голоса. Место в парламенте я получил как консерватор, но затем ушел из их стана. Тори хотят вернуть это представительство себе. Дикки Ламберт – их ставленник – действует весьма агрессивно. Меня ждет яростное столкновение с ним. Выборы пока еще остаются на уровне слухов, однако его это не смущает. Он всю разглагольствует о них по местным пабам.

– А откуда у вас такая уверенность, что рабочие не проголосуют за лейбористов? – спросила Фиона.

– Да вы шутите! – засмеялся Фредди. – Это же кучка горлопанов марксистского толка! Никто не принимает их всерьез.

– Думаю, наши рабочие сами разберутся, за каких кандидатов им голосовать, – сказал Джо. – И подсказки со стороны им не нужны.

– Ошибаетесь, Джо. Еще как нужны. Вы для них – наглядный пример. Они равняются на вас. Хотят быть такими же, как вы. И они сделают то, что вы им скажете.

– А что вы сделаете для них? – спросила Фиона.

– Я намерен работать с предпринимателями, чтобы Восточный Лондон ощутил приток капитала. Больше сахарных заводов. Новые пивоварни. Новые фабрики. Мы сделаем перемещение производства выгодным для деловых людей. Например, льготное налогообложение.

– Но эти меры обогатят только фабрикантов.

– Замечание не по существу, – поморщился Фредди. – С появлением новых фабрик появятся и новые рабочие места.

Джо изумленно покачал головой. Фредди не знал ровным счетом ничего о жизни своих избирателей. Такое незнание было ошеломляющим и даже оскорбительным.

– Вот только какими будут эти новые рабочие места? – спросил Джо, голос которого зазвучал громче. – Еще одна кондитерская или спичечная фабрика? Еще одна дубильня? Еще один склад? Там по-прежнему платят жалкие гроши. Бедняги, работающие в таких местах, гнут спину от зари до зари, работают по шесть дней в неделю и все равно вынуждены выбирать между покупкой еды и угля.

Фредди посмотрел на него так, словно Джо был умственно отсталым ребенком.

– Правительство не виновато, если какой-то человек не научился распоряжаться своими деньгами.

– Да поймите вы наконец: там нечем распоряжаться! Всё, что зарабатывается, тут же тратится на насущные нужды, – почти закричал Джо.

– Зато деньги на пабы у них находятся всегда. По вечерам там не протолкнуться. Это мне известно по собственному опыту, – сказал Фредди. – Я ходатайствовал о закрытии самых злачных из них. Но либералы позаботятся не только о новых рабочих местах в Восточном Лондоне. Мы намерены укрепить там законность и порядок. Я сам возглавлю решительную борьбу с преступностью. Фактически уже начал. Я увеличил число полицейских на улицах и организовал патрулирование акватории Темзы. Сейчас я выступаю за ужесточение наказаний для нарушителей закона.

– Такие заявления мы слышим от каждого политика, – сказал Джо.

– Но не у каждого политика за словами следуют дела. Как вы знаете, я охочусь за Мэлоуном. Да, за Мэлоуном.

При звуке этого имени у Джо дрогнуло сердце. Он украдкой взглянул на Фиону. Их глаза встретились. «Молчи», – предостерегали глаза жены. Джо поспешно отвернулся, не желая, чтобы Фредди видел их молчаливый диалог. А Фредди, если и видел, умело это скрыл, продолжая свой монолог.

– Я до него еще не добрался. Но обязательно доберусь. Я добьюсь показательного суда над ним. Он обязательно на чем-нибудь споткнется. Они все спотыкаются. Покалечит кого-нибудь при ограблении или даже убьет. И тогда я отправлю его на виселицу. Попомните мое слово.

Фиона побледнела так сильно, что Джо за нее испугался. Взяв жену за руку, он собирался проводить ее к ближайшему стулу. В этот момент словно из воздуха возник Фостер и тихо сообщил миссис Бристоу о посетителе, который желает ее видеть.

– Так проводите его сюда, – попросила Фиона.

– Я бы этого не делал, мадам, – ответил дворецкий и кивнул в сторону оранжереи.

Посмотрев туда, Джо увидел за стеклянной стеной незнакомого человека в мешковато сидящем костюме. Одна рука была у него на перевязи. Незнакомец сразу не понравился Джо. Раньше, чем он успел спросить о незнакомце, Фиона извинилась и сказала, что ей нужно отлучиться.

– Неотложное дело, – торопливо пояснила она. – Я недолго.

Джо стало не по себе. Он везде и во всем старался оберегать жену. Фиона называла это чрезмерной опекой. Ему почему-то захотелось ее удержать. Он почти уже двинулся следом, когда Фредди снова заговорил. Тем временем Фиона вошла в оранжерею и поздоровалась с незнакомцем, пожав ему здоровую руку. Джо отругал себя за излишнюю подозрительность.

– Фредди, извините, я отвлекся. О чем вы говорили?

– Я говорил: если Мэлоуна повесят, это будет грозным посланием остальному вору и головорезам в Восточном Лондоне.

– Закон и порядок – это прекрасно. Никто не спорит. Но с их помощью вопрос решается лишь частично. Пьянство, насилие, преступность... все они растут на почве нищеты. Устраните нищету, и многие проблемы исчезнут.

Фредди засмеялся:

– Знаете, старый крот, своими рассуждениями вы все больше напоминаете этих свихнутых социалистов. Ну как правительство может устранить нищету? Может, распахнуть перед бедняками двери Королевского монетного двора и раздать им гинеи?

Раздражение, вызываемое словами Фредди, превратилось внутри Джо в настоящий гнев. Он мысленно напомнил себе, что Фредди – их гость.

– А как насчет более реальных мер? – спросил Джо. – Например, достойное жалованье вместо грошей, получаемых этими мужчинами и женщинами за свой тяжелый труд. Предложите им достойные деньги. Предложите компенсации за несчастные случаи на работе, чтобы их семьи не голодали. Предложите их детям настоящее образование, чтобы их жизненные перспективы не ограничивались фабрикой или причалом. Фредди, вы же всерьез хотите победить на выборах? Это легко сделать. Предложите вашим избирателям надежду.

Произнеся эти слова, Джо сказал, что его ждут дела. Он снова посмотрел в сторону оранжереи, но Фионы и незнакомца там не было. Джо не на шутку встревожился. Войдя в дом, он позвал Фостера.

– Где миссис Бристоу? – напряженно спросил он.

– У себя в кабинете, сэр. Вместе с ее посетителем.

– Что это за человек и почему он здесь?

– Его зовут Майкл Беннет, сэр. Род занятий и причину визита он не назвал.

Джо поспешил к лестнице. Слова Фостера еще больше его насторожили. Уважающий себя посетитель не станет скрывать, зачем пришел. Джо взбежал по лестнице, ругая себя, что сразу не последовал голосу интуиции, а продолжал выслушивать излияния Фредди. Дверь кабинета Фионы была закрыта. Джо постучался и, не дожидаясь ответа, вошел. Фиона сидела за столом. Глаза у нее были красными. Пальцы комкали платок. Напротив сидел Майкл Беннет.

– Фиона, что происходит? Чем ты расстроена? – спросил Джо и тут же повернулся к Беннету. – А вы вообще кто?

– Не волнуйся, – ответила Фиона. – Это Майкл Беннет. Частный детектив.

– Детектив? Зачем тебе понадобился сыщик?

– Чтобы найти Чарли, – ответила Фиона и отвернулась.

Лицо Джо стало каменным.

– Сколько мы вам должны?

Беннет поерзал на стуле.

– Предварительно мы договаривались на пятьдесят фунтов. Но это было до моей руки и... всего прочего. Счета от врача и...

– Ста фунтов хватит? – спросил Джо.

У Беннета округлились глаза.

– Конечно. Вполне.

Джо выложил на стол купюру. Частный детектив быстро убрал деньги.

– Как я говорил вашей жене...

– Достаточно, мистер Беннет. Благодарю вас, – перебил его Джо.

– Но я не успел рассказать миссис все, что узнал. Я только...

– Спасибо, мистер Беннет, – снова прервал его Джо, открыв дверь кабинета.

Беннет пожал плечами и удалился. Джо снова закрыл дверь.

– Что приключилось с его рукой?

– Сломана. Это сделал Чарли. Мистер Беннет передал мне его слова: «Вот мой ответ. Ясный и внятный».

Услышанное взбесило Джо.

– Фиона, как это понимать? – заорал он. – Я думал, мы всесторонне обсудили этот вопрос и вроде бы оба согласились, что пытаться устанавливать контакты с твоим братом – занятие весьма опасное. И как бы ты себя повела, согласишься он увидаться с тобой? Пригласила бы на воскресный обед? Позволила бы ему качать Кейти на коленке? А может, чтобы отвлечься от взламывания сейфов и разбивания голов, он бы приходил рассказывать нашей дочери сказки перед сном?

– Джо, я просто хочу его видеть.

– А я не хочу его видеть ближе, чем на расстоянии десяти миль от нас. Ты знаешь, кто он такой и чем занимается. Черт побери, Фиона! О чем ты думала?

Прекрасные синие глаза Фионы наполнились слезами. В них была глубокая, неутрачиваемая тоска.

– Джо, он мой брат. Это ты понимаешь?

– Фиона, Сид Мэлоун – преступник.

– Это не его имя! – сердито воскликнула она, ударив по столу. – Его зовут Чарли. Чарли Финнеган.

– Был когда-то.

– Если бы я смогла увидаться с ним. Если бы мы спокойно поговорили...

– И что бы ты сделала? Наставила бы его на путь истинный? Превратила бы в благочестивого гражданина? Ничего подобного. Есть сражения, из которых тебе не выйти победительницей. Даже тебе, любовь моя. Нужно похоронить прошлое. Он сделал свой выбор. Сам же тебе и сказал.

Фиона отвела глаза. Джо чувствовал: внутри ее шла напряженная борьба.

– Фиона, я догадываюсь, о чем ты думаешь. Не вздумай сама его искать. Это слишком опасно.

– Джо, ты слышал Фредди Литтона. Он пообещал арестовать Чарли, судить и повесить!

– Фиона, обещай мне, что ты не станешь... – Его прервал стук в дверь. – Кто там еще? – рявкнул Джо.

– Прошу прощения, сэр, но его преподобие и миссис Барнетт уходят и желали бы проститься, – донесся приглушенный голос Фостера.

– Иду, мистер Фостер.

Избегая смотреть на мужа, Фиона вытерла глаза и быстро вышла из кабинета.

Джо со вздохом сел прямо на стол. Ему не хотелось возвращаться к гостям. Может, попозже. Спор с Фионой всколыхнул его. Джо оглядел кабинет. На столе высились штабеля папок. Он знал об их содержимом: то были десятки заявок в Общество помощи Восточному Лондону. Отношение к благотворительным делам у Фионы было таким же трезвым и рациональным, как и к делам ее чайной компании. От заявителей она требовала представить досье на их организацию и административный состав, а также подробный план использования запрашиваемых средств. Получив такое досье, Фиона наносила туда визит и знакомилась с людьми. Резервы общества были велики, но не безграничны, и она настоятельно, без поблажек, требовала разумно и оправданно тратить каждый полученный пенс. Фиона часами разбирала заявки, засиживаясь допоздна. Порой Джо заставлял жену за работой и в час ночи, и даже в два часа.

– Любовь моя, ложись спать, – обычно говорил он.

– Обязательно лягу. Только еще одну заявку посмотрю, – отвечала она, зная, что каждый выписанный ею чек уменьшал число голодных детей.

Такое пристальное внимание имело свои причины. Прежде всего, доброе сердце, не позволявшее Фионе пройти мимо голодной бродячей собаки. И потом, она, как и Джо, родилась и выросла в Восточном Лондоне. Теперь они оба стремились отдать долги месту, научившему их следовать за мечтой и добиваться поставленных целей. Но Джо знал не только это. Если она сможет изменить десять... сто... тысячу жизней обитателей Восточного Лондона, возможно, это повлияет на одну-единственную жизнь, изменить которую Фионе было не по силам. Жизнь ее брата.

Джо встал, напряженно морща лоб. Он лучше, чем кто-либо, знал: тех, кого Фиона любила, она любила навсегда. И попытки вырвать Сиды Мэлоуна из преступного мира не прекратятся. И ее действия будут такими же упорными и неотступными, как месть убийце ее отца. Она потратила на это десять лет. Она рисковала всем: состоянием, бизнесом, жизнью. Чем рискнет она, спасая брата?

Ничем, мысленно ответил себе Джо. Десять лет назад Фиона могла наплеватьски относиться к своей жизни, поскольку была одна. Но теперь у нее семья. Малолетние дети хорошо излечивают от рискованных поступков. «Нужно похоронить прошлое», – несколько минут назад сказал ей Джо. Она так и сделает. Обязательно сделает. Глупость Фионе не свойственна. Она видела руку Беннета.

Джо собрался выйти из кабинета, и тут ему на глаза попала папка. Она валялась рядом со столом. Уходя, Фиона, должно быть, ее смахнула. Джо нагнулся за папкой. На ней незнакомой рукой было выведено: «Мэлоун». Наверняка Беннет писал. Джо даже не потрудился заглянуть внутрь. Зачем? С поисками покончено. Он швырнул папку в мусорную корзину.

– Похоронить прошлое, – произнес он вслух, выходя из кабинета Фионы и даже не подозревая, что прошлое способно похоронить его самого.

Глава 3

У дома 22 по Сарасен-стрит экипаж Сиды Мэлоуна остановился. Там его уже ждали Фрэнки Беттс и Том Смит, двое из его людей. Позднее время и проливной дождь сделали улицы Лаймхауса почти пустыми. Сиду это нравилось. Он избегал излишнего внимания к своей персоне.

Если бы не экипаж, Сид вполне сошел бы за местного жителя – какого-нибудь рабочего, возвращающегося из паба домой. На нем были рабочие брюки из грубой ткани и темно-

синяя шерстяная куртка, какие носят моряки. На ногах – тяжелые ботинки. Голову прикрывала кепка. Никаких перстней и прочих побрякушек он не носил. И его люди тоже. Сид им этого не позволял. Такие штучки сразу становились особыми приметами. Лицо Сиды было гладко выбрито. Брился он сам. Рыжие волосы стягивал в конский хвост. Когда они делались слишком длинными, Сид попросту обрезал их складным ножом. К услугам парикмахеров он никогда не обращался. Слишком много врагов было у Сиды, чтобы позволить кому-либо с бритвой в руке приблизиться к его горлу.

– Получил ваше послание, – сказал он своим людям, выбрасывая окурок в сточную канаву. – Что там еще? Где Ко?

– Внутри, – ответил Фрэнки. – Нервничает малость.

В доме номер 22 помещалась прачечная «Кантон». Ее название было крупными буквами написано на фасадных окнах, а чуть ниже шли слова: «Лучшая прачечная». Свет в помещении не горел. Сид постучался в дверь, которую почти сразу открыла молодая китайка в красном платье. Она молча провела Сиду и его людей в заднюю часть помещения, поклонилась и исчезла.

Тедди Ко, местный кокни и сын китайских иммигрантов, сидел, положив ноги на стол. Короткие волосы Тедди были аккуратно подстрижены, а сам он одет в модный, облегающий костюм. На манжетах поблескивали золотые запонки. Из нагрудного кармана выглядывали большие часы. Его ботинки сверкали, как два куса черного янтаря. Увидев Сиду, он вскочил и вышел из-за стола, чтобы обменяться рукопожатием. Усадив Сиду и его парней, Ко что-то крикнул на кантонском диалекте. Из коридора мгновенно появился старик в хлопчатобумажной куртке и шапочке. В руках он держал чайный поднос. Разлив по чашечкам крепкий черный чай сорта «кимун», старик поставил чайник на стол. Его скрюченные руки дрожали, отчего чай пролился на стол Ко. Старик попытался промокнуть лужицу тряпкой, но Ко вырвал тряпку, швырнул ему в лицо и вытолкнул из кабинета.

– Грёбанные кúли, – пробормотал Ко, захлопывая дверь, снова сел, взглянул на Сиду и нахмурился. – Приятель, подсказать тебе хорошего портного? Есть один малый на Нанкин-стрит. Сошьет тебе костюмчик не хуже, чем на Сэвил-роу.

– Ему не нужен костюм, и он тебе не приятель, – прорычал Фрэнки.

– Тедди, что случилось? – спросил Сид. – Фрэнки говорит, ты занервничал.

– «Занервничал» – слишком мягко сказано. Сюда явился доктор, из этих... SSOT. Ну и...

– И ты нас позвал из-за какого-то пьянчужки? – спросил Фрэнки.

– Фрэнки, ты читаешь что-нибудь, кроме сводок о скачках? Я сказал не sot, а S-S-O-T³, – пояснил Тедди. – Общество подавления торговли опиумом. Они хитрые дьяволы. Заплатили, как обычные клиенты, вошли и начали шастать по комнатам. Донимали курильщиков, гасили курильницы. И проповеди читали о вреде опиума. Губят мне все дело.

Сид покачал головой и досадливо поморщился. Он-то думал, что сюда сунул нос Билли из Вест-Энда по прозвищу Большой Придурок. Или итальянцы из Ковент-Гардена, которые не прочь влезть в чужие части города.

– Тедди, у меня нет времени на чепуху, – сказал Сид и встал. – С этим засранцем разбирайся сам.

– Ты позволишь мне договорить? Доктор привел с собой друга. А зовут его Фредди Литтон. Знаешь такого? Член парламента. Он сейчас в заведении. И газетчика захватили. Литтон угрожает мне закрытием.

Сид нахмурился. Это уже не мелочи. Литтон поднял немало шума вокруг недавних ограблений, совершенных Фирмой. Но он никогда не встречал в их опиумные дела, и Сид не

³ Непереводаемая игра слов. «Sot» по-английски означает «пьянчуга, алкаш». SSOT – аббревиатура организации The Society for the Suppression of the Opium Trade.

хотел, чтобы такое случилось. Фирма имела с Ко недурные доходы. Ко и подобные ему покупали у них опиум и платили Фирме за охрану их территории от вмешательства чужаков.

– Ты пытался выгнать Литтона? – спросил Сид.

– Мои девочки пытались. И старик.

– Твои девочки? – усмехнулся Сид. – Так выйди к нему сам. Расшиби несколько голов. Ко откинулся на спинку, сочтя предложение оскорбительным.

– Я уважаемый гражданин. Столп общины. Расшибать головы – не моя линия действий. Фрэнки презрительно фыркнул:

– Переводя на нормальный язык, Ко не хочет, чтобы уважаемый член палаты общин видел его лицо. Его же не позовут в Вестминстер на чай, если Литтон стукнет, что преуспевающий китаец Ко, торговец опиумом Ко и сутенер Ко – одно и то же лицо. Честолюбив он, наш Тедди.

– Послушай, Фрэнки! Я плачу вам деньги за защиту, так извольте меня защищать! – закричал Ко, ударяя кулаком по столу.

– Не забывай, Эдвард, с кем говоришь, – предупредил Фрэнки.

Сид видел, как Фрэнки начинает брызгать слюной, но сегодня ему не хотелось потасовок. Повадки у парня – как у бультерьера. Если не давать ему упражнять челюсти, начнет грызть мебель.

– Раз уж мы здесь, наведем порядок и свалим, – сказал Сид.

Фрэнки шел первым. По узкой лесенке он поднялся на второй этаж и постучал в закрытую дверь. Открылся стеклянный глазок. Саму дверь открывать не торопились.

– Главного из себя строишь? – спросил Фрэнки, улыбаясь в глазок; его тяжелая дубинка разнесла глазок вдребезги. – Открывай эту проклятую дверь, иначе разнесу ее в клочья и тебя вместе с ней!

Дверь послушно распахнулась. Высохший старик, подававший им чай, отошел в сторону, потирая глаз. Сид вошел первым, огляделся по сторонам и застыл, сбитый с толку роскошью убранства. По стенам тянулись деревянные платформы, расписанные цветами и драконами. Над платформами висели тяжелые шелковые балдахины. Пол устилали плотные ковры. В сотнях бумажных фонариков подрагивали свечи. Воздух был пронизан горьким сизым дымом. Странно было видеть ожившую экзотику сказочного китайского города, перенесенную в Лондон.

Тедди Ко владел дюжиной таких мест. Он называл их прачечными. Днем там действительно стирали и гладили белье, однако прачечные служили пристойным фасадом для злочных заведений. По вечерам, когда пустели чаны и остывали утюги, к дверям торопливо подходили озирающиеся мужчины и женщины, совали деньги в руки девочек Ко и погружались в забытие.

Их сейчас и видел Сид лежащими на платформах и распростертыми прямо на полу. Отяжелевшие веки, полуоткрытые рты. Молодая женщина, открывшая дверь, бесшумно двигалась между лежавшими. Она наклонялась, чтобы наполнить трубки кусочками коричневой пасты или подложить подушку под чью-то запрокинутую голову. На кроватях, наполовину скрытых балдахинами, в обнимку с посетителями мужского пола лежали девочки Ко. Сюда приходили люди из разных слоев. Были богатые – Сид это видел по их одежде, – а были и такие, кому опиумная услада стоила недельного жалованья. Заприметив в углу состоятельную женщину, Фрэнки прошел туда и склонился над ней. Казалось, она спит. Фрэнки потрепал ее по щеке. Ответа не последовало. Тогда он деловито снял с ее пальцев все кольца. Сид оглядел помещение, но Литтона не увидел.

– Где Литтон? – спросил он у подошедшего Тедди. – И где этот доктор?

– В другой комнате, – ответил Ко, жестом приглашая Сид в соседнее помещение.

Убранством она была похожа на первую, но шумнее. Две женщины о чем-то спорили. Первая, брюнетка, вальяжно развалилась на платформе рядом с симпатичным парнем лет

восемнадцати от силы. Вторая, худенькая блондинка, отчитывала первую, пытаясь стащить с платформы.

– Мод, это очень сильный наркотик, – говорила она. – Его применяют строго по врачебному предписанию. Он вызывает привыкание и разрушительно действует на организм.

Брюнетка протяжно вздохнула и умоляюще обвела глазами комнату. Увидев Ко, она обратилась к нему:

– Ко, дорогой, нельзя ли выставить отсюда эту особу?

– Кто она?

– Моя сестра.

– Тогда вы, Мод, иставляйте ее! – крикнул Тедди. – И сами уходите. Она сюда притащилась из-за вас!

Блондинка встала. Она была в очках. Сид прикинул ее рост. Где-то пять футов и шесть дюймов, учитывая каблук ботинок.

– Ошибаетесь, сэр. Я здесь из-за всех несчастных душ, попавших в плен к опиуму.

Сид досадливо застонал. Они с Фрэнки должны бы сейчас сидеть в «Баркентине» и обсуждать с ребятами назревающую работенку. Весьма прибыльную, кстати. Вместо этого они вынуждены заниматься какими-то пустяками. Да любой сопляк за пару пенсов вытурит отсюда эту очкастую девицу. Тедди совсем обнаглел.

– Тедди, где этот чертов доктор? – спросил он.

– Ты никак ослеп? Вот она, перед тобой! – ответил Тедди.

– Кто? Эта? Так она же женщина, – сказал Сид.

– Вы очень наблюдательны, – усмехнулась блондинка. – Я и в самом деле врач, а также член Общества подавления...

– Не тратьте слова, дорогуша. Я все знаю про это общество.

Блондинка запнулась, но быстро оправилась.

– Знаете? Прекрасно. Тогда вы знаете и о том, что мы с моим коллегой, членом парламента от Тауэр-Хамлетс, намерены закрыть эти рассадники страданий. Вместо общения с семьей, игр с детьми люди приходят сюда и погружаются в опийный дурман. Это недопустимо. Они не должны отдавать свои тяжело достающиеся деньги подпольным наркотическим королям и проституткам.

Сид посчитал, что с него довольно.

– Фрэнки, Том, выведите ее отсюда! – распорядился он.

В этот момент появился высокий мужчина с волосами пшеничного цвета. Откуда он вошел, Сид не уследил. Здешние помещения были настоящим лабиринтом, и каждая комната имела по нескольку дверей. Но мужчина был ему знаком. Фредди Литтон собственной персоной. С ним был еще один, тоже знакомый Сиду: Майкл Макграт, репортер газеты «Кларион», издаваемой Бобби Девлином. Газетчик явился сюда с фотоаппаратом. Оба еще не успели заметить Сиду.

– Вы сделали снимок, где я ломаю опиумную трубку? – спросил у Макграта Литтон, и тот кивнул. – Хорошо. И не забудьте про мое имя в заголовке статьи. Что-нибудь вроде «Литтон находит в Лондоне источник наркотической заразы»... Или: «Литтон преподает “Фирме” урок. На преступности денег не сделаешь»...

– Не то что на политике, – сказал Сид Фрэнки. – Это точно.

– Надеюсь, не слишком длинно для заголовка? – спросил у газетчика Литтон. – И не забудьте упомянуть про всю мою плодотворную работу с Обществом подавления торговли опиумом. Когда выйдет статья?

– Послезавтра, – ответил Макграт, задвигая ножки фотоштатива.

Фрэнки присвистнул:

– Хозяин, эта долбаная камера нам ни к чему. И такое бесперомонное вмешательство в наши дела – тоже.

Раньше, чем Макграт успел что-то сообразить, Фрэнки подскочил к нему, вырвал фотоаппарат из рук и швырнул в окно. Звон разбитого стекла, донесшийся с улицы, подсказал газетчику, во что превратилась его игрушка.

– Это как понимать? – заорал Макграт. – Вы угробили новенькую фотокамеру!

– Вали отсюда, и поскорее! Иначе вылетишь следом, – сказал ему Сид.

Макграт был сильным и рослым. Он повернулся, готовый нанести удар. И тут его глаза стали вдвое шире. Газетчик попятился.

– Что за черт? – пробормотал он, поворачиваясь к Литтону. Лицо газетчика стало мертвенно-бледным. – Мы так не договаривались! Почему вы не сказали, что и он будет здесь?

Макграт выскочил из комнаты и помчался вниз.

– На выход, миссус, – бросил блондинке Сид.

– Не смейте к ней прикасаться! – закричал Фредди Литтон. – Как же я не догадался, что за всем этим тоже стоите вы, Мэлоун? – Он повернулся к врачу. – Индия, немедленно выведи Мод отсюда. Я вызываю полицию. Пусть этих людей арестуют. Притон будет закрыт.

Фрэнки громко расхохотался:

– Ничего-то у тебя, дружище, не получится. Тедди Ко платит копам больше, чем нам.

– Эти слова, мистер Беттс, вы повторите в суде, – сердито произнес Фредди. – Мне нужно имя... Значит, Ко?

– Фрэнки... – процедил сквозь зубы Сид, чье терпение стремительно таяло.

– Будет исполнено, хозяин.

Фрэнки подошел к Литтону, схватил его за плащ и поволок из комнаты. Литтон упирался, бормотал ругательства. Затем громко хлопнула дверь.

– Кто вам дал право? Оставьте его в покое! – закричала блондинка.

– Вам тоже пора двигаться отсюда, дорогуша, – печально улыбнулся ей Сид.

– Я никуда не пойду.

– Послушайте, мисс, не устраивайте сцен, – посоветовал Сид.

– Я доктор, а не дорогуша. И не мисс. Доктор Индия Селвин Джонс.

– Индия, дорогая, помолчи минутку и послушай, – сказала темноволосая женщина. – Ты хоть представляешь, с кем говоришь? Это же Сид Мэлоун. Ты наверняка слышала такое имя. Даже ты. Будь умницей и уходи отсюда, пока можно.

– А я вас не боюсь, – вздернув подбородок, заявила Индия.

– Вам и не надо меня бояться, мисс... доктор Джонс. Женщину я никогда пальцем не трону. Фрэнки и Томми – тоже. Мужчины... это совсем другое. Не знаю, как мои парни обходятся с мистером Литтоном. Фрэнки не зря называют Безумным Фрэнком. Он бывает непредсказуем.

Глаза врача за стеклами очков округлились. Она нагнулась за своим жакетом и докторским саквояжем.

– Ты себя разрушаешь, – сказала она женщине, которую звали Мод.

– Индия, ради бога, не будь такой занудой. Сама не умеешь получать удовольствие, так еще и другим мешаешь.

– По-твоему, Мод, пристрастие к наркотикам – это удовольствие? И сифилис тоже? А вы... – Индия повернулась к Сиду. – Вы не только поработаете зависимых от зелья. Вы еще и эксплуатируете молодых женщин ради получения прибыли.

– К вашему сведению, доктор Джонс, мы никого не принуждаем и не держим здесь силой. Если девушка работает у Ко, она хочет этого сама.

– Хочет сама? Вы утверждаете, что она хочет деградировать? Подвергаться риску заболеть?

– Нет. Я говорю, что она хочет зарабатывать деньги на оплату жилья. У Ко теплее, чем на улицах. И гораздо безопаснее.

Доктор Джонс покачала головой. Судя по ее лицу, она хотела сказать еще что-то, но промолчала. Надев жакет, она вышла. Сид оглядел комнату. Ко исчез. Сид поспешил вслед за блондинкой, чувствуя, как внутри бурлит злость.

Эта женщина и ее дурацкое общество не представляли для него никакой угрозы. А вот Литтон представлял. Вмешательство парламентария грозило большими неприятностями. Выйдя на улицу, Сид увидел, что Литтон и врач успели отойти на целый квартал.

– Ты ведь знаешь, куда направляется этот красавчик, – сказал Фрэнки. – И сюда он притащит не местных парней. Он поднимет шум, и здесь появится целая свора из Скотленд-Ярда.

Сид кивнул. Этого нельзя допустить. По крайней мере, сейчас. Тедди понадобится время, чтобы привести заведение в подобающий вид.

– Эй! Вы двое! – крикнул Сид, и Литтон обернулся. – Мы вас подвезем. – Сид указал на свой экипаж.

Фредди взял доктора за руку, и они пошли дальше.

– Ребята, убедите их, – распорядился Сид.

Фрэнки и Том быстро догнали пару. Литтон мотал головой, упирался, но в конце концов он и его спутница повернулись и двинулись обратно. Литтон помог доктору забраться в экипаж. Следом влез Том и сел рядом с ними. Фрэнки и Сид усадились напротив.

– Учтите, Мэлоун, что бы вы там ни замыслили, у вас это не получится, – заявил Фредди. – Доктор Джонс происходит из влиятельной семьи. Я тоже.

– Литтон, вы никак опиумного дыма нанюхались? Что за бред вы несете? – спросил Фрэнки.

– Этот яйцетряс думает, что мы его похитили, – пояснил Сид, устало потирая виски. – Доктор Джонс, где вы живете?

– Индия, молчи. Не хватает только, чтобы этот человек узнал твой адрес, – предупредил Фредди.

Сид глубоко вдохнул и так же глубоко выдохнул. У него начинала болеть голова.

– Или вы назовете мне любой адрес в Западном Лондоне, или я высажу вас обоих на Ратклиффской дороге.

Вряд ли блондинке это название что-то говорило, но Литтону наверняка сказалось. Это была самая опасная лондонская дорога, кишевшая ворами, шлюхами и головорезами.

– Слоун-сквер, – выдавил Литтон.

– Гони в Челси, Ронни, – крикнул кучеру Сид. – И побыстрее.

Экипаж тронулся. Сид с удовлетворением отметил, что Литтон трогает вспухшую губу. Лица доктора он не видел; она смотрела в пол. Кожаный докторский саквояж она держала на коленях, вцепившись в ручку. Руки у нее дрожали, и Сид это огорчало. Он бы сам с радостью въехал Литтону по физиономии, но Сид не привык пугать женщин. Доктор Джонс подняла голову. Ее искренние серые глаза пересеклись с глазами Сиды, и, к своему удивлению, он увидел, что она совсем не испугалась. Руки у нее дрожали от злости. Даже от ярости.

– Вы достойны презрения, Мэлоун, – заявила доктор Джонс, ее голос тоже дрожал от злости. – Вы наживаетесь на чужой нищете. На человеческом отчаянии. Знаете ли вы, к чему приводит наркотическая зависимость? На что она толкает людей? У большинства людей в этом притоне нет лишних денег. Сегодня они покупают себе отраву, а завтра им будет нечем платить за жилье.

– Доктор Джонс, я им не нянька и не сторож. Я всего-навсего деловой человек. И не мне говорить этим людям, на что им тратить их деньги, – ответил Сид.

– А вы видели, как выглядит пристрастившийся к опиуму, когда не может получить очередную дозу? – продолжала Индия. – Его начинает трясти. Он покрывается обильным потом. Потом у него начинаются боли. И рвота.

– Не надо преувеличивать, дорогуша. Идиотов везде хватает. Кто-то не знает меры и прокуривает себе мозги. Но таких немного. А для остальных это вполне безвредное баловство.

– Ошибаетесь, мистер Мэлоун. Эти люди разрушают себя, телесно и душевно. Неужели вы этого не понимаете? Неужели не видите всей жуткой пагубности ваших действий?

– Индия... – попробовал осадить ее Фредди, нервно поглядывавший на Сиду.

Но доктор его не слышала. Или не обращала внимания на его слова.

А она действительно ничего не боится, подумал Сид. Надо отдать ей должное.

– Приходите в Королевскую бесплатную больницу, мистер Мэлоун, – продолжала доктор Джонс. – Я проведу вас по психиатрической палате. Покажу, к чему приводит зависимость от наркотиков. Вы своими глазами увидите, насколько безвредно это так называемое баловство.

– Индия, ради бога, уймись! – прошипел Фредди. – Ты же не собираешься перевоспитывать Сиду Мэлоуна.

– А с чего вы решили, что я или кто-то из посетителей Тедди хочет перевоспитываться? – спросил Сид. – Вы называете их несчастными. Зависимыми. Но эти зависимые выглядят куда счастливее вас, дорогуша.

Фрэнки и Том засмеялись. Фредди подался вперед. Фрэнки уперся пальцами ему в грудь, толкнув обратно. Сид видел, что Литтон в бешенстве. Если бы не Фрэнки, Литтон мог бы его и ударить. Что ж, в смелости члену парламента не откажешь. Затем Сид увидел, как Фредди накрыл руку Индии своей и крепко сжал. А-а, вот в чем дело, подумал Сид. Ничто не делает мужчину глупее, чем желание выставить себя героем перед своей девицей. Сид с новым интересом посмотрел на доктора. Во всей этой суматохе он как-то забыл о ее принадлежности к женскому полу.

Впрочем, забыть и не мудрено. Она не старалась выглядеть привлекательной в глазах мужчин. Никакой прически. Волосы наспех убраны в пучок. Возможно, у нее даже привлекательное лицо, но его портили эти жуткие очки. И одежда на ней была жуткой. Темная юбка, жилетка такого же цвета, скрывающая фигуру, если у нее таковая есть. Никаких украшений, если не считать золотой цепочки, опоясывающей жилетку спереди. Цепочку Сид заметил только сейчас.

– ...чтобы купить опиум, мужчины лишают своих детей хлеба. Женщины торгуют своим телом...

Боже милостивый! Она продолжала читать ему нотацию. Сид наклонился вперед и потянул за цепочку. Из кармана жилетки показались часы. Это заставило доктора Джонс умолкнуть и изумленно посмотреть на Сиду.

– Какая занятная вещица, – сказал Сид, щелкая крышкой.

– Вы не посмеете, – бросил ему Литтон.

– Фрэнки, как думаешь, сколько могут стоять такие часики? – спросил Сид, не обращая внимания на слова Литтона.

– Золотой корпус, бриллиантовые цифры... Фунтов сто, если не больше.

– Сто фунтов, – задумчиво повторил Сид. – Семья складского грузчика могла бы жить на такие деньги целый год. Знаешь, Фрэнки, очень легко учить других, как им поступать, когда ты возвращаешься домой к жарко пылающему камину и сытному обеду. А те несчастные, что несут свои гроши к Ко, работают по четырнадцать часов на какой-нибудь поганой фабрике, живут по пять-шесть душ в тесной вонючей комнатенке и трижды в день едят хлеб с маргарином, поскольку другую пищу их сгнившие зубы не выдерживают. – Индия, все еще гневно смотрящая на него, вздрогнула, но Сид и глазом не моргнул. – Вот что я скажу, Фрэнки. Будь

я на их месте, то прокурил бы все деньги, а заодно и голову, только бы на время забыть про этот ад.

Сид вернул часы в карман доктора Джонс. Остаток пути ехали молча. Экипаж катил на запад, двигаясь вдоль реки. Увидев Вестминстерский мост и здание парламента, Сид облегченно вздохнул. Через несколько минут Ронни свернул с Гросвенор-роуд на север. Близ Пимлико-роуд, откуда до Гросвенор-сквер рукой подать, Сид постучал в стенку экипажа, велел остановиться. Он решил высадить пассажиров поближе к месту назначения на случай, если словоохотливому доктору взбредет в голову произнести прощальную речь.

Кажется, и это не остановило Индию.

– Мистер Мэлоун, я еще раз настоятельно вас прошу... – начала она, когда экипаж замедлил ход.

– Доктор Джонс, мне доставило удовольствие проехать в вашем обществе, – перебил ее Сид, поспешив открыть дверцу.

Фредди вылез первым и помог выбраться доктору. Затем потянулся за своим плащом.

– Мистер Литтон и вы, доктор Джонс, убедительно прошу больше не попадаться мне на Сарасен-стрит.

– Доктора Джонс вы там больше не увидите, а вот я еще появлюсь, – предупредил его Литтон. – Вы обязательно на чем-нибудь попадетесь, Мэлоун. Рано или поздно это случится. Вы допустите ошибку, и она станет роковой. Когда это случится, я позабочусь, чтобы вы оказались в тюрьме. Слово даю.

Сид схватил Фредди за галстук и обеими руками втянул обратно в экипаж. Никто еще не угрожал ему тюрьмой. Никто.

– Фредди! – услышал он голос Индии, которая стояла на тротуаре и не видела этой сцены.

– Отпустите! – шипел Фредди, царапая пальцы Мэлоуна.

– Вижу, приятель, вы доктору небезразличны? – спросил Сид.

– Уберите от меня ваши грязные руки! – потребовал Фредди, задыхаясь на каждом слове.

– Отвечайте на вопрос.

– Отпустите! Черт...

Веки Фредди задержались. Лицо посинело.

– Так небезразличны? – спросил Сид, затягивая галстук еще сильнее.

– Д-да!

Сид отпустил его.

– Тогда, парень, чтобы ее не огорчать, не вздумай являться за мной один.

Глава 4

– Ливерпуль-стрит! – выкрикнул проводник.

Поезд сбавил ход. Индия надеялась, что двери вагона откроются быстро. Половина восьмого, а подземка уже безобразно переполнена. Пассажиры стояли впритык. Вагон качало, и какой-то отвратительный тип в шляпе-котелке всякий раз так и норовил к ней прижаться.

– Прекратите, иначе я позову охрану, – прошипела она нахалу.

Он и не подумал. Тогда Индия догадалась загородиться от него докторским саквояжем. Наконец поезд остановился, двери открылись, и поток пассажиров вынес ее на перрон. Индия двигалась к лестнице, натываясь на чужие портфели и зонты. Нет, домой она поедет на омнибусе.

Возле станции ей попала женщина с грудным ребенком.

– Мисс, подайте пенни на младенца.

От женщины разило джином.

– На Хай-стрит есть миссия. Идите туда. Там вы получите бесплатный суп и молоко для ребенка, – сказала Индия.

Но женщина, в глазах которой не было ничего, кроме пустоты и отчаяния, уже отошла. Индия видела, как попрошайка схватила за рукав проходящего мужчину. Тот подал ей мелочь. Индия нахмурилась. Конечно, мужчина сделал это из благих намерений, но тем самым он поощрял пьянство.

– Газета «Кларион»! Свежие новости! Читайте о Председателе. Король преступного мира. Только в «Кларион»! – кричал малолетний разносчик газет, размахивая утренним выпуском.

Председатель. Помнится, так Фредди называл Сиды Мэлоуна. Вспомнив обстоятельства встречи с Сидом, Индия вздрогнула. Она торопливо обошла разносчика и его кипу газет, мельком взглянув на заголовок. «Новое лондонское дно». Под заголовком был рисунок. Художник верно изобразил лицо, но промахнулся с глазами.

Глаза Сиды вовсе не были бегающими и жестокими. Суровыми – да, но в них чувствовались пронизательность и ум. Эти глаза взволновали ее сильнее, чем пугающая репутация Мэлоуна. Газетный рисунок всколыхнул улегшееся волнение. Усилием воли Индия прогнала мысли о Сиде. Сегодня ей хватало более насущных забот.

Она пересекла Бишопсгейт и по оживленной Мидлсекс-стрит дошла до Хай-стрит в Уайтчепеле. Далее путь Индии пролегал по Варден-стрит, на которой находился кабинет доктора Гиффорда. Там же, чуть севернее, находилась и Королевская бесплатная больница. Индия шагала быстро и энергично. На голове – черная соломенная шляпа. Ее белая блузка и серый пыльник уже несколько лет как вышли из моды, но были выстираны и тщательно отглажены. Сегодня – ее первый рабочий день у Гиффорда. Индия волновалась, и еще как. Мало того, что она наконец-то стала практикующим врачом. Волнений добавляло и то, что началом ее практики стал тысяча девятисотый год, который многие считали зарей золотого века медицины. Вторая половина XIX века ознаменовалась замечательными достижениями, и когда Индия представляла, как все это разовьется в ближайшем будущем, у нее дух захватывало от блистательных перспектив.

Результаты исследований Листера, Пастера, Дженнера и Коха внесли огромный вклад в понимание микробной природы инфекционных заболеваний, а появление препаратов для анестезии позволило совершить настоящий прорыв в хирургии. Повреждения конечностей еще в недавнем прошлом были чреваты гангреной и ампутацией. Скольких людей новые методы лечения избавили от участи калек! Хирурги научились удалять злокачественные опухоли. Более того, они могли удалять целые органы, не вызывая при этом кровотечения и заражения крови. Индия видела это собственными глазами. Выдающиеся американские гинекологи Симпсон и Келли успешно проводили удаление матки и яичников. В последнее время неоднократно сообщалось об успешной практике кесарева сечения, позволявшего сохранить жизнь матери и ребенка.

Немецкий физик Рентген открыл особые лучи, способные проникать через ткани человеческого организма. Военные врачи уже применяли их для обнаружения пуль, застрявших в теле солдат. Во Франции Беккерель экспериментировал с ураном, а супруги Кюри – с радием. Результаты экспериментов были многообещающими. Вскоре у врачей появится возможность заглянуть в человеческий организм без хирургического вмешательства, а значит, отпадет опасность кровопотери, послеоперационного шока и занесения инфекции.

Фармакология тоже радовала впечатляющими успехами. Болеутоляющие средства вроде аспирина, героина и хлороформа. Антитоксинные сыворотки для лечения оспы и дифтерита. Еще год-другой – и будет найдено лекарство от туберкулеза.

Думая обо всех этих достижениях, Индия замирала от восторга. Ей не терпелось применить их в повседневной работе, чтобы облегчить участь больных бедняков Уайтчепела. Но

стоило развернуть любую городскую газету, и действительность напоминала ей о том, чего медицина еще не успела достичь в массовом объеме. Были приняты десятки постановлений в сфере здравоохранения, направленные на улучшение качества питьевой воды, переоборудование изношенной и несовершенной канализации и борьбу с перенаселенностью жилищ. Все это позволило значительно снизить смертность от холеры, сыпного тифа и оспы, но в трущобах по-прежнему свирепствовали скарлатина, инфлюэнца и брюшной тиф. Джин и опиум разрушали ум, тогда как недоедание и бедность разрушали тело. Индия знала: на каждого социального реформатора, врача и миссионера, пытавшихся вытащить бедняков из паба, винного магазина и опиумной курительни, найдется свой Сид Мэлоун, тянущий их обратно.

При всех впечатляющих успехах медицины, при всем желании поскорее начать свою врачебную деятельность Индия нервничала. Сможет ли она соответствовать требованиям больницы с большим наплывом пациентов? Сможет ли одновременно вести нескольких больных? Получится ли у нее по обилию симптомов поставить правильный диагноз? Поддержка профессора Фенвика осталась в прошлом. Здесь ей придется рассчитывать на свои знания и навыки.

Обогнув шумную стайку молоденьких фабричных работниц, Индия поднялась на невысочокое крыльцо дома 33 по Варден-стрит. Дом был в георгианском стиле, двухэтажным, со стенами песочного цвета. Частный кабинет доктора Эдвина Гиффорда занимал первый этаж. На втором жила какая-то семья. Индия немного постояла на крыльце, стараясь успокоиться. В первый день работы ее ни в коем случае не должны видеть запыхавшейся. Индия уже протянула руку, чтобы постучаться, как дверь вдруг распахнулась. Оттуда, едва не налетев на Индию, выскочила молодая женщина в униформе медсестры.

– Ой, вэй! – воскликнула она, беря Индию за руку. – Наконец-то! *Гот зи данк!*⁴ Я уже высматриваю вас. Доктор Селвин Джонс? Где вас носило? Я боялась, что вы вообще не придете.

– Но сейчас еще без четверти восемь, – взглянув на часы, сказала Индия.

– Вы врач или банкир? – фыркнула женщина. – Мы начинаем ровно в семь.

– В семь? Доктор Гиффорд говорил, что в восемь.

– Он всегда так говорит новеньким. Но мы работаем в Уайтчепеле, доктор. Среди наших пациентов полным-полно фабричных и складских рабочих. Им надо успеть побывать у нас еще до гудка. Входите. Будем вас определять.

Медсестра потянула Индию за рукав и повела. Они прошли мимо приемной, заполненной пациентами, и оказались в узком коридоре, ведущем в заднюю часть дома. Там находился кабинет доктора Гиффорда. Пока шли, женщина успела забрать у Индии шляпу и пыльник и вручить белый халат. Халат на ней висел, а руки тонули в рукавах.

Медсестра наморщила лоб и сама закатала Индии рукава.

– Великоват он для вас. Сеймуру был в самый раз, но вы-то не мужчина. Надо будет заказать несколько штук поменьше. – Она махнула в сторону открытой боковой двери. – Там смотровая...

Договорить медсестре помешал громкий металлический лязг. Она бросилась в помещение и вернулась, ведя за ухо мальчишку. На голове у него была черная кипá, а вдоль лица свисали длинные локоны.

– Ах, *ду пишер! Ду фангст шойн он?*⁵ – с упреком спросила медсестра. – Возвращайся в приемную и сиди тихо!

Индия уже собиралась спросить имя женщины и чем она здесь занимается, но та вновь скрылась в смотровой. Индия пошла туда. Медсестра ползала на четвереньках, собирая инструменты, упавшие по вине мальчишки.

– Где здесь автоклав? – спросила Индия, опускаясь на колени, чтобы помочь.

⁴ Слава богу! (*идиши*)

⁵ Ах ты, зассанец! Думаешь, тебя обманули? (*идиши*)

- Что-что?
- Аппарат, где инструменты стерилизуются горячей водой и повышенным давлением.
- Нет у нас такого.
- Но ведь без него нельзя. При постановке диагнозов необходима асептическая среда. Я уже не говорю про хирургические операции. Необходимость ее доказана многократно. Доктор Листер очень четко высказывался о микробных свойствах...
- Только доктор Листер здесь не работает. А я работаю.
- Индия, сидевшая на корточках, едва не шлепнулась на пол.
- Тогда как вы очищаете инструменты?
- Уношу домой и мою в кухонной раковине. Когда помню, – ответила женщина, бросая на поднос скальпель и пару зажимов. – Освоились? – спросила она, поднимаясь с пола. – Тогда я пошлю к вам первого больного.
- Подождите! Я даже не успела спросить вашего имени.
- Ой, простите. Элла Московиц, – представилась женщина, протягивая руку.
- Доктор Джонс, – ответила Индия, пожимая руку. – Вы регистратор?
- А еще медсестра, секретарша, клерк и бухгалтер. И служительница зоопарка. Извините, больше говорить не могу. Мы и так сегодня опаздываем. Принимайтесь за дело, чтобы к ланчу вся очередь рассосалась.
- Что-о? Все, кого я видела? К полудню?
- Стольких пациентов она не принимала и за весь рабочий день.
- Да. Все.
- А доктор Гиффорд здесь?
- Нет. Сегодня вы одна.
- Боже мой! Никак у вас тут эпидемия?
- Элла Московиц громко расхохоталась:
- Эпидемия! Здорово подметили. Да, эпидемия... знаете чего? Уайтчепелита. Сегодня обычный день. А вот случись эпидемия, вы настоящий ад увидите. *Гот золь уштен!*
- Как вы сказали?
- Простите. Я сказала: «Не дай Бог». Стало быть, вы не еврейка? По вам и не скажешь. Не припомню, чтобы в синагоге было полно Селвинов Джонсов. А среди ваших пациентов евреев хватает. Если возникнут сложности с ними, зовите меня. Но с ирландцами разбирайтесь сами.
- Элла умчалась. Индия недоуменно смотрела ей вслед. Она едва успела оглядеть помещение, как Элла вернулась вместе с невысокой худенькой женщиной, которой на вид было лет сорок пять.
- Миссис Адамс. Вот история ее болезни, – сказала Элла, бросая на стол папку.
- Да постойте же вы! – крикнула пациентка.
- Элла остановилась на пороге.
- Что-то еще, миссис Адамс?
- Я плачу достаточно денег за прием у врача и хочу видеть врача, а не какую-то выскочку-медсестру.
- Доктор Джонс и есть врач. Наш новый врач.
- Миссис Адамс покосилась на Индию:
- Халат бы сменили. Этот колоколом раздувается.
- Индия критично оглядела чрезмерно длинный халат с закатанными рукавами и поняла, что напоминает девчонку, решившую поиграть во взрослую женщину.
- Вот что, миссис Адамс... – начала Элла.
- Элла, все в порядке, – сказала Индия, закрыв дверь кабинета. – Доброе утро, миссис Адамс. Вы сомневаетесь в том, что я врач? У меня есть диплом. Хотите взглянуть?

Индия полезла в саквояж за дипломом. Там же лежали разноцветные картинки с изображением улыбающихся фруктов и овощей. Буклеты о приготовлении питательной еды, не требующей больших расходов. Брошюры о правилах личной гигиены. Все это Индия собиралась раздавать пациентам во время осмотра.

Диплом не развеял сомнений миссис Адамс.

– А у вас есть штучка, которую носит доктор Гиффорд? – спросила женщина. – Она на шее у него всегда висит.

Индия вынула из саквояжа стетоскоп и показала пациентке.

– Ладно, убедили. Раз у вас есть такая же штука, значит вы и впрямь врач.

Индия улыбнулась:

– Теперь расскажете, что вас беспокоит?

– Ребенок в животе – вот что. Боли просто жуткие. Доктор Гиффорд прописал мне лауданум. Сначала помогало, но потом перестало.

– Пузырек при вас? Можно взглянуть?

Миссис Адамс послушно достала из кармана пузырек. Индия посмотрела на этикетку. Лауданум. Настойка опия, которую обычно не прописывали беременным.

– Миссис Адамс, как давно вы это принимаете? – спросила Индия.

– Где-то месяца три.

– А какой у вас срок беременности?

– Месяцев пять. Может, шесть.

Индия кивала, одновременно листая историю болезни миссис Адамс. Странно, что там не было никакого упоминания о беременности. Только записанные рукой доктора Гиффорда жалобы пациентки на боль и общую слабость. Вначале он прописал женщине слабый раствор лауданума, но постепенно увеличивал дозировку. Индия провела миссис Адамс в смотровую, попросила раздеться и лечь на стол. Пациентка громогласно недоумевала: зачем? Доктор Гиффорд никогда ее не осматривал. Однако спорить не стала и разделась. Едва увидев голые руки миссис Адамс, Индия сделала над собой усилие, сохраняя нейтральное выражение лица. Женщина была невероятно худая. Кожа да кости.

– Вы хорошо питаетесь? – на всякий случай спросила Индия.

– Не тянет меня сейчас на еду. Подташнивает. Но такое не редкость, когда носишь ребенка.

– Да. Тошнота – обычное явление, – согласилась Индия.

– Мне ли не знать? Девять раз беременела. Родила пятерых. Каждая беременность была тяжелой, но эта совсем никуда не годится. Жутко устаю. Бывают дни, когда сплю на ходу. Однажды у плиты заснула. Чуть фартук не спалила.

– А как спите?

– Плохо. На боку спать больно, а на спине – неудобно.

– Миссис Адамс, сколько вам лет?

– Сорок шесть. Вот уж не думала, что в таком-то возрасте снова залечу. Месячные закончились. Решила, настала у меня женская перемена. Потом кровь начала течь понемногу. Это меня и насторожило. При перемене никакая кровь уже не течет.

– Вы позволите осмотреть ваш живот?

Миссис Адамс кивнула. Индия расстегнула пуговицы на камисоли пациентки и ослабила тесемки нижней юбки. Вместо равномерного, симметричного вздутия, характерного для беременного живота, Индия увидела странный ком. Она стала ощупывать живот, начав с верхней части и двигаясь ниже, ко дну матки. Индия старалась ощутить хоть какой-то признак плода в животе: голову, локоть или пятку. Ничего. Она полезла в саквояж за акушерским стетоскопом: деревянным предметом, внешне похожим на велосипедный клаксон. Индия приставила

грушевидный конец к животу миссис Адамс и прильнула ухом к раструбу. И снова ничего. Да, внутри миссис Адамс что-то росло. В этом Индия не сомневалась. Но только не ребенок.

– У меня там все в порядке? Ничего опасного? – поинтересовалась пациентка.

– Вы что-нибудь знаете о гинекологическом зеркале? – спросила Индия, уклоняясь от ответа, и женщина покачала головой. – Это устройство позволяет врачам осматривать детородные органы. Вы позволите?

Миссис Адамс открыла рот и высунула язык.

– Вы... вы, наверное, меня не поняли, миссис Адамс. Мне нужно осмотреть... противоположную часть вашего тела.

– Это как?

– Мне необходимо осмотреть ваше влагалище. Без этого я не смогу понять, что там у вас внутри.

Миссис Адамс села на столе.

– А это еще зачем? Шутки решила со мной шутить, грязная обезьяна? Я пять раз рожала и ни о чем таком не слышала! Значит, вот чему вас учат в этой вашей медицинской школе? Произносить грязные словечки и глазеть на чужие срамные места?

В голосе женщины слышалась злость, однако глаза были полны страха.

– Почему вы не выпишите мне настойку, как доктор Гиффорд? – громко спросила она.

– Так-так-так. Миссис Адамс, из-за чего весь этот шум?

Индия резко обернулась. Возле стола стоял плотный седовласый мужчина с аккуратной бородкой клинышком. Это и был доктор Гиффорд. Он не удосужился постучаться, а просто вошел в смотровую, не зная, есть ли там кто и что там происходит. Индия сочла такое поведение крайне невежливым по отношению к ней и ее пациентке.

– Слава Богу, доктор Гиффорд. Как я рада, что вы пришли! А то эта ваша девчонка раздела меня до панталон. Спрашивается зачем, если мне всего-то нужен рецепт на настойку?

– Доктор Гиффорд, там нет никакого эмбриона, – сказала Индия, стараясь говорить так, чтобы пациентка не поняла. – Зато есть утеральная масса. Весьма крупная.

– Достаточно, доктор Джонс.

– Но, сэр, миссис Адамс необходимо провести интравагинальный осмотр. Ей следует...

– Я сказал, достаточно.

– Доктор Гиффорд, о чем это она бубнит? С ребеночком моим все нормально? – спросила явно встревоженная миссис Адамс.

– Все прекрасно, миссис Адамс. – Он торопливо написал несколько слов на рецептурном бланке и подал ей. – Вот вам новый рецепт. Добавляйте по три капли в чай каждые два часа.

Измученное лицо женщины облегченно просияло. Поблагодарив доктора Гиффорда, она торопливо оделась и ушла.

– Доктор Гиффорд... – начала Индия.

– Вы чересчур медлительны, доктор Джонс, – сказал Гиффорд, отметив выписанный рецепт в истории болезни миссис Адамс. – Девяносто процентов времени вы потратили впустую. А нужно было всего-навсего произвести быстрый осмотр и прописать лауданум.

– У этой женщины, скорее всего, рак матки. Ей требуется срочная операция, а не лауданум.

– Боюсь, миссис Адамс операция уже не поможет.

– Вы... вы с самого начала знали, что она не беременна?

– Да, знал, – ответил Гиффорд, подняв на нее глаза. – Неужели вы принимаете меня за идиота?

– Разумеется, нет. Я далека от каких-либо предположений. Но... почему вы ей ничего не сказали?

– Зачем? Скажу я или нет, она все равно умрет. Так зачем усугублять страдания ее последних месяцев? Пусть думает, что беременна. Что в этом плохого? Я стараюсь избавлять ее от болей. Ничем другим помочь ей не могу.

Индия не верила своим ушам. Гиффорд самоуверенно распоряжался чужой жизнью. Играл роль Господа Бога. Элизабет Адамс была взрослой женщиной. Она заслуживала правды о своем состоянии и возможности самой принимать решения.

– Доктор Гиффорд, ее опухоль может быть операбельной, – сказала Индия. – Или доброкачественной. Если бы я уговорила ее на вагинальный осмотр, это позволило бы взять образец для исследования под микроскопом. Возможно, опухоль действительно доброкачественная, а боли вызваны давлением опухоли на окружающие ткани.

Доктор Гиффорд положил ручку. Он едва сдерживал бешенство.

– Доктор Джонс, вы молодой, неопытный врач. Я принимаю это во внимание... до поры до времени. Если вы до сих пор не заметили, мой кабинет находится в беднейшей части Лондона. Люди, приходящие сюда, едва наскребаят деньги на лекарства, не говоря уже об операциях. Даже если Элизабет Адамс каким-то чудом изыщет средства на операцию, она все равно не выживет. Она слаба и страдает от постоянного недоедания. Нас захлестывает целая лавина больных, но мы должны направлять свои усилия туда, где они действительно принесут благоприятные результаты.

Индия сглотнула. У них был целый курс по врачебной этике, но подобные темы там не рассматривались.

– Прошу прощения, сэр. Такой медицине меня не учили.

– Ей вы будете учиться сами, – ответил доктор Гиффорд. – И перед вами, доктор Джонс, не гипотетические случаи из учебника, а суровая реальность. Песенка Элизабет Адамс спета. Но другим людям, ожидающим в приемной, еще можно помочь. Конечно, если вы успеете принять их до начала двадцать первого века. – Он закрыл историю болезни миссис Адамс и встал. – Помните, доктор, на каждого пациента тратьте не больше десяти минут. Счастливого оставаться!

– Сэр, вы уже уходите?

– Это вас удивляет?

– Нет, сэр.

– Меня ждут пациенты в Королевской бесплатной больнице. Я просто решил заглянуть по пути. Посмотреть, как вы справляетесь. Судя по тому, что я увидел, неважно. Хочу надеяться, что не ошибся, взяв вас на работу.

– Вы не ошиблись, сэр.

– Мне было бы невыносимо разочаровать вашего декана. До свидания, доктор Джонс.

– До свидания, сэр.

Индия плюхнулась на стул, обхватив голову. Какое жуткое начало! Ей ни в коем случае нельзя потерять это место. Придется объясняться с Гаррет Андерсон, говорить этой замечательной женщине, что Гиффорд уволил ее, сочтя непригодной для работы. Сама мысль о таком разговоре казалась Индии невыносимой. Она ерзала на стуле, вспоминая отрывки из выпускной речи декана: «На вас устремлены глаза всего мира. Многие будут аплодировать каждой вашей победе. Но еще больше будет радующихся каждому вашему поражению...»

Индия слышала эпитеты, какими люди награждали ее и других женщин-врачей. Их называли аморальными, непорядочными и даже бесполоыми. За этими словами скрывалось дремучее невежество и замшелые предрассудки. Нельзя давать доктору Гиффорду ни малейшего повода усомниться в ее профессиональных качествах. У нее нет права на провал.

Она вспомнила объявление, которое ежеквартально появлялось в журнале школы. Несколько строчек, публикуемых по распоряжению декана: «Обращаемся с искренней просьбой ко всем женщинам-врачам: сообщать секретарю Медицинской школы обо всех получен-

ных ими назначениях, а также обо всех известных им вакансиях». Женщин-врачей брали на работу редко и неохотно. Вакансии появлялись и того реже. Если она лишится этого места, еще не известно, когда удастся найти другое. Но доктор Гиффорд все равно не имел права лгать миссис Адамс. Это бессовестно.

Что же ей делать? Долго раздумывать Индии не пришлось. Элла ввела в кабинет нового пациента: мальчишку, который пришел вместе с матерью.

– Генри Аткинс. Глисты, – сообщила Элла.

Вслед за Генри пришла шестнадцатилетняя Ава Бриггс с чудовищно воспаленной челюстью. Пару дней назад мать заставила ее вырвать все зубы. Зубодером выступил местный кузнец.

– Это ей подарок на день рождения, – объяснила женщина. – У дочки были такие зубы, что ни один парень не женился бы на ней. Кому охота разоряться на дантиста?

После мисс Бриггс пришла Рейчел Айзенберг, жалуясь на то, что вышла замуж месяц назад и до сих пор не забеременела. Ее сменила Анна Мэлони – старуха лет семидесяти, не помнящая точного своего возраста, которую мучил двухнедельный запор. Потом были еще пятнадцать пациентов обоего пола и разного возраста. В полдень, когда Индия думала, что ее гудящие ноги не выдержат и она рухнет на пол, появилась Элла с чайником и плетеной корзинкой.

– Принесли с собой, чем червячка заморить? – спросила она, и Индия покачала головой. – Так я и думала. Ничего, угостимся моим. К счастью для вас, я захватила вторую тарелку.

– Мне, право, неловко, сестра Московиц.

– Просто Элла.

Столь бесцеремонное поведение медсестры задело Индию.

– Надо поесть. Легче станет. Иначе грохнетесь в голодный обморок, а у меня нет времени оттирать вас от пола.

Индия заставила себя улыбнуться. У нее сосало под ложечкой, но не от голода. Пока шел прием, она отодвигала свои опасения насчет доктора Гиффорда, но сейчас они снова вылезли наружу.

– Жареная курочка, – сообщила Элла, выкладывая на стол половину курицы. – Картошечка с петрушкой и каша. – Морща лоб, Элла снова порылась в корзине и довольно улыбнулась. – И кугель из лапши! – Она подала Индии тарелку и вилку. – Угощайтесь.

– Здесь на десятерых хватит. Вы все это наготовили сами?

– Мапочка постаралась. У моих родителей ресторан на Брик-лейн. Кошерная пища.

Индия проткнула вилкой картофелину.

– У вас ноги отвалятся. Садитесь. Поешьте. Отдохните. Вам понадобятся силы для второй половины дня, – посоветовала Элла.

Индия села, несколько раз ковырнула картошку, затем положила вилку.

– У вас что-то стряслось? – догадалась Элла.

Индия рассказала ей о первых трениях с доктором Гиффордом.

– Да... И что? – невозмутимо спросила Элла.

– И что? Как после этого я могу продолжать здесь работать? Значит, я смиряюсь с самыми отвратительными нарушениями в медицинской практике.

– И думать не смейте об уходе, – предупредила Элла.

– Как я могу остаться? Я понимаю: при таком наплыве пациентов наши действия должны быть рациональными и практичными. Этому я должна научиться. Но ситуация, в которой я оказалась, выходит за рамки эффективности. Это вопрос этики. Вопрос моральных принципов.

– Боже мой! – засмеялась Элла. – Доктор Джонс, куда вы притащили свои моральные принципы? В Уайтчепел? Вы допустили ошибку. Завтра оставьте этих маленьких зануд дома.

Индия не засмеялась. Ее глаза сердито вспыхнули.

– Поведение доктора Гиффорда непростительно. Он должен был честно рассказать Элизабет Адамс о том, что у нее на самом деле, объяснить последствия и оставить за ней выбор лечения. В том числе и отсутствие всякого лечения, если она так хочет. Но выбор должен оставаться за ней, а не за ним.

Элла перестала есть. Прекратила шутить.

– Доктор Джонс, почему вы согласились здесь работать?

– Чтобы помогать бедным.

– Так помогайте.

– Но доктор Гиффорд...

– Насрать на доктора Гиффорда!

Шокированная Индия откинулась на спинку стула.

– Как у вас язык поворачивается? Вы же работаете на него.

– Нет. Я работаю у него, и он мне платит. Только и всего. А работаю я на них. – Элла ткнула пальцем в сторону приемной. – Там ждут около тридцати человек. Бедняки. Каждый – со своей хворью. Среди них полно детей. Так что засуньте ваши сомнения и угрызения совести подальше и помогайте им. Вот и весь моральный принцип. Вам понятно, доктор Джонс?

– Зовите меня просто Индией, – помолчав, ответила Индия.

Элла улыбнулась и положила ей на тарелку еще один кусок курочки, после чего убрала остатки их ланча обратно в корзину.

– Это вам на перекус... если получится. Сейчас пришлю очередного пациента.

Индии не удалось притронуться к еде. Весь остаток дня и начало вечера она безостановочно принимала пациентов. Детишек, кашляющих так, что у них гремело в груди. Жену складского грузчика, которой муж во время ссоры отхватил палец. Нескольких прачек, едва способных двигаться из-за болей в скрюченных спинах. Девочек-подростков с цингой. Проститутку, больную сифилисом. Парня, покусанного бультерьером. Нескольких детей, больных дизентерией. Двух малышей, игравших вблизи очага и получивших ожоги. Маленькую девочку с туберкулезом. Еще одного мальчика, проглотившего шестипенсовик. Его мамашу заботило не столько здоровье сына, сколько возможность вернуть монету.

Часы в кабинете доктора Гиффорда пробили семь. Индия как раз заканчивала осмотр своей последней пациентки – фабричной работницы с воспаленной печенью.

– Я пропишу вам таблетки, чтобы снять воспаление, – сказала она женщине. – Но, кроме их приема, вы должны воздерживаться от употребления спиртного.

– Это как?

– Никакой выпивки. Ни виски, ни портера, ни эля... словом, ничего вообще.

Женщина посмотрела на нее как на сумасшедшую:

– Я скорее дышать перестану.

– Тогда ваша печень пострадает еще сильнее.

Работница весело засмеялась и ушла. Ни капли силы воли, подумала Индия, глядя ей вслед. Здешний рабочий класс все больше ее изумлял. Жалкие гроши, зарабатываемые тяжелым трудом, они тратили на спиртное, сласти и вредную для организма пищу, которую называли вкусняшками: холодец, бекон, маринованные огурчики и подобное. Взять ту же миссис Бернс, принесшую свою туберкулезную дочку. Тощая, бледная малышка сосала конфету с бренди.

– Вашей дочери необходима полноценная пища. Прежде всего молоко и овощи, – сказала Индия, взяв со стола принесенные цветные иллюстрации.

Миссис Бернс как-то странно посмотрела на нее:

– Миссус, я знаю, как выглядит морковь.

Индия покраснела и отложила картинки.

– Вы даете ребенку молоко?

– Редко. Когда денег наскребем, – ответила миссис Бернс. – А мой старик не жалуется.

– Но если вам хватает на конфеты с бренди, должно хватить и на молоко, – заметила ей Индия.

– Бросьте, миссус. Моя бедняжка любит эти конфетки. Помню, бабка мне говорила: «Позволь себе немного того, что любишь, и будешь счастлива».

Молоко гораздо полезнее. Шпинат и каша – тоже. Индия не уставала это повторять своим сегодняшним пациентам. Это она переняла от профессоров, работавших в Королевской бесплатной больнице. Правда, результатов их увещаний она почти не видела.

Индия присела к столу, чтобы сделать запись в историю болезни последней пациентки, но дверь приоткрылась, и Элла сообщила:

– К вам еще одна девица. Мисс Эмма Майло. Я просила ее прийти завтра, но она малость не в себе.

– Что с ней?

– Мне не говорит. Слышала, что здесь появилась женщина-врач, и требует, чтобы вы ее приняли.

– Хорошо. Я приму ее. А потом мы отправимся по домам. – Индия склонилась над историей болезни.

– Мисс, к вам можно? – через несколько минут услышала она.

Индия подняла голову. У двери стояла рыжеволосая девушка лет восемнадцати, если не меньше.

– Садитесь, – сказала Индия, кивнув на стул возле стола Гиффорда. – На что жалуетесь, мисс Майло?

Мисс Майло молча теребила завязки маленького шелкового ридикюля.

– Мисс Майло!

– Мне нужно... что-то, чтобы не было детей. Я слышала, у докторов есть такие снадобья и разные штучки. – Глаза девушки были полны мольбы. – Я подумала, раз вы женщина, вы мне поможете. – Эмма потупила взор. – Пожалуйста, мисс, помогите, – прошептала она.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, – с сожалением ответила Индия. – Это кабинет доктора Гиффорда, а он противник противозачаточных средств. Я не согласна с его точкой зрения, но у меня связаны руки. Если у вас есть интимные отношения и вы не хотите забеременеть, их необходимо прекратить.

– И всего-то? – горько усмехнулась девушка.

– Мисс Майло, я...

– Спасибо, – пробормотала она, стремительно вскочив со стула.

На мгновение Индия увидела другую убегающую девушку – не Эмму Майло, а Би Маллинс, сестру Хью. У двери Эмма Майло обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Индию, но Индия видела только Би: бледную, запачканную кровью, с немым укором в глазах. Усилием воли Индия прогнала видение. Она ничем не могла помочь этой рыжеволосой. Ничем. Еще на собеседовании Гиффорд ясно изложил свои взгляды на противозачаточные средства. Он считал их аморальными и потворствующими распутному поведению низших слоев, а потому никогда не прописывал. Индия мысленно окрестила его динозавром. Она хотела возразить и сказать, что нежелательные беременности еще более аморальны, поскольку лишь умножают нищету и убожество, но была вынуждена прикусить язык. Кроме работы у Гиффорда, других предложений ей не поступало.

То был ее первый компромисс и, как теперь она поняла, далеко не последний.

Индия тяжело привалилась к спинке стула. Ее взгляд бродил по противоположной стене, увешанной наградами и грамотами доктора Гиффорда. Профессор Фенвик и декан ни разу

не обмолвились, что ей придется идти на компромисс с совестью. Сколько еще таких случаев будет в ее медицинской практике? Четыре? Десять? Тысяча? Стала ли она более нравственной, отказав Эмме Майло в противозачаточном средстве? Гиффорд, который месяц лжет Элизабет Адамс. Кто он? Гуманист, стремящийся облегчить участь пациентки? Или убийца?

– Прошу прощения, Конфуций, вы готовы идти домой?

В дверях снова стояла Элла.

– Да, конечно. – Индия тряхнула головой, прогоняя мысли, потом торопливо собрала бумаги. – Дома допишу.

Она очень устала и мечтала поскорее снять ботинки с распухших ног и съесть тарелку супа. Она погасила свет, спустилась по лестнке, прошла по коридору и уже хотела уйти, но увидела, что Элла одна убирает приемную. Индия взялась ей помогать. Через какое-то время входная дверь открылась. Явился доктор Гиффорд в вечернем костюме.

– Как справились? – спросил он.

– Отлично, – ответила Индия. – Приняли всех, кто записывался на сегодня.

– И впрямь отлично! – воскликнул Гиффорд, пробежав глазами регистрационный журнал. – Пятьдесят четыре пациента. Неплохо для первого дня, доктор Джонс.

– Благодарю вас, сэр.

– Я всего на минутку. Надо бежать. Обедаю с епископом. Вас не затруднит запереть дверь?

Индия так устала, что не знала, хватит ли ей сил повернуть ключ в замке. Но Гиффорду твердо ответила «да». Он простился с обеими женщинами и собрался уйти. Тут кто-то отчаянно забарабанил в дверь.

– Слышу! Сейчас открою! – крикнула Элла.

На крыльце стоял мальчишка-подросток.

– Вы можете пойти со мной? Нужна помощь. Ребенок застрял! – выпалил он.

Индия застонала. Супу придется обождать. Соображая, какие перевязочные материалы захватить с собой, она спросила мальчика:

– В чем застрял ребенок? В сливной трубе? В дымоходе?

– Нет! Не там! Он застрял у ма внутри! Не хочет выходить! Мисс, ей совсем плохо! Вы обязательно должны пойти.

Он чуть не плакал.

– Вы ведь справитесь без меня? – спросил Гиффорд.

– Конечно, доктор Гиффорд.

Индия открыла саквояж, проверила содержимое и убедилась, что часть ее запасов на исходе.

– Элла, у нас есть марля? И хлороформа у меня на донышке. Он тоже найдется?

Гиффорд, открывавший дверь, остановился.

– Это излишне, – бросил он Индии.

– Как вы сказали, сэр?

– Хлороформ не понадобится, – повторил он. – Я запрещаю применение анестезии для рожениц.

– Но, доктор Гиффорд, это не таит никакой угрозы для матери. Симпсон и Келли придерживаются мнения, что хлороформ не препятствует родам. Более того...

– Благодарю, доктор Джонс, – прервал ее Гиффорд. – Я не нуждаюсь в наставлениях по анестезии из уст моей подчиненной. Мне прекрасно известны свойства хлороформа. Родовые боли – наследие Евы. Пытаться их облегчить – значит идти против Божьей воли. Роды в муках благотворно действуют на женщин. Они укрепляют характер и прогоняют нечестивые чувства.

Индия с отвращением посмотрела на него. Вначале он казался ей старомодным. Побывав на собеседовании, она мысленно назвала его динозавром. Нет, не так. Во времена динозавров

не было врачей. Гиффорд – посланец Средневековья. Чудовище из эпохи невежества и мракобесия.

– Не смею вас задерживать, доктор Джонс. Вас ждет пациентка, – бросил ей Гиффорд. – Засуньте ей тряпку в рот. Пусть кусает. Другую дайте в руки, чтобы их занять. И напомните ей о страданиях нашего дорогого Господа.

Глава 5

Фиона Бристоу погрузила руки в деревянный ящик с чаем, зачерпнула горсть ароматных листьев, поднесла к лицу, закрыла глаза и принялась.

Все грузчики склада Оливера, находившиеся поблизости, прекратили работу, чтобы полюбоваться диковинным зрелищем. Для тех, кто работал здесь давно, оно было привычным, и они просто оперлись на чайные грабли. Они не впервые видели миссис Бристоу. А вот новички вытягивали шеи и смотрели на нее во все глаза. Женщины на складах и причалах бывали редко. Еще меньше было тех, кто появлялся в таких местах в шелковом костюме и шляпе с плюмажем, шел мимо матросов и стивидоров, огибая лебедки и переступая через веревки. И все ради проверки очередного груза чая, прибывшего на корабле. Но миссис Бристоу была женщиной необыкновенной.

– «Дарджилинг», – наконец произнесла Фиона, открыв глаза. – Хорошего качества.

– Этого мало, – заявил Мел Трамбулл, управляющий складом Оливера. – Такое мне любой ребенок скажет.

– А вы не торопитесь. Я еще не закончила. Весь этот сбор – с одной плантации... – сказала Фиона.

– С какой?

Мужчины кивали и подталкивали друг друга. Монеты переходили из рук в руки.

Фиона закрыла глаза и снова принялась.

– С Маргаретс-Хоуп.

– Урожай?

– Второй в году, – чуть помедлив, ответила Фиона, открыла глаза и с улыбкой добавила: – Собран с поля на северном склоне в среду, во второй половине дня, женщиной в ярко-розовом сари.

Грузчики захохотали.

– Ладно, уймись. Очень смешно, – проворчал Мел.

– Так я права? – спросила Фиона.

Мел полез в карман брюк, с явной неохотой достал шестипенсовик и бросил ей. Фиона ловко поймала монету. Раздались приветственные возгласы.

– Вам тут за развлекушку платят? – накинулся на них Мел. – Возвращайтесь к работе!

– Я оказалась права! – засмеялась Фиона. – Я выиграла наше пари. Я же говорила вам, что могу с закрытыми глазами, только по запаху, назвать любой чай. Любой!

– Не будьте такой хвастуньей, миссис Би. Вам это не к лицу, – фыркнул Мел.

– А вы так позорно не проигрывайте мне, – засмеялась Фиона, глядя, как ее рабочие вновь принимаются за дело. – И дайте мне пару фунтов этого восхитительного «дарджилинга». Представляю, какой у него вкус!

– Не могу. Нет ни щепотки лишней.

– Это почему?

– Звонили из магазина в Кенсингтоне. Они продали пять ящиков и просят доставить еще четыре. Найтсбриджу нужно три ящика. У меня остается шесть. А Букингемскому дворцу требуется восемь. Похоже, принцесса пристрастилась к нашему чаю.

Фиона нахмурилась, моментально сосредоточившись на деле.

– Так я и знала! Нужно было закупить больше. Сократите число ящиков для магазина в Кенсингтоне, а дворцу дайте столько, сколько они просят. С нашими наилучшими пожеланиями.

– Что?.. Бесплатно? – едва не завопил Мел. – Это же четыреста фунтов высококачественного чая! Можно сказать, небольшое состояние!

– Да, зато благодаря им мы получим большое. Мел, неужели вы не понимаете? Принцесса Александра еще ничего у нас не заказывала. У нас есть разрешение на поставку от ее величества. От принца Эдуарда. Но от принцессы Александры нет, а нам она очень нужна. Она такая модница. Ее фотографии помещают все журналы. О ней пишут в каждом разделе светской хроники. Каждая женщина в нашей стране хочет походить на нее. Если принцесса станет пить «Тэс-Ти», тысячи англичанок последуют ее примеру. Ее покровительство – это такая известность, которую нам не принесет и тысяча рекламных статей.

Чувствовалось, слова Фионы не убедили Мела.

– Вообще-то, миссис Би, это отдает азартной игрой.

– А во мне есть что-то от азартного игрока, – сказала она, подбрасывая и ловя шестипенсовик. – И вы это знаете.

– Даже слишком хорошо, – проворчал Мел.

– Пусть завтра утром все ящики доставят во дворец. И добавьте к ним ящик нашего ванильного чая. Возможно, принцессе он понравится... Кстати, нумалигурский «ассам» уже прибыл? – спросила Фиона, успев подняться по лестнице на пол-этажа. – Вы его смотрели? Тогда давайте сейчас и посмотрим. Хочу надеяться, он нас не разочарует...

Мел побежал следом, потев на июньской жаре. Ему, как и многим другим, было не угнаться за Фионой. В свои тридцать лет Фиона Бристоу владела компанией «Тэс-Ти» – чайной империей, доход которой исчислялся многими миллионами фунтов. Империя, начавшаяся с нескольких ящиков чая и бакалейного магазинчика в Нью-Йорке, нынче имела сеть магазинов «Тэс-Ти» и салонов «Чайная роза» не только в Англии и Америке, но и во многих крупных городах других стран.

– Замечательный аромат, – сказала Фиона, разглядывая горсть темных терпких листьев. – Мел, я подумываю о создании нового купажа. Он должен быть достаточно крепким и насыщенным, чтобы отвечать вкусам поклонников кофе. Отсюда можно будет перекинуть мостик...

Ее слова потонули в звонком мужском голосе:

– Фиона, старая форель! Вот вы где!

Обернувшись, она увидела высокого блондина, стремительно идущего к ней.

– Фредди? Неужели это вы?

– Собственной персоной. Заезжал к вам на Минсинг-лейн. Секретарь сказала, что вы здесь.

– Какая неожиданность!

– Ничуть. Ваш член парламента занимается работой на благо вас и Восточного Лондона. Фредди достал из нагрудного кармана конверт и протянул Фионе.

– Что там?

– Откройте и посмотрите.

Фиона открыла. Внутри лежал банковский счет на пятьсот фунтов, предназначенных ремесленной школе для девочек при миссии Тойнби.

– От правительства. Палата общин удовлетворила мою просьбу, – сказал Фредди. – Счет я передам его преподобию Барнетту, но вначале хотелось показать его вам.

– Значит, вы не просто... – Фиона осеклась, подбирая наиболее тактичное слово для того, что хотела сказать.

– Что? Не просто болтал и раздавал пустые обещания? Как видите, нет. Я очень серьезно отношусь к подобным обещаниям и не жалею сил, чтобы улучшить жизнь моих избирателей. Смею надеяться, это будет замечено и отмечено... Что это вы делаете?

Фиона вертела в руках банковское поручение.

– Ищу потайные нити, – ответила она, забыв про дипломатию.

– Не ищите. Их там нет, – ответил несколько задетый Фредди, забирая у нее бумагу. – Но буду вам ужасно признателен, если вы замолвите за меня словечко перед Джо.

– За пятьсот фунтов я замолвлю целых два. Спасибо, Фредди. Я и в самом деле очень вам благодарна. Говорю совершенно искренне.

Фредди кивнул:

– Думаю, вы не откажетесь сообщить ему, что сейчас я напряженно работаю над законом об ограниченной ирландской автономии, учитывая интересы моих избирателей-ирландцев. Немалое их число – это ваши рабочие. А еще я не менее напряженно занимаюсь разработкой антикриминальных мер.

– Не желаете ли чашечку чая? – предложила Фиона, надеясь сменить тему. – Как видите, его здесь полным-полно. Может, свеженького «дарджилинга»?

– Нет, спасибо. Мне надо бежать, – ответил Фредди, выстреливая словами. – Но обязательно скажите Джо, что я провел несколько встреч с официальными лицами Скотленд-Ярда и Министерства внутренних дел. И мы достигли полного взаимопонимания. Выделены деньги на дополнительные полицейские патрули по всему Тауэр-Хамлетс. Несколько дней назад пятеро полицейских из Уоппинга схватили пару взломщиков. А их коллеги из Уайтчепела разорвали цепь контрабандной торговли. Очередь за Сидом Мэлоуном. Он представляет угрозу и вам с Джо, и любому крупному торговцу, имеющему склады и причалы на Темзе. За минувшие полгода шайка Мэлоуна дважды совершала дерзкие налеты на прибрежные склады. Но смею вас уверить, с каждым днем я подбираюсь к нему все ближе. Я едва не схватил его на ограблении фургона с деньгами. Совсем недавно я был близок к его аресту в Лаймхаусе. Оказывается, он сует свои жадные пальчики и в торговлю опиумом. Кольцо вокруг него смыкается, и он это знает. Мэлоун – жестокий и опасный человек, заслуживающий самого сурового наказания. Жаль, что казни больше не совершаются публично. Я бы с большим удовольствием посмотрел, как его вздернут на виселице.

Фиону обуял ужас. У нее перехватило дыхание, но она заставила себя улыбнуться. Фредди не должен видеть ее страха.

– Мне пора. Время подпирает. Кланяйтесь от меня Джо, – сказал он.

Фиона пообещала, что так и сделает. Фредди умчался. Мел, который все это время осматривал ящики с другими сортами чая, снова подошел к ней.

– Идемте, посмотрим на партию «кимуна»... Миссис Бристоу, что с вами? Вы совсем бледная. Мэм, что случилось?

Фиона покачала головой и попыталась сказать, что с ней все в порядке. Но колени у нее подогнулись. Она схватилась за край ящика для чая, тем самым лишь замедлив падение.

Мел выругался, успев подхватить ее, иначе она бы ударилась о пол, поднял Фиону и усадил на ящик.

– Миссис Бристоу? Вы нормально себя чувствуете?

– Голова немного закружилась, – вяло кивнула Фиона. – Должно быть, от жары... и от ребенка. Я беременна.

– Я вызову врача.

– Незачем. Я сейчас оправлюсь. Это был легкий обморок.

Она снова заставила себя улыбнуться, однако Мел недоверчиво качал головой.

– Принести вам чего-нибудь? Бренди?

– Бренди не надо, а вот чашка чая будет очень кстати.

– Вы сможете спуститься вниз?

– Я еще немного посижу здесь. Пусть ноги окрепнут. Вы принесете чай сюда?

– Но вам нельзя оставаться одной. Вдруг обморок повторится? Я сейчас кого-нибудь пришлю...

– Нет, Мел, не надо. Я хочу немного посидеть одна. Несколько минут. Соберусь с силами.

Мел неуверенно кивнул и поспешил к себе в кабинет, где на небольшой плите у него постоянно кипел чайник.

Едва он ушел, Фиона спрятала лицо в ладонях. Страх вызывал у нее тошноту. Только что рядом с ней стоял Фредди Литтон, улыбался и обещал повесить ее брата. Те же слова он говорил у нее в саду, на встрече по сбору денег для ремесленной школы для девочек. Фионе и тогда стало не по себе от его слов, но после ухода Фредди она успокоилась, сочтя эти слова обычным бахвальством политика. Ей удалось прогнать страх, а теперь страх явился снова, взяв реванш.

Она встала и медленно побрела к лестнице. Нужно разыскать Чарли, причем немедленно. Она должна предупредить его, пока еще не поздно.

– Но как? – вслух прошептала она и остановилась.

После истории с Майклом Беннетом она не вправе посылать к Чарли еще кого-то.

Фиона не забыла сломанную руку Беннета. «Мэлоун – жестокий и опасный человек...» – звучал у нее в мозгу голос Фредди.

О том же говорил ей и Джо. Муж называл Чарли опасным и настаивал на прекращении поисков. Но как она может их прекратить? Чарли – ее брат.

Фиона вспомнила, каким Чарли был прежде, и ее глаза наполнились слезами. Добрый, отзывчивый парень. Ни капли жестокости. Жизнерадостный, постоянно смеющийся. Она вспомнила, как он играл в футбол с младшим братишкой Шейми или брал малыша на реку – посмотреть корабли. Чарли охотно ходил за продуктами больным и престарелым соседям и всегда отказывался брать за это деньги, хотя каждый пенс для него не был лишним.

Их семья жила тогда на грани нищеты, едва сводя концы с концами. Фиона вспомнила их дом на Монтегю-стрит: две комнаты на первом этаже, две на втором. Плата за жилье съедала львиную долю семейных доходов; оставшихся денег едва хватало на еду. И при этой нищей жизни у них было всё. Родители, любившие их. Песни и истории, которые пели и рассказывали по вечерам у очага. Смех. Надежда. Мечты. А потом не стало ничего. Сначала они потеряли отца. Затем мать. Вскоре не стало и их маленькой сестры. Чарли исчез в ту страшную ночь, когда убили их мать. Она и Шейми выжили только благодаря заботам и помощи неравнодушных людей: Родди, которого они привыкли звать дядей, их родного дяди Майкла в Америке и ее первого мужа Николаса.

Но рядом с Чарли таких людей не оказалось. Ему помог Денни Куинн и воровская шайка, которой Куинн верховодил. Чарли и сейчас был одинок. Ему не от кого услышать о нависшей над ним опасности. Если он не уедет из Восточного Лондона и не покончит с прежней жизнью, рано или поздно Фредди Литтон до него доберется.

Джо советовал ей не встречать. Забыть Чарли. Похоронить прошлое.

Неужели Джо забыл урок, который преподала им жизнь? Прошлое – неукротимый мертвец. Прошлое невозможно похоронить. Оно будет снова и снова выплывать из могилы, отравляя воздух... зловонием иного рода, гораздо хуже трупного. Невыносимым запахом печали, сожалений и раскаяний.

Сида Мэлоуна породило жестокое и кровавое прошлое, начавшееся в 1888 году, когда на улицах Уайтчепела появился неуловимый убийца. Когда грузчики работали по шестнадцать часов в день, получая пять пенсов в час. Когда грязные, отвратительные мебелишки плодили и выталкивали на улицы воров и проституток.

Все началось со смерти их отца. Пэдди Финнеган работал на одном из складов компании «Чай Бертона» и стал жертвой несчастного случая. Он выпал из погрузочной двери на пятом этаже склада. Едва дети справились с этим горем, как убили их мать. Ее убил безумец, прозванный Джеком-потрошителем. Та ночь стала переломной для Чарли. Он как раз возвращался домой и увидел истекающую кровью мать на тротуаре. В мозгу Чарли что-то повернулось. Он убежал и исчез. Найти его не смогли. Через несколько недель из Темзы выловили его тело. Оно успело настолько разложиться, что Чарли опознали только по обнаруженным в кармане отцовским часам. Семейной реликвии, которую отдал ему умирающий Пэдди.

Фиона осталась одна с малолетним Шейми на руках. Отчаянно нуждаясь в деньгах, она решила добиваться денежной компенсации за смерть отца. Мать подавала прошения, но ответа не получила. В местной конторе «Чая Бертона» Фионе отказали. Тогда она отправилась в главную, намереваясь поговорить с Уильямом Бертоном, владельцем компании. Обманув швейцара и пробравшись в кабинет Бертона, она случайно подслушала его разговор с главарем преступного мира Уайтчепела Шиханом Котелком. Из разговора Фиона узнала, что причиной смерти ее отца стал вовсе не несчастный случай. Гибель Пэдди Финнегана подстроил Шихан, выполняя приказ Бертона, которому ее отец стал костью поперек горла, поскольку убеждал грузчиков объединяться в рабочий союз... Только чудом Фиона сумела убежать от Бертона и Шихана и не стать жертвой шихановских головорезов, посланных в погоню. Фиона спешно покинула Лондон, поклявшись, что однажды Бертон сполна заплатит за содеянное. Это обещание она сдержала, вернувшись через девять лет и обанкротив Бертона. Его компания перешла в ее собственность.

Бертон попытался ее убить прямо в зале заседаний, когда ему были предъявлены все доказательства банкротства. Попытка не удалась. Он скрылся. Полиция искала Бертона по всему Лондону и после нескольких недель безрезультатных поисков предположила, что он бежал на континент. Бертон действительно планировал бегство в Европу, но позже. Вначале он собирался расправиться с Фионой. Все это время он прятался на старом заброшенном чайном складе, куда сумел заманить Фиону. Его третье покушение на ее жизнь оказалось бы успешным, если бы не вмешательство Сиды Мэлоуна.

Узнав из газет о ее блистательной победе над Бертоном, Сид установил за Фионой негласное наблюдение. Как и Родди, он не верил в бегство Бертона. Люди Сиды следили за ней постоянно. Это они спасли ее и Джо, перевезя их затем на южный берег Темзы. Там Фиона узнала, что Чарли Финнеган не погиб в восемьдесят восьмом, а превратился в Сиду Мэлоуна.

При виде убитой матери у него действительно помутилось сознание. В полубезумном состоянии он скитался по Восточному Лондону, не зная, где находится и кто он. Чарли спал где придется, питался отбросами. Однажды поздним вечером, когда он рылся в помойном баке в поисках еды, на него напал его давний враг Сид Мэлоун, жестоко избил, украл отцовские часы и попытался убить. Защищаясь, Чарли кинул в него камень, который раскроил Сиду череп. Испугавшись, Чарли бросил тело Сиды в Темзу, но забыл забрать отцовские часы.

Постепенно к Чарли начала возвращаться память. Он вспомнил, кто он и где жил прежде. Пойдя по тому адресу, он обнаружил, что в их бывшей комнате живут другие люди. Одинокий, боящийся, что его схватят и обвинят в убийстве Мэлоуна, он пришел к единственному человеку, которому мог доверять, – Денни Куинну. В местном преступном мире тот был второстепенной фигурой. Денни посоветовал ему затаиться и взять себе имя Сиды Мэлоуна. Сид был одинок, а рыжие волосы придавали ему сходство с Чарли. Куинн рассуждал так: если у полиции возникнут подозрения и они начнут задавать вопросы, живой и здоровый Мэлоун будет готов на эти вопросы ответить.

Встреча с братом подействовала на Фиону даже сильнее, чем смертельное столкновение с Бертоном. Все эти годы она считала Чарли умершим. Она обнимала его, плача от радости. Но радость омрачал нынешний род занятий Чарли. Фиона умоляла брата порвать с преступ-

ным миром и вспомнить о своих прежних мечтах. Задетый и рассерженный словами сестры, он заявил, что каждый из них выживал так, как умел. Он потребовал от Фионы не пытаться его искать. Дядя Родди, дослужившийся до сержанта полиции, прочесал оба берега, но следов Чарли не обнаружил. «Отпусти его, Фи», – уговаривал ее Джо. Фиона неохотно согласилась, решив утаить от подросткового Шейми правду о Чарли, которого он любил и которым восхищался. Нынешний Чарли вряд ли вызвал бы у Шейми восхищение. Его кумир стал преступником, жестоким и беспощадным.

– Миссис Бристоу! Зачем вы встали, мэм? Сидели бы на ящике. – Мел вернулся с чаем, Фиона не слышала, как он поднялся. – У вас по-прежнему нездоровый вид, – сказал он, ставя дымящуюся кружку на ящик. – Думаю, вам стоит поехать домой. Я сейчас схожу за вашим кучером. А вы пока пейте чай.

Фиона кивком поблагодарила его. Он был прав. Ей надо поехать домой. Она сделала несколько глотков. На полу что-то блестело. А-а, шестипенсовик, выигранный у Мела. Поднимаясь сюда, она держала монету в руке. Должно быть, выронила, когда сама рухнула на пол. Фиона нагнулась за монетой. В ее нынешней жизни шесть пенсов не значили ничего. А когда-то шесть пенсов означали разницу между сытым и голодным желудком.

Фиона смотрела на шестипенсовик, но видела другие монеты. Пенни, шестипенсовики, шиллинги. Чарли вытаскивал их из кармана и выкладывал на шаткий стол в грязной комнате, где они жили. Среди них была и банкнота в один фунт, мятая, с пятнами крови. Эти деньги Чарли получал за победы в жутких кулачных боях.

– Бери, – говорил он. – Бери все.

Фиона не хотела, но взяла. На эти деньги можно было купить молока для малышки. Мясо на ужин. Уголь для обогрева. Ботинки для Шейми. А еще ими можно было заплатить за жилье.

– Чарли, – сокрушенно прошептала Фиона, сжимая в пальцах монету.

Тогда все они нуждались в его заработках. Ради заботы о матери, брате и сестрах Чарли отказался от своей давней мечты уехать в Америку.

Теперь он нуждался в ее помощи.

– Я тебе помогу, – сказала Фиона.

Она сама займется поисками брата. Чарли ясно дал понять: слушать чужих он не станет. Но ее он послушает. Она заставит его слушать... если только сможет найти.

Фиона не знала, откуда начинать поиски. Чарли обитал где-то в Ист-Энде, но где именно – она и понятия не имела. По словам Беннета, он встретил Чарли в прибрежном пабе, но названия паба не сказал. Точнее, не успел сказать. Джо выставил частного детектива за дверь.

Джо. При мысли о муже Фиону захлестнуло чувство вины. Узнав о ее затее, он сильно рассердился. Его предостерегающий голос и сейчас звучал у нее в мозгу. Джо действовал из лучших побуждений, пытаясь защитить ее и обезопасить ей жизнь. Он хотел, чтобы она отказалась всего от одной неподвластной ей стороны жизни и сосредоточилась на всех остальных, подчиняющихся ее воле и желанию. Она ведь была такой успешной, такой блистательной. У нее было все, что можно и чего нельзя купить за деньги. Она замужем за любимым человеком. Счастлива по-настоящему. Но при всем доступном ей счастье в душе Фионы не утихала саднящая грусть по близкому человеку, которого не было рядом, который не придет на воскресный обед и не услышит радостных воплей детей: «Дядя пришел!» И не появится на семейных фотографиях.

Она осуществит задуманное. Она найдет Чарли. Пусть это риск. Она готова рискнуть. Свои планы Фиона решила держать в тайне от всех, даже от Джо. Ей было очень тяжело обманывать мужа, но иного выхода она не видела. В том, что касалось ее брата, Джо был упрям и непримирим. Он считал Чарли жестоким и пропащим человеком. Но Фиона так не думала. Когда она разыщет Чарли и вернет в семью, Джо поймет, что ошибался. Он простит жене эти действия втихую. Чарли отнюдь не пропащий. По натуре он не преступник и не злодей. Он

не принадлежит к преступному миру. Он принадлежит ей, и она вернет его обратно. Найдет способ вернуть.

– Миссис Бристоу! – крикнул с лестницы Мел. – Экипаж подан! Кучер ждет!

Фиона встала. В ногах еще ощущалась слабость, но сама она была полна решимости.

– Мэм, вы готовы? – спросил Мел, с сопением и пыхтением поднимаясь к ней.

– Да, Мел. Идемте.

Ее пальцы по-прежнему сжимали шестипенсовик. Фиона сунула монету в карман. Да, она азартный игрок. И в этот раз она поставила на Чарли.

Глава 6

– Хозяин! – крикнул Фрэнки Беттс. – У нас готово!

Сид Мэлоун потянулся за фонарем, посветил на кирпичи. Дыра сделана. Сквозь нее виднелись опорные столбы, на которых держалась крыша склада «Крепость». Но ширина дыры была всего лишь около фута. Им нужен пролом гораздо шире.

– Ронни, Оз, беритесь за дело! – распорядился Сид. – Шевелитесь!

Замелькали кувалды. Ронни и Оззи молотили по стене. Остальные складывали обломки кирпичей в пустые ящики.

Сид взглянул на карманные часы. Половина первого. Час до подхода лодки О'Нила. И только два часа до начала отлива. Если к тому времени они не управятся, придется все бросать и сваливать.

– Дези, где сторож? – с нескрываемым раздражением спросил Сид.

– Все еще глазеет на пожарные повозки.

– Жирный ублюдок! – выругался Сид.

За несколько часов до появления здесь двое его ребят подожгли заброшенный склад на соседней улице. Расчет оправдался: все сторожа в радиусе мили бросились тушить огонь. Все, кроме одного – толстяка необъятных размеров. Сид не брался даже гадать, на сколько стоунов тянули эти необъятные тела. Увидев зарево, сторож и не подумал помочь. Дойти до горящего склада и то было для него непосильной работой. Он ограничился тем, что вышел на улицу и стал пялиться на проносящиеся пожарные повозки. Но если зрелище ему надоест и он вернется внутрь, это осложнит дело. Хорошо еще, сторож не слышал шума от ударов кувалд. Как Сид и рассчитывал, пожарные команды ехали к пылающему зданию по этой улице. Их колокола и повозки создавали изрядный шум.

– Эй! Полицейские! – вдруг крикнул Дези.

Сид схватил Ронни за рубашку, а Оззи за руку, едва не схлопотав от последнего кувалдой.

– Что там еще? – тяжело дыша, спросил Оззи.

– Тише ты! – прошипел Сид. – Дези, чем они заняты?

– Проверяют замок.

У Сиды напрягся каждый мускул.

– Отлипли от замка. Теперь болтают с нашим милым толстячком. Хорошие парни. Нечего внутрь соваться...

– Дези!

– Все в порядке, хозяин. Они уходят.

Сид выдохнул. Затем схватил кувалду Оззи и ударил по стене. Им двигал страх. С каждым ударом было видно, как на его широкой спине напрягаются все мышцы. Удары железа по кирпичу болезненно отдавались в руках. Сид едва их ощущал. Подготовительные действия слишком затягивались. Им не уложиться во времени. Увидев Тома, лихорадочно размахивающего руками, Сид опустил кувалду.

– Остановись, хозяин. Хватит! Мы уже внутри.

Сид бросил кувалду и пролез в пролом раньше, чем Том прекратил болтать. За ним влезли еще пятеро. Оззи тащил фонарь. Дези остался на причале Лондонских доков за часового. Сид потребовал фонарь и, получив, поводит им вокруг, осматривая громадное помещение. В нем не было ничего, кроме рулонов тканей. Шелк. Парча. Все рулоны были упакованы в коричневую бумагу. И никаких коробок или ящиков.

– Фрэнки, мы пришли сюда не за тканью на наряды, – сказал Сид.

– Они где-то здесь, – стоял на своем Фрэнки. – Нюхом чую. Дружок говорил, что на шестом. Может, он этаж спутал? Глянем на пятом.

Люди Сиды беззвучно, как призраки, поднялись по лестнице. Достигнув пятого этажа, они рассредоточились. Каждый двигал коробки и заглядывал под парусину. Через несколько минут Оззи вернулся обратно.

– Пусто здесь, хозяин, – сказал он.

– Тогда поищем на четвертом, – отрывисто бросил Фрэнки, выбираясь на лестницу.

При свете фонаря Сид снова взглянул на часы. Еще пятнадцать минут псу под хвост. Дело дрань. И от Дези отошли на приличное расстояние. Если крикнет – не услышат. Сид не знал, где сейчас сторож и продолжает ли полиция толкаться у дверей. Он решил, что даст Фрэнки еще пять минут на поиски, а потом они сваливают. Значит, промашка вышла.

Когда Сид спустился на четвертый этаж, Фрэнки находился в центре помещения, ломиком открывая крышку ящика. Извлекаемые гвозди скрипели. Сид даже вздрогнул. Затем раздался негромкий смех и голос Фрэнки:

– Здесь, хозяин! Нашел!

Подойдя ближе, Сид увидел крупные надписи на ящиках. «Оружейная компания “Винчестер”. Произведено оружейным заводом Боунхилл в Бирмингеме». Фрэнки восторженно разглядывал вытащенную из ящика винтовку.

– Хватит глазеть! – одернул его Сид. – Время подпирает. Придется сначала вытащить все ящики на лестницу. Заставим два верхних марша и только потом начнем спускать вниз. Где остальные ящики?

Фрэнки вернул винтовку на место. Люди Сиды быстро пересчитали ящики с винтовками. Вместе с открытым пятьдесят пять. И еще двадцать ящиков с пистолетами.

– Ронни, брось в мешок полдюжины «бристолей». Это для нас, – распорядился Сид, указав на пистолеты. – Остальные погрузим на лодку. Шевелимся, парни.

Как уговаривались, его люди разбились на пары. Каждая пара подняла по длинному ящику и потащила к лестнице. Переноска сопровождалась кряхтением и приглушенной руганью. В ящиках лежало по двадцать пять винтовок. Сами ящики были тяжелыми и мало приспособленными к переноске. Сиды вновь охватила тревога. Вес. Дополнительные ступеньки. Дополнительное время. А где сейчас этот долбаный сторож?

Когда протолкнули через пролом первый ящик, Дези уже пританцовывал от беспокойства.

– Где вы валандались? Я уж подумал, не загребли ли вас.

Сид объяснил причины задержки.

– Не нравится мне это, – вздохнул Дези. – Пропасть ящиков, тьма ступенек. Мы не успеем отправить лодку вовремя.

– Успеет. Поглядывай за своим красавцем.

Один за одним ящики проталкивали через пролом на причал Лондонских доков. Сид слышал каждый стук и грохот. Деревянные лестницы «Крепости» были старыми и рассохшимися. Каждый шаг отзывался скрипом. Все эти звуки играли на нервах Сиды, перебирая их с виртуозностью арфистки. Снова и снова он и его люди возвращались на склад и тащили ящики к пролому. Они почти закончили предпоследний проход, когда Сид услышал голоса. Голосов было два. Они доносились с первого этажа. Говорившие стояли у лестницы.

– Замерли! – прошипел Сид.

Его люди послушно застыли. Ящики, которые они держали, тоже застыли в воздухе. Сид находился на площадке пятого этажа. Положение его было крайне уязвимым. Если бы он догадался сказать Ронни, чтобы не запихивал пистолеты в мешок, а раздал бы ребятам. Пистолеты не были заряжены, но сторож об этом не знал. Теперь мешок находится на шестом этаже вместе с Дези. С кувалдами, ломом и курткой Сиды, где лежал его нож. При нем – ничего. Даже гвоздя нет. Ошибка новичка. Как он мог так сглупить? Если сторож потащится наверх, если увидит их, Сиду с Фрэнки придется бросить ящик и бежать за ним. Сид этого не хотел. Не хотел ни лишнего шума, ни тем более крови. Он планировал операцию совсем не так.

Сид задумал устроить пожар, чтобы отвлечь сторожа и чтобы исчезнувших винтовок хватились только через несколько дней. А может, и недель. Этого времени О'Нилу хватит, чтобы беспрепятственно приплыть в Дублин. Пристанет где-нибудь в устье Лиффи, сдаст груз и будет попивать «Гиннесс» в своем любимом пабе. А лондонские полицейские еще и не почешутся.

Но если сторож на них наткнется, это осложнит дело. Придется вышибить из него дух и связать да еще постараться, чтобы он не увидел их лиц. Утром его найдут, или жена помчится в полицию сообщать, что муж не вернулся домой. Когда сторожа развяжут, он все выложит копам, и тогда жди погони.

Сид ждал и вслушивался. От тяжелого ящика, который они держали на весу, все его мышцы напряглись. И ведь некого упрекнуть в дурной затее. Идея целиком принадлежала ему. Дези пытался его отговорить.

– Забудь про это, хозяин. Схлопочешь билет прямехонько в тюрьму, – говорил Дези. – К докам с крыши не подобраться. Двери, как крепости. Стены пять футов толщиной. Как ты думаешь, почему его называли «Крепостью»?

– По той же причине, по какой подаваемая тобой моча называется пивом. Принятие желаемого за действительное, – ответил Сид. – Стены имеют пятифуттовую толщину только у основания. Чем выше, тем они тоньше. На шестом этаже их толщина всего фут.

– Откуда ты знаешь? – угрюмо спросил Дези, пропустив мимо ушей замечание о пиве.

– Смотрел чертежи.

– Не заливай, хозяин. Где?

– В ратуше. Можешь спросить у Фрэнки. Мы с ним нарядились в лучшие костюмы, отправились в ратушу и назвали архитекторами. Теперь слушай, как мы это провернем. Проникнем на Лондонские доки со стороны реки, поднимемся на шестой этаж и там пробьемся через стену в «Крепость». Заберем товар, заметем следы – и ищи-свищи.

– Черт тебя побери, хозяин, да ты настоящий гений! – восторженно произнес Оззи, когда Сид разложил сделанные рисунки. – Ратуша, архитекторы... Кто бы еще до такого додумался? Это дельце по нам. Деньжонок огребем на нем по полной.

А если все сорвется, они окажутся в тюрьме.

Перед мысленным взором Сиды мелькнула картина. Серый вихрь, наполненный черными и белыми пятнышками. Каменный пол в тюрьме Уормвуд-Скрабс. Гранитный, успел подумать Сид, и в то же мгновение его голова ударилась о пол. Потом была только обжигающая боль. Это Уиггс въехал ему по ребрам. Столько лет прошло, а пронзительный смех надзирателя до сих пор звучал в ушах Сиды.

Внизу, в «Крепости», продолжали раздаваться шаги. Кто-то поднялся на первый марш, проскрипел по площадке, поднялся на второй. Теперь голоса слышались отчетливо. Один был женским. Говорили о пожаре. Женщина хотела посмотреть на пожар из окон склада. Сид слышал каждое ее слово. К этому времени женщина поднялась на второй этаж. Еще немного – и они столкнутся нос к носу.

Потом раздался ворчливый, недовольный голос сторожа:

– Помилосердствуйте! Неужели вы решили подниматься на самый верх? Отсюда видно ничуть не хуже, чем с последнего этажа.

– Вы уверены? Я же не зря заплатила деньги. Мы условились: за четыре пенса я могу смотреть с любого места.

– Тогда поднимайтесь одна. Мне на этих поганных ступеньках недолго и шею сломать.

– А крысы тут есть? – вдруг спросила женщина.

– Само собой.

– Ой, почему сразу не сказали? Терпеть не могу крыс!

Сид услышал дробь каблуков, выбиваемую по скрипучим ступенькам. Женщина спускалась вниз.

Уходят. Сид ждал, напрягая слух, чтобы убедиться в этом. Потом до его ушей донеслось сопение, кряхтение и несколько еще таких же звуков. Облегченно вздохнув, Сид повернулся к Фрэнки. Можно двигаться дальше. И вдруг он с тревогой увидел, что Фрэнки дрожит. Наверное, от напряжения. Как-никак они держали на весу тяжеленный ящик. Но вскоре Сид понял: парень трясется от смеха. Боясь, что его услышат, Фрэнки предусмотрительно закусил губу. Его щеки блестели от слез.

– Как ее вообще сюда занесло? – прошептал он.

– Нечего болтать. Шевелись! – бросил ему Сид.

Фрэнки подал сигнал тем, кто был впереди, и они продолжили подъем. Порой Сид сомневался, есть ли у Фрэнки нервы. Оружие – это тебе не драгоценности, не серебро или картины. Из него стреляют и убивают, поэтому к тем, кто переправлял оружие, судьи относились без всякого снисхождения. Если их схватят, каждому светит по двадцать лет. Толстяк-сторож пыхтел всего этажом ниже, а Фрэнки смеялся. Понятное дело: парень не нюхал тюремной камеры и не попадал в руки таких, как Уиггс. Кроме Дези, никто из его ребят не успел ощутимо посидеть в тюрьме. Сид, как мог, уберегал их от такого опыта.

– Где вы ошивались? Отдых себе устроили? – спросил Дези, когда они наконец вернулись в Лондонские доки. – Видел, как он зашел внутрь. Пытался вас предупредить, но вы уже спустились. О’Нил здесь. Слышал его мотор.

– Все в порядке, Дези. Пришлось подзадержаться. Главное, мы здесь, – сказал Сид, поднимая с пола рубашку и куртку. – Спустись вниз и скажи О’Нилу, что мы сейчас подойдем. Потом возвращайся за барахлом, – добавил он, торопливо одеваясь.

Пока Сид говорил с Дези, двое его парней вернулись в «Крепость», набрали рулонов тканей и завалили пробитую дыру. Затем протиснулись сами и уже со стороны доков поправили рулоны. Вот и ящики с обломками кирпичейгодились. Ящики поставили возле закрытой дыры, наверх добавили еще несколько, замаскировав следы пролома.

Сид опять посмотрел на часы и выругался. Почти два. Им пора было бы давно свалить отсюда. Допустим, полчаса у них еще есть. Полчаса, чтобы спустить семьдесят два ящика с шестого этажа и погрузить в моторную лодку.

– Нормально, парни. Последнее усилие, – сказал он. – Двигаться быстро и без шума. Отсюда до трюма, как планировали. На причале ничего не оставлять.

Парни кивали. Ронни был весь мокрый от пота. Оззи снял кепку и вытирал лоб. Пит нагнул, упер руки в колени, успокаивая дыхание. Они уже выдохлись, а их ожидал завершающий и самый трудный этап операции.

Люди Сиды снова взялись за ящики. Спускать – не поднимать. Уже легче. Как и в «Крепости», деревянные ступени склада Лондонских доков тоже скрипели у них под ногами. Но если в «Крепости» был сторож, на складе он отсутствовал.

Ровно в семь вечера управляющий складом Лондонских доков запирает дверь, а в шесть утра открывал. Ночью он никогда не наведывался и не проверял состояние склада. Сид это знал, потому что пару месяцев назад отправил сюда Оззи на подработку. Оззи проработал

месяца полтора, затем объявил управляющему по фамилии Ларкин, что возвращается домой в Дарем.

За время работы Оззи завоевал доверие управляющего. Под конец этих полутора месяцев Ларкин доверял Оззи запирать склад. Этот наивный человек считал, что один ключ гарантирует безопасность. Ведь запасной можно украсть и сделать копию. А так... Ларкин не предполагал, что у Оззи в кармане лежит кусок мыла. Изготовить слепок – секундное дело. Дружок-кузнец за пару часов сделал по слепку второй ключ. Сид с ребятами приплыли сюда заблаговременно, наняв незнакомого лодочника. Оззи впустил их. Когда закончат, выпустит обратно.

Если закончат...

Когда спустились на первый этаж, Сид огляделся по сторонам, ища глазами Деи. Тот должен был стоять у самой двери. Зарево пожара освещало верхние этажи склада, но не дотягивало до нижних.

– Все в порядке? – спросил он в темноту.

– Все в порядке, – послышался ответ.

Оззи и Ронни опустили ящики, открыв двери на причал. Сид услышал тархтение мотора. Затем раздался рассерженный голос О'Нила, владельца моторки.

– Черт, где вы прохлаждались?! Я тут жду с половины первого. Думал, вы вообще не появитесь.

– Непредвиденные трудности, – сказал Сид, поднося ящик к воде. – Трюм открыт?

– С чего мне держать открытым этот грёбанный трюм? Я готовился отчалить.

Сид остановился как вкопанный, заставив остановиться и всех остальных.

– Тебе нужны винтовки?

– Да, но...

– Тогда закрой пасть и открой трюм. Живо!

О'Нил не препирался. Все опустили ящики на землю. Оззи и Ронни прыгнули в трюм. Сид и Фрэнки стали подавать им ящики. Том и Дик побежали на склад за новой партией.

– Скоро начнется отлив. Я не успею к утру выйти в открытые воды, – проворчал О'Нил. – Если по пути в Ирландию меня схватят с грузом оружия...

– Свои дела решай сам, – пресек его сетования Сид. – Держи трюм открытым, а сам не пугайся у меня под ногами.

Неожиданно в их разговор врезался стук второго мотора. Его услышали все.

У Сида зашевелились кишки в животе.

– Речная полиция. И откуда их принесло? – Он повернулся к своим. – Прячьтесь на складе!

О'Нил хотел побежать со всеми. Сид загородил ему путь.

– Останешься здесь. Скажешь, что у тебя барахлит мотор.

– Если они увидят груз, мне конец! – крикнул владелец лодки. – Вдруг они начнут обыскивать трюм?

– Сделай так, чтобы они туда не сунулись.

Звук мотора нарастал. Сид метнулся к двери склада. Фрэнки запер дверь изнутри. Торчать у окон было опасно. Парни прильнули к двери и замерли, прислушиваясь.

Полицейские окликнули О'Нила. Их лодка, сверкая фонарями, подплыла к причалу. Сид все же рискнул выглянуть в окошечко слева от двери. О'Нил теребил в руках грязную ветошь.

– Маленькая неполадка, – объяснил полицейским хозяин лодки. – Дым пошел от мотора. Но я вроде разобрался, что к чему.

– Какой у вас груз? – спросил полицейский.

Его напарник осматривал лодку, поставив ногу на планшир. Осадка лодки была нормальной. Три ящика с оружием не такой груз, чтобы она осела ниже ватерлинии.

– Сейчас никакого, – ответил О’Нил. – Вез баранину из Дублина. Один кусок оказался с червями. Весь трюм провонял.

Второй полицейский поморщился и убрал ногу с планшира.

Вот и умница, подумал о нем Сид.

– А куда направлялись? – спросил первый.

– На склад Батлера. Разгрузился вчера вечером. Думал, там и останусь до рассвета. Но зашел в «Рамсгит». За пивом разговорился с соседом по стойке. Он сказал, что одному человеку нужно доставить в Дублин партию лезвий для кос. Надеюсь добраться до него раньше других перевозчиков.

Неожиданно первый констебль повернулся в сторону склада. Сид мгновенно пригнулся. У него застучало сердце. Он вжался в стену, надеясь, что в темноте констебль его не увидит. Полицейский подошел к двери, подергал ручку, посветил фонарем в окно. Луч осветил ящики и коробки. Затем полицейский убрал фонарь. Сид облегченно вздохнул, но в следующее мгновение едва не подскочил. Полицейский забарабанил в дверь.

– Откройте! – крикнул он. – Это полиция! Открывайте!

Ребята Сида замерли. Сам он попытался сглотнуть, но в горле пересохло. Сердце гулко колотилось, кровь шумела в ушах. Констебль снова забарабанил в дверь. Сид уже собирался подать своим сигнал к бегству, когда послышался голос второго полицейского:

– Хватит стучать. Это ж Лондонские доки. У них нет ночных сторожей.

– Вы ничего странного не заметили? Может, чего слышали? – спросил первый у О’Нила.

– Нет, сэр. Я же с мотором возился. Потом услышал вашу лодку.

– Заканчивайте свои дела и уплывайте. И чтоб, когда мы поплывем обратно, вас здесь уже не было.

Сид закрыл глаза и хрипло выдохнул. Пронесло. Взревел мотор полицейской лодки, забурлила вода. Полицейские поплыли дальше.

Фрэнки снова открыл двери. Все бросились наверх, подгоняемые страхом. Ребята Сида таскали ящики, пока у них не стали подкашиваться ноги и не появился огонь в легких. Было почти три часа ночи, когда они добрались до последних ящиков.

– Итак, всего шестьдесят девять ящиков, – сказал О’Нил; он стоял на палубе и вел подсчет. – Ты говорил, что их семьдесят пять. Где еще шесть?

– Три сейчас поднесут. Итого семьдесят два, – ответил Сид. – До последних трех нам было не добраться. Чуть на сторожа «Крепости» не напоролись. Если они тебе нужны, отправляйся за ними сам. Дорогу покажем.

– В таком случае я удержу часть денег. Все должно быть по-честному.

– Удерживай. Я постараюсь удержать своих ребят, которым это не понравится. Но гарантий не даю. Их шестеро, а я один.

О’Нил плюнул в воду, затем жестом позвал Сида, и оба скрылись в рулевой рубке. Там владелец лодки вынул из сейфа конверт и протянул Сиду. Сид вскрыл конверт и пересчитал деньги. Две тысячи фунтов, как и договаривались.

– Ирландцы хорошо платят, – усмехнулся Сид.

– Мы не стоим за ценой. Главное – освободиться от английской тирании, – ответил О’Нил. – Ирландия будет свободной. Мы будем стрелять в английских деспотов из их же оружия.

Сид кивал. Он едва слушал патриотические речи О’Нила, рассовывая банкноты по карманам.

– Мэлоун... ты ведь тоже ирландец. С такой фамилией, ты должен был бы отдавать нам винтовки даром, а не продавать. Борьба за свободу – дело благородное. Странно, что оно тебя не волнует.

– Единственное благородное дело, которое меня волнует, приятель, – мое собственное, – ответил Сид.

Сказав О'Нилу, что с ним приятно работать, он спрыгнул с лодки и направился к складу. Тогда-то все и пошло наперекосяк.

Оказавшись на берегу, Сид увидел бегущих Оззи и Ронни, которые тащили ящик. За ними бежали Том и Дик со своим ящиком. Третий ящик Фрэнки нес на плече. Груз был слишком велик для одного. Фрэнки спотыкался. Дези стоял возле двери, держа в руке мешок с кувалдами, ломиками и пистолетами. Другой рукой он закрывал дверь.

– Двигаем отсюда, хозяин! Валим на лодку. Управляющий приперся, – сообщил Фрэнки.

– Что? Зачем... – спросил было Сид и осекся.

Чертовщина какая-то! Ночью на складе Лондонских доков никто не появлялся. Они целых три недели проверяли.

– Из-за пожара. Должно быть, решил проверить. Забирайся в лодку! – бросил Фрэнки, пробегая мимо.

– Эй, постойте. Я вас на борт не возьму... – начал возражать О'Нил.

Сид быстро сунул руку в карман куртки. Перед глазами О'Нила мелькнуло шестидюймовое лезвие ножа.

– Отвезешь нас в «Баркентину», – сказал Сид.

Хозяин лодки молча кивнул.

Дези был уже на борту. Оззи и Ронни забирались на палубу.

– Быстрее! Последний рывок! – крикнул Сид, махая Тому и Дику.

Они были рядом с бортом, переправляя ящик через планшир. Оставался Фрэнки. Он находился всего в нескольких футах от лодки. Сид бросился к нему, желая помочь и принять часть тяжести ящика на себя. Но в этот момент Фрэнки споткнулся, накренился вперед и концом ящика ударил Сиду по голове. Ослепленный ударом, Сид попятился, сделал шаг назад, потом второй, размахивая руками и пытаясь выпрямиться на причале. И вдруг причал исчез. Под ногами был только воздух. Сид упал в воду, соприкоснувшись с верхушкой утопленной сваи.

Зазубренная древесина пропорола ему кожу. Сид открыл рот, чтобы крикнуть, но рот заполнился водой, и оттуда не вылетело ни звука. Он ничего не видел и не мог дышать. Ему оставалось одно из двух: всплыть на поверхность или утонуть. Но Сиду было не пошевелить правой рукой. Он отчаянно двигал левой. Легкие жгло. Кое-как он нащупал левой рукой сваю и, цепляясь за нее, поднялся к поверхности. Парни всюду звали его. Чувствовалось, они сильно напуганы. Потом он услышал другой звук – мотор полицейской лодки. Пока еще копы были далеко, но это ничего не меняло. Все планы Сид не выдержали проверку временем.

– Дайте веревку! Нам нужна веревка! – орал Фрэнки, перемежая слова ругательствами.

Сиду был виден край причала. Ящик с винтовками по-прежнему торчал там. Его нужно убрать еще до полицейских, иначе им всем хана.

– Вытащите Сиду! Вытащите его! – крикнул Ронни.

– Забудьте обо мне. Ящик грузите! – приказал Сид.

Звук полицейского мотора становился все громче. Их лодка в любой момент могла вынырнуть из тумана. Сид отпустил сваю, чтобы добраться до Ронни. Его относило от причала. Вода вокруг потемнела от его крови. На несколько секунд он снова ушел под воду, затем вынырнул. Ребятам не хватало времени, чтобы поднять его на борт, и он это знал.

– Слушай, долбаный О'Нил, где твоя долбаная веревка! – снова закричал Фрэнки.

Сдурел он, что ли? Так орать, когда копы близко! Они же услышат. О'Нил надавил на дроссель. Правильно. Хоть так заглушит этих горластых парней. Сид махнул Фрэнки. Тот лежал на причале, протягивая ему руку.

– Нет, хозяин, – ответил Фрэнки.

– Уплывайте!

Звук бурлящей воды становился все громче. Сид понимал: ему уже не выкарабкаться. Он потерял слишком много крови. Она и сейчас продолжала вытекать. Скоро вытечет вся. Это его радовало. Даже смерть была лучше, нежели снова оказаться в тюрьме. Но у его ребят еще оставался шанс, если только они не сгруппят. Сид увидел, как Оззи и Ронни наконец-то забрались на борт. Фрэнки опасно поглядел на приближавшуюся полицейскую лодку. Ну, забирайся же на борт, подумал Сид. Однако Фрэнки прыгнул не в лодку О'Нила, а в воду.

– Я же велел тебе забираться в лодку! – зашипел на него Сид.

– Хозяин, ты и в самом деле мог это сказать? – удивился Фрэнки.

Обхватив плечи Сиды, Фрэнки утащил его под сваи причала. Еще немного – и полицейские в лодке накрыли бы их обоих. Увидев на одной из свай полусгнившую веревку, Фрэнки схватился за ее конец, чтобы его и Сиды не унесло волной.

– Извел меня этот чертов клапан! Только сейчас понял, в чем дело! – крикнул полицейским О'Нил, заставляя мотор реветь еще громче.

– Совсем спятил. Мы сейчас захлебнемся в его волнах, – прорычал Фрэнки, вцепляясь в веревку.

Фрэнки ошибался. О'Нил намеренно устроил этот шум, отвлекая полицейских, а то они заметят подозрительно низкую осадку лодки и поймут, что за час ее успели чем-то нагрузить.

– Спокойной ночи, джентльмены! – крикнул полицейским О'Нил, и его лодка понеслась прочь от Лондонских доков.

Наконец-то! Парням повезло.

– Держись, хозяин, – шептал Фрэнки. – Не успеешь и глазом моргнуть, как он высадит наших возле «Баркентины» и вернется. О'Нил заставит свое корыто летать, иначе Оззи заставит летать его кишки.

Сид кивнул и закрыл глаза. Сверху слышались шаги. Ларкин спрашивал у полицейских, что случилось. Находясь внутри, он слышал шум.

– Да какой-то парень с никудышным мотором, – ответил один из полицейских. – У вас все нормально?

– Нормальнее не бывает, – ответил Ларкин.

– Вы уверены? Никаких следов взлома? Ничего не пропало?

– Обе двери заперты крепче, чем кошачья задница, – ответил управляющий.

Он пожелал полицейским спокойной ночи и ушел внутрь. Лодка отчалила. Сид и Фрэнки остались плавать в волнах Темзы. Боль, разлившаяся по телу Сиды, была такой острой и изматывающей, что он знал: она его доконает раньше воды. У него кружилась голова. Ему стало холодно. Очень холодно. Долго он так не протянет.

– Фрэнки... – прошептал Сид.

– Да, хозяин.

– Хочу, чтобы ты знал...

– Что ты всегда меня любил?

Сид засмеялся. Даже боль не помешала этому. Не о чем больше тревожиться. Никаких тебе печалей. Все казалось ему веселым и забавным. Он всегда думал, как здорово уходить из жизни смеясь.

– Навар... Он в кармане куртки. Раздели поровну. Мою долю отдай Джем.

– Сам отдашь. Завтра, когда ее увидишь.

Голос Фрэнки отдалялся, становясь все тише, пока Сид не перестал его слышать. Потом исчезли боль и холод. Не осталось ничего. Только черная ночь, черная вода и черная бездна забвения.

Глава 7

– Презервативы?

– Ни в коем случае!

– Колпачки?

– Забудьте о них.

– Может, тогда противозачаточные губки? – спросила Индия, останавливаясь посреди Брик-лейн.

– Похоже, вам не терпится вылететь, – сказала Элла. – Гиффорд пронюхает, и ваше желание исполнится.

– Ему вовсе не обязательно об этом знать. Мы можем раздавать противозачаточные средства без излишней огласки.

– Даже если мы убедим пациенток держать язык за зубами, кто это будет оплачивать?

– Я как-то не подумала, – призналась Индия.

– И потом, где нам доставать все эти чудеса? Найти подобные штучки в Лондоне не проблема, но поставщики знакомы с Гиффордом, а он – с ними. Если его подчиненная заказывает коробку презервативов, ему непременно сообщает. – Элла дернула Индию за рукав, оттаскивая от приближающегося молочного фургона. – Идемте. Кафе в той стороне.

– До сих пор не могу поверить, что он такой динозавр, – продолжала Индия. – Почему он возражает против хлороформа? В наши дни обрекать рожавшую женщину на ненужные мучения, отказываясь облегчить ее участь, – это просто варварство. Вы слышали, какие слова он говорил, когда мы уходили?

– Слышала. Тысячу раз. Я ассистировала ему при многих тяжелых родах и собственными глазами видела жуткие вещи. Женщины корчатся от боли, а он преспокойно читает и даже ест. Это происходило у них дома. Мне хотелось убежать без оглядки, но я оставалась. Я для них была единственной помощницей. Я массировала им ступни. Они хватали меня за руки. Уйди я, и они останутся один на один с ним. А он будет поглядывать на часы, хмуриться и призывать этих несчастных крепиться или мужаться. И твердить им строчки из Бытия: «В болезни будешь рождать детей...» Напыщенный придурок! Он велел им думать об Иисусе. Представляете? – Элла горько усмехнулась. – Я мало знаю про вашего Иисуса, но даже мне известно, что он был мужчиной и не зачал ни одного ребенка.

– Прежде чем начать работать у Гиффорда, я слышала о нем исключительно хвалебные отзывы. Его называли святым. У него ведь есть второй кабинет на Харли-стрит. Мне говорили, что деньгами от той практики он покрывает расходы на лечение бедняков, которых принимает на Варден-стрит.

– Ой, я вас умоляю! Я веду бухгалтерию по обоим кабинетам и могу сказать, практика в Уайтчепеле приносит ему больше денег, чем он получает на Харли-стрит. Пятьдесят-шестьдесят человек в день, по десять минут на каждого... А теперь еще и вы ему помогаете.

– Я не могу дальше с ним работать. Просто не могу, – сказала Индия.

– Не заводите опять эту шарманку, – предупредила Элла. – Вы нужны Уайтчепелу!

Они перешли улицу напротив синагоги. Оттуда были слышны молитвы. Индия поняла, что попала в еврейскую часть Уайтчепела: лабиринт улиц, улочек и тупиков, разбросанных к северу и югу от Хай-стрит. Западной границей квартала служил Олдгейт, а восточной – еврейское кладбище.

Невзирая на ранний час, еще не было и шести часов утра, улицы были полны народа. Портные несли на плечах рулоны тканей и готовую одежду. В полотняных сумках столяров

позвякивали рубанки и стамески. Разносчики пекарен тащили корзины с черным хлебом. У входа на узкий двор, служивший бойней скота, *шохет*⁶ точил нож.

Фургоны с еврейскими надписями на стенках развозили разные товары и уголь. Доски объявлений сообщали о грядущем выступлении известного русского анархиста князя Кропоткина, о собрании польских социалистов и об услугах свахи.

И такое разнообразие языков. Индия еще не слышала, чтобы на одной лондонской улице говорили на стольких языках. Какая-то женщина окликнула Эллу с крыльца. Элла ей ответила.

– Это русский язык? – спросила Индия.

– Да. Моя семья из Санкт-Петербурга.

Ей махнула другая женщина. Элла снова ответила.

– А это польский. Я его немного знаю. Здесь вы услышите румынский, голландский, немецкий и литовский. Есть говорящие на бессарабском и украинском. Коренных англичан здесь нет. Каждый откуда-нибудь приехал. Дети почти все говорят по-английски. Из их родителей – только часть. А из поколения бабушек-дедушек – никто.

– Боже мой! Как же тогда эти люди друг друга понимают?

– Идиш выручает.

– В каких странах говорят на идише? – спросила удивленная Индия.

– Во всех.

– Как такое возможно? И почему все понимают этот язык? Откуда он происходит?

– Идиш? – со смехом переспросила Элла. – Он происходит из сердца.

Она остановилась возле скромного кирпичного дома.

– Вот мы и пришли. Предлагаю поесть. Я так с голоду умираю.

Индия заметила сверкающие окна и новенькую вывеску, на которой было выведено: «Ресторан Москковица. Полноценная кошерная еда». Маленький ресторан был переполнен. Рабочие со складов и мастерских сидели бок о бок с фабричными работницами. У прилавка в три ряда стояла очередь домохозяек, покупавших к завтраку бублики и куличи. Возле самовара сидели бородатые старики, попивая крепкий сладкий чай. Их скрюченные пальцы сжимали набалдашники палок. То здесь, то там взгляд Индии натывался на недавних иммигрантов. Они жевали булочки с маслом, жадно всматриваясь в новую жизнь, однако неуверенности в глазах было больше, чем восторга. Яркие разноцветные платки женщин делали их похожими на попугаев.

Элла нашла два места за столом и отправилась искать свою мать. Индия села, поставив докторский саквояж под стул. Принесли чайник. Она налила себе чашку, выпила без молока и сахара, после чего закрыла глаза. Она вполне могла спать сидя, не обращая внимания на шум.

Ночь они с Эллой провели без сна. Роды, которые им пришлось принимать, оказались затяжными и тяжелыми. Мальчишка привел их в Доланс-Рентс – скопище обветшалых домов на Дорсет-стрит. Это была одна из самых бедных улиц Уайтчепела. Потуги миссис Стокс продолжались более двадцати часов. К приходу Индии и Эллы состояние роженицы и ребенка было весьма плачевным.

В промежутках между схватками миссис Стокс всхлипывала, а во время схваток громко кричала. Пока Элла раскладывала инструменты, Индия торопливо сняла жакет, повязала фартук и засучила рукава.

Где находился муж миссис Стокс, никто не знал. Трое ее малолетних детей испуганно сгруппировались в углу.

– У вас есть горячая вода? – спросила Индия.

Старший кивнул, указав на плиту и чайник.

– Вылей воду в таз и принеси мне мыло, – попросила Индия.

⁶ Резник (*идиш*).

Тщательно вымыв руки, она приступила к осмотру роженицы.

– Я посылала за доктором, – прохрипела миссис Стокс. – Не надо мне акушерки. В прошлый раз по милости акушерки я чуть не умерла.

– Я и есть доктор, миссис Стокс, – ответила Индия.

Она начала осмотр, попросив женщину свести ноги вместе и опустить колени. Индия говорила негромко, стараясь ободрить и успокоить роженицу. Одну руку Индия положила на живот, а другую протолкнула в лоно, стараясь нащупать шейку матки и застрявшего ребенка.

– Полтора дюйма. Тазовое предлежание, – сказала она Элле, затем, прослушав сердцебиение ребенка, добавила: – Случайные флуктуации. Возможно сдавливание пуповины. Таз сужен.

Элла кивнула, поняв эту словесную стенографию. Тазовые кости миссис Стокс почти не расширились. Ребенок пытался выйти лицом вверх. Задняя часть его черепа давила матери на позвоночник, усугубляя и без того болезненный процесс. Маленькое сердце билось неровно; возможно, из-за пережатия пуповины. К тому же, как предполагала Индия, кости таза у миссис Стокс были деформированы. Обычно женщины из бедных слоев страдали рахитом – болезнью, вызванной недоеданием. Рахит вызывал деформацию костей, что приводило к осложнениям во время родов.

Когда Индия завершила осмотр, Элла уже приготовила акушерские щипцы, зажимы, марлю, иглы, катушку с хирургической нитью, карболку и хлороформ. Оставалось достать из докторского саквояжа последний инструмент – кефалотриб.

Взглянув на него, Индия покачала головой. Этот похожий на щипцы инструмент применялся лишь в исключительных случаях, когда уже не оставалось надежд извлечь ребенка из материнского чрева и нужно было спасти жизнь матери. Мощные широкие пластины щипцов умерщвляли младенца, раздавливая ему череп, после чего мертвого ребенка вытаскивали наружу. По правилам кефалотриб должен был находиться в саквояже Индии, но ее воротило от одного вида этого пыточного орудия. Применить его могли только откровенные палачи, какими иногда и оказывались пьяные, некомпетентные акушеры.

– Уберите обратно, – попросила она Эллу. – Я ни разу не брала в руки эту жуть. Надеюсь и сегодня обойтись без нее.

– Вы уверены? Доктор Гиффорд всегда требует полной подготовленности.

– Сейчас этой женщиной занимается не доктор Гиффорд, а я.

Гиффорд категорически запретил им брать хлороформ, но у Индии был свой пузырек. Пусть и немного, но она рассчитывала снять у миссис Стокс боли. Тогда роженица прекратит кричать и начнет дышать. Схватки окажут необходимое действие: матка расширится и распрямится, связки и деформированные кости немного раздвинутся, и это позволит Индии вытащить младенца живым.

Элла смочила марлю хлороформом, капнув чуть-чуть, словно жидкость ценилась на вес золота, затем поднесла марлю ко рту и носу миссис Стокс. Страдающая женщина схватила ее руку и облегченно заплакала. Индия мысленно обругала Гиффорда.

Когда лекарство начало действовать и миссис Стокс успокоилась, Индия с Эллой усадили ее на край кровати. Индия слышала от опытных акушерок, что сидячее положение, при котором женщина упирается спиной в стену, или хождение по комнате ускоряли роды. За годы учебы Индия старалась найти таких женщин и внимательно прислушивалась к их советам. Акушерки – многих из них правильнее было называть повитухами – учили ее делать роженицам массаж, рассказывали о благотворном действии лекарственных трав. Они же советовали ей не мешать роженицам кричать. Если хотят – пусть воют. Это тоже облегчало роды.

Индия и Элла провели с миссис Стокс всю долгую ночь. Водили по комнате, когда ей позволяли силы, а когда силы кончались, помогали снова лечь, выслушивая ее сетования впере-мешку со слезами. Они массировали ей виски, руки и ноги, прикладывали горячие компрессы,

поили мятным и имбирным чаем, давали касторовое масло и растягивали скудный запас хло-роформа.

Время тянулось еле-еле. Миссис Стокс ненадолго уснула. Индия с Эллой едва стояли на ногах. Обе были голодны. Элла вспомнила, что захватила остатки дневного обеда. Она развернула бумагу. Обе обрадовались хоть какой-то еде, пока не услышали сопение из угла, где спали дети. Самая младшая проснулась и жадно смотрела на еду. Элла перехватила ее взгляд, кивнула Индии и понесла их скудную трапезу голодному ребенку.

– А моя мамочка умрет? – спросила девчушка, быстро проглотив все, что было. – Я этого боюсь. Отец нас бьет. Мама всегда нас защищает, а он называет нас маленькими ублюдками и кричит, что мы не его дети. Мисс, это правда? Я маленький ублюдок?

Индия даже задохнулась от такого вопроса.

– Нет, дорогая. Ни в коем случае. Ты красивая. Очень красивая. А ты слышала историю?

– Какую?

– Есть чудесная сказка про гадкого утенка. Так его называли все вокруг. Утенка постоянно дразнили, отчего он был очень грустным. Но потом с ним случилось чудо. Когда мне было столько, сколько тебе, я очень любила эту сказку. Хочешь, я тебе ее расскажу?

– Очень хочу!

Индия усадила девчушку на колени и стала рассказывать сказку про гадкого утенка. Под конец сказки, когда гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя, глаза девочки радостно сияли.

Индия любила эту сказку не только за красоту сюжета. Когда-то она сама была таким же утенком. Ей вспомнилось, как в пять лет, найдя гнездо дрозда, она помчалась по лужайке, торопясь показать находку отцу. Отец тогда вырвал гнездо у нее из рук и отругал за то, что она собирает разную грязь. В десять у нее впервые появились очки, которые Мод назвала гадкими. В шестнадцать мать заявила ей, что красотой она не блещет и никогда блистать не будет, а потому должна учиться искусству очаровывать мужчин. Слишком редко Индия по-настоящему ощущала себя лебедем, и слишком мало было таких мест. Детская, где няня Ходжи рассказывала ей сказки и истории. Потом вечера с Хью, когда он обнимал ее в темноте и называл красавицей. И наконец, медицинская школа.

Дочка миссис Стокс поцеловала Индию в щеку и поблагодарила за сказку.

– Интересно, а как это? – сонно спросила она.

Индия отнесла ее на грудь тряпья, служащего детям постелью.

– Ты о чем спрашиваешь?

– Как это – быть лебедем?

Индия задумалась над ответом, но малышка уже заснула. Индия смотрела на ребенка, а сердце сжималось от болезненного желания рассказать о том, что не поддавалось словесному выражению.

– Индия, наша пациентка готова тужиться, – сообщила Элла.

Миссис Стокс вновь лежала на кровати, тяжело дыша и напрягаясь.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Индия.

Она отошла от детей, свернула старое одеяло, дырявую простыню, добавила свой пыльник и подложила импровизированную подушку под спину миссис Стокс. Других подушек в доме не было.

– Миссис Стокс, а теперь подайтесь вперед. Изогните спину. Так. Упритесь подбородком в грудь и возьмите себя за бедра.

Миссис Стокс покачала головой.

– Не могу, – всхлипнула она. – Только не это. Не могу. В прошлый раз я думала, меня разорвет.

Индия видела шрамы.

– Мы этого не позволим. Мы все сделаем медленно, и вы отлично справитесь.

Миссис Стокс старалась заглянуть ей в глаза. Индия поняла: женщина ей не верит.

– Верьте мне. И помогайте. Когда я скажу тужиться, тужьтесь изо всех сил. Считайте про себя до десяти. Затем отдых. Понятно? – (Миссис Стокс кивнула.) – Отлично. Вдохните поглубже и... тужьтесь!

Почти два часа миссис Стокс тужилась. Индия с Эллой держали ее за ноги и подбадривали. Она обливалась потом, кричала, шумно дышала и после каждой схватки заявляла, что больше не может тужиться. Но потом Элла вытирала ей лицо, Индия убеждала поднапрячься еще немного, и миссис Стокс тужилась снова.

В половине пятого утра наконец-то показалась головка ребенка.

– Теперь уже точно недолго. Давайте, миссис Стокс. Вдохните... Почти вышел... – сказала Индия, осторожно берясь за младенческую голову.

Когда голова вышла полностью, миссис Стокс откинулась на импровизированную подушку и облегченно засмеялась.

Однако Индии было не до смеха. Пуповина обмоталась вокруг шеи младенца, отчего его личико посинело.

– Элла, пережмите пуповину, – распорядилась Индия.

Элла быстро зажала в двух местах подрагивающий шнур пуповины. Индия перерезала пуповину в пространстве между зажимами и освободила шею ребенка, затем вытащила и самого новорожденного. Мальчик. Он не шевелился.

– Давай, голубчик, дыши, – прошептала Индия, укладывая ребенка на кровать.

Пальцем она очистила ему рот и подергала за нос. Когда это не помогло, Индия подняла младенца и, левой рукой поддерживая его спину, правой взялась за ножки. Она осторожно согнула ему спину, заставив поднять грудь, чтобы внутренние органы опустили диафрагму и наполнили легкие воздухом. Затем также осторожно согнула его тельце в противоположном направлении, подтянув коленки к лицу и заставив принудительно выдохнуть. Ребенок не выказывал интереса к жизни. Чувствовалось, едва появившись, он был не прочь покинуть этот мир. Индия ему этого не позволила. Он был и ее ребенком. На протяжении долгой, изнурительной ночи она уговаривала его выйти на свет и не собиралась позволять ему ускользнуть в смерть. Еще два принудительных вдоха-выдоха, и снова никаких результатов. Еще три и... Каким-то чудом ребенок дернулся всем телом, заверещал, а потом и завопил. Индия слышала, как облегченно всхлипнула мать. Миссис Стокс и ее сыну досталось. Они оба безумно устали. Но они оба были живы.

Вот это как, подумала Индия, заворачивая ребенка в марлю и на мгновение прижимая к себе.

Она посмотрела на детей. Те крепко спали. Жаль, что девчушка сейчас не бодрствует. Тогда бы Индия дала ей поддержать новорожденного братишку и сказала, что примерно то же ощущает гадкий утенок, превратившись в лебедя...

– Хватит дрыхнуть, доктор!

Индия открыла глаза. Элла вернулась, принесла тарелку с жареным хлебом и вазочку с джемом, и села напротив.

– Ну и ночь была. Врагу не пожелаешь, – зевнула медсестра. – Самое смешное, что через девять месяцев мы снова окажемся в том доме.

– Тогда нам придется захватить с собой прозектора, – мрачно ответила Индия, вспомнив прощальный разговор с матерью новорожденного.

– Миссис Стокс, вам ни в коем случае нельзя больше рожать. Вы должны прекратить интимные отношения с мужем.

– Каким это образом? – оторопела миссис Стокс.

– Объясните ему, что новая беременность вас погубит, и скажите «нет».

Миссис Стокс посмотрела на нее как на сумасшедшую:

– Миссус, а вы пробовали сказать «нет» каменщику, который весит пятнадцать стоунов?

Элла пришла ей на помощь, посоветовав миссис Стокс воспользоваться половинкой выжатого лимона или небольшой губкой, смоченной в уксусе. Оказалось, женщина пробовала и то и другое. А чем закончилось? Беременностью. Тогда Индия предложила ей поискать в аптеках противозачаточные колпачки. Миссис Стокс лишь покачала головой:

– Сразу видно, вы не из наших мест. Ну, найду я такого аптекаря. А вы знаете, сколько они стоят? Мне они не по карману. И никому из здешних. Одна такая штучка-дрючка стоит два шиллинга и три пенса.

Индия растерянно смотрела на бедную женщину. На младенца, требующего молока, которое истощенный организм его матери мог выработать намного меньше, чем требовалось. Она смотрела на проснувшихся детей, во все глаза разглядывавших новорожденного брата, и понимала: нужно найти способ помочь миссис Стокс. Но как?

– Элла, мы должны что-то сделать для нее, – сказала Индия, подливая себе чая. – Просто обязаны.

– Согласна. Но что?

– Снабдить противозачаточными средствами, – сделав несколько глотков, ответила Индия.

– Я вам уже говорила: это очень опасная затея.

– Но я последовала вашему совету.

– Моему?

– Да. Вашему. Вчера вы посоветовали мне... оставить моральные принципы дома и просто помогать людям. Помните?

Элла покачала головой:

– Не очень-то обращайтесь внимание на мои слова. У меня язык без костей.

– Но ваши слова врезались мне в память. Заставили задуматься.

– Это ж надо!

– Да. Я думала о миссис Стокс и таких, как она. О том, что видела и слышала, пока училась в медицинской школе. Нам показывали младенцев, которых задушили собственные матери, обезумев от постоянного крика. В морге я видела тело девочки-подростка. Узнав о беременности, отец забил ее до смерти. А сколько женщин превратились в развалин из-за нескончаемых беременностей!

– Ой, дорогуша, вы прямо как луч солнца на хмуром утреннем небе.

– Элла, мы должны что-то сделать. С чего-то начать.

– Но я могу хотя бы позавтракать? Тяжело спасать мир на голодное брюхо.

– Элла, я вполне серьезно.

– И я тоже, Индия. Ну что мы можем сделать вдвоем? Ничего.

– Кое-что можем.

– И что же?

– Оказывать бесплатную медицинскую помощь женщинам и детям Уайтчепела.

Элла чуть не подавилась ломтиком жареного хлеба.

– Всего-навсего? А я-то думала, это будет сложно.

Серые глаза Индии буравили Эллу. Она была знакома с медсестрой менее суток, но чувствовала родственную душу. Возможно, причиной была доброта Эллы, которую Индия видела в темных глазах этой женщины, теплых и таких не похожих на ее собственные. Может, их сблизил новая жизнь, которой они вместе помогли прийти в этот мир. Возможно, причина была в чрезмерной усталости, но Индия почему-то чувствовала, что может рассказать Элле все.

– Элла, я хочу открыть больницу. Для бедных. Лечить нуждающихся... и не только. Я замахиваюсь на большее. Вы знаете, что лучший вид медицины – превентивная, а не лечеб-

ная. Если мы охватим своим вниманием детей, пока они еще очень малы, а лучше – пока они еще находятся в утробе матери, то сможем разорвать порочный круг. С утробы надо и начинать. Заботиться о здоровье беременных женщин и новорожденных, обучать молодых матерей принципам личной гигиены и рационального питания. Помогать им ограничивать численность семьи...

Индия так увлеклась перспективами, что не заметила, как Элла, перестав есть, достала из сумки книжечку и подвинула ей. То была книга, написанная Флоренс Найтингейл: «Вводные заметки об устройстве родильных домов».

– Эту книгу я знаю наизусть! – воскликнула Индия, ее глаза вспыхнули. – Я особенно поддерживаю утверждение мисс Найтингейл, что на каждую пациентку родильного дома должно приходиться две тысячи триста кубических футов пространства плюс одно окно.

– Когда мне не спится, я лежу и мечтаю: вот бы стать сестрой-распорядительницей в таком родильном доме. Чистом, современном, с новой системой водопровода и канализации, – призналась Элла.

– Добавим к этому качественную санитарию, надлежащую вентиляцию и стерилизацию постельного белья, – подхватила Индия.

– А также полноценное питание и свежее молоко.

– И достаточный штат патронажных сестер. Хорошо подготовленных, чтобы все матери и дети, выписанные из родильного дома, находились под постоянным наблюдением.

– В больнице должно быть отделение женских болезней. И такое же детское.

– Современная операционная, где соблюдаются требования Листера относительно антисептики.

– Операционная, черт побери! – вздохнула Элла, приваливаясь к спинке стула. – Честолюбивые у вас замыслы.

– Возможно, – согласилась Индия. – Может, с операционной придется подождать. Начинать все равно придется с небольшой больницы.

– Даже небольшая больница стоит кучу денег, – заметила Элла. – Они у вас есть?

– Да. Я организовала фонд.

– И сколько же в нем? – деловито спросила Элла.

– Пятьдесят фунтов. Премияльные, которые я получила на выпускной церемонии.

– И только? – разочарованно протянула Элла. – С такими деньгами даже фруктовый лоток не откроешь.

– Я собираюсь регулярно делать отчисления от своего жалованья.

– Вы пока еще ничего не заработали!

– Заработаю. Элла, я хочу это осуществить. Я намерена попробовать.

Элла закатила глаза, но ответить ей помешало появление матери. Та подлетела к столу с двумя порциями яичницы, подрумяненного картофеля и печеными яблоками. Шумно поставив все это на стол, она порывисто обняла дочь и поцеловала в лоб.

Столь эмоциональное поведение было бы простительно, если бы мать и дочь встретились после десятилетней разлуки. Но Индия чувствовала, что миссис Московиц устраивает Элле такую встречу каждый день. Индия стыдливо отвернулась. Она не помнила, чтобы мать или отец когда-нибудь целовали ее так. Правда, в раннем детстве ей позволялось целовать мать в щеку, но только если она пообещает не помять материнское платье.

Миссис Московиц присела к столу. Элла познакомила ее с Индией. Мать взглянула на Индию, затем на дочь и спросила:

– А что у вас обеих такие вытянутые физиономии?

Элла рассказала, что у них с Индией нашлась общая мечта – открыть больницу. Но пока дальше мечтаний они не двинулись.

Мать цокнула языком:

– Чем хандрить, возьмитесь за дело. Начните с малого. Как известно, Бог помогает тем...

– Ох, мамэлэ!⁷

– ...кто сам себе помогает, – закончила она, погрозив дочери пальцем. – И без «ох, мамэлэ», Элла. Ты же знаешь, что я права. Эй, мистер Москович! – крикнула она, махнув мужу. – Ты в подвал собрался? Дорогуша, принеси мне яиц.

Ее муж, поглощенный беседой, сидел у самовара и не собирался ни в какой подвал, а потому посмотрел в ее сторону и удивленно заморгал.

– Три дюжины.

Мистер Москович вздохнул и поднялся со стула.

Миссис Москович обернулась назад и прищурилась, увидев двоих парней за столом.

– Янки, Арон, почему вы еще здесь?

– Мама, ты спрашиваешь в философском смысле?

– Не строй из себя умника, господин учащийся ешивы, которому мамочка до сих пор хлеб маслом намазывает. Доедай и иди, не то опоздаешь. Арон, а ты подойди сюда. Когда ты в последний раз мылся? В твоих ушах картошку можно выращивать.

– Мама!

– Иди и вымой уши! – Она снова повернулась к дочери и Индии. – От маленьких детей головная боль, от взрослых – сердечная. А у вас, доктор Джонс, есть свои малыши?

– Зовите меня просто Индией. Детей у меня нет. Я не замужем.

– Ах! Не понимаю я этих нынешних девиц. Ну скажите, почему вы с моей дочерью влипли в эту жуткую врачебную работу вместо замужества? Как вы найдете себе мужей? Вы только посмотрите на себя. Бледные, усталые, круги под глазами. Какой мужчина захочет просыпаться, видя рядом такое лицо? Приукрасили бы себя, духами побрызгались. Разве это плохо?

Она пощипала щеки Индии, чтобы вызвать румянец.

– *Эйне шэйнэ мэйдл!*⁸ – улыбнулась миссис Москович и тут же снова нахмурилась. – А вот прическу вам нужно изменить.

– Мама, *генуг!*⁹ – сказала Элла.

Вошел посыльный. Миссис Москович вскочила, отчитала его за позднее возвращение и заняла прежнее место за кассовым аппаратом.

– Индия, не обращайтесь внимания. Мою мамочку хлебом не корми – дай сунуть нос в чужие дела.

– У вас чудесная мать, – засмеялась Индия. – И она права.

– Насчет чего? Вашей прически?

– И в этом тоже. Но я имела в виду начало дел. Пусть даже скромное.

– С чего предлагаете начать?

– Можно начать с помощи миссис Стокс. Мы наведем справки о приобретении надежных и доступных противозачаточных средств для нее и таких, как она. Должен же найтись в Лондоне какой-то аптекарь, врач, поставщик, не заламывающий цены. Мы найдем такого и сообщим ей.

– Но действовать надо очень осторожно.

Индия кивнула. Противозачаточные средства не были запрещены. Врачи относительно свободно прописывали их для женщин из средних и высших слоев. Но часть общества была настроена решительно против. И не только священники. Находились политики и газетчики, считавшие подобные средства аморальными. Они гневно клеймили всех, кто выступал за право

⁷ Ох, мамочка! (*идиш*)

⁸ Какая красивая девушка! (*идиш*)

⁹ Хватит! (*идиш*)

женщин предохраняться от нежелательной беременности. Консервативные настроения были все еще сильны. Индия знала о случаях, когда за одну только публикацию брошюр о противозачаточных средствах людей чернили, отправляли в тюрьму и даже отбирали детей.

– Мы будем действовать осторожно, – сказала Индия.

– Тогда ваше предложение, доктор Джонс, принимается, – весело ответила Элла. – Сегодня мы спасем миссис Стокс от новой беременности. Завтра построим новенькую, сверкающую больницу для женщин Уайтчепела.

– По рукам.

Они чокнулись чашками и принялись за еду. Элла настаивала, чтобы Индия съела все до крошки, поскольку ей понадобятся силы. Число записавшихся на прием сегодня еще больше, чем вчера. Затем напомнила, что на Индию возложены еще и вечерние обходы в больнице.

Индия не знала, как доживет до полудня, не говоря уже о вечере. Взглянув на Эллу, она увидела, что и та находится в таком же состоянии. Ничего, они обе проживут этот день. Индия улыбнулась. Ей было радостно сознавать, что у нее появилась подруга.

Мир она пока не изменила, но неожиданно для себя обрела подругу.

Глава 8

Где бы ни проходил Фредди Литтон, ему всегда смотрели вслед. И сейчас, когда он размашисто шагал под дождем по Беркли-сквер в Мейфэре, женщины в возрасте от пятнадцати лет и до пятидесяти поворачивали голову в его сторону. Их привлекала густая грива золотистых волос, скульптурный подбородок и глаза бледно-янтарного цвета. Высокий, худощавый, гибкий, Фредди был воплощением безмятежного обаяния патрициев. И хотя он делал вид, будто ничего не замечает, но ловил каждый женский взгляд. Взгляды свидетельствовали об интересе, а интерес приносил пользу как в бальных залах и спальнях, так и возле урн для голосования. Женщины не имели избирательных прав – и слава Богу! – но зачастую могли оказывать влияние на мужей, наделенных этим правом.

Фредди увернулся от проезжающей кареты, изящно обошел детскую коляску и направился к ступеням крыльца дома номер 45 – большого городского особняка, построенного Адамом. Там его приветствовал дворецкий, который провел Фредди через анфиладу просторных комнат с роскошным убранством и множеством уникальных старинных вещей. Он знал, что все они достались леди Изабелле по наследству от родителей. Со стороны ее мужа здесь не было ничего. Лорд Бернли был никем. Уэльский угольный барон, которому посчастливилось стать богаче Господа Бога. Изабелла происходила из рода Одли, и ее родословная прослеживалась вплоть до династии де Клеров и Вильгельма-Завоевателя.

Родословная самого Фредди простиралась почти столь же далеко, что уже создавало ему весомую репутацию в глазах Изабеллы. Ричард Литтон, первый граф Бингэм, получил дворянство в конце XIII века, во времена правления Эдуарда I, завоевал королю Уэльс, а затем повел свои войска на север, чтобы сокрушить Уильяма Уоллеса. Нападение Ричарда Литтона на Фолкерк отличалось поразительной жестокостью. Уоллес окрестил его Красным Графом и сказал, что во всех океанах не хватит воды, чтобы смыть кровь с рук этого захватчика. В семейной галерее Лонгмарша был портрет Ричарда Литтона. Светловолосый, обаятельный, с янтарными глазами, Красный Граф выглядел точно так же, как покойный отец Фредди и сам Фредди. Теперь портрет висел у Фредди в квартире. Мать потребовала, чтобы он забрал полотно, сам вид которого вызывал у нее ненависть.

Проходя через столовую Изабеллы, Фредди завистливо поглядывал на портрет кисти Гольбейна, стол работы Чиппендейла и парные вазы эпохи династии Тан. Какая удивительная коллекция, какой блистательный дом и как выгодно было бы молодому парламентария завладеть всем этим. Его семья не могла похвастаться таким обилием замечательных вещей. Слиш-

ком многое продали, чтобы расплатиться с долгами. Что касается домов, Литтоны владели приземистым кирпичным монстром на Карлтон-террас в Эдинбурге, родовым гнездом Лонгмарш и обветшалым поместьем в Котсуолде. Последние два принадлежали брату Фредди.

При мысли о Бингэме улыбка сразу покидала обаятельное лицо молодого Литтона, как сходит тонкий слой позолоты, обнажая металлическую основу. И тогда на поверхности появлялось иное, куда более угрюмое выражение. Как же я устал стоять в тени других! – с горечью подумал он. Фредди быстро совладал с собой, и в гостиную Изабеллы уже входил, улыбаясь как ни в чем не бывало.

– Миледи, к вам достопочтенный сэр Фредерик Литтон, – доложил дворецкий, открыв двери гостиной.

– Фредди, дорогой,ходи.

Его будущая теща сидела у камина. В платье из серого шелкового фая, украшенная жемчугами, она выглядела очень внушительно. Ледяной оттенок ткани сочетался с цветом ее глаз. Хозяйки других богатых лондонских домов давным-давно отказались от официальных дневных нарядов, предпочитая более свободные и удобные платья для полуофициальных приемов. Но только не Изабелла. В корсете родилась, в корсете и умрет, подумал Фредди. Женщина сидела, держа спину безукоризненно прямой. Глядя на Изабеллу, он вдруг понял, что за все годы ни разу не видел ее развалившейся в кресле или на диване.

– Добрый день, Изабелла, – произнес Фредди, наклонился, поцеловал ей руку и улыбнулся.

– Какое удовольствие видеть тебя, Фредди. Как любезно с твоей стороны выкроить время в череде твоих политических дел и навестить меня.

Можно подумать, у меня был выбор, хмуро подумал Фредди.

Приглашение на чай он получил с утренней почтой. Хотя и составленное в учтивых выражениях, оно воспринималось как приказ. Должно быть, Изабелла узнала, что Индия окончила медицинскую школу и стала практикующим врачом. Письмо сразу испортило ему настроение. Наверное, судьбе показалось этого мало. С той же почтой он получил второе письмо – от хорошенькой Джеммы Дин. Она написала, что между ними все кончено. Джемма разозлилась на Фредди за то, что он никогда не выполняет своих обещаний. А ведь он собирался провести с ней выходные. Он даже купил ей подарок: те самые часы, которые пришлось отдать Индии. В тот день он уже выскочил из дома, мечтая о двух сутках постельных развлечений с Джеммой, и вдруг нелегкая принесла этого идиота Уиша, который все испортил. Фредди не оставалось иного, как поехать с ним на выпускную церемонию, делая вид, будто он решил сделать Индии сюрприз. Письмо Джеммы изобиловало упреками. Она хотела выйти замуж за Фредди и злилась на его нежелание на ней жениться. Размечталась! Чтобы мужчина из рода Литтонов женился на девице из Восточного Лондона. Это все равно что сравнить чистопородного жеребца Дарли-Араба с ломовой кобылой. В конце Джемма писала, что уже нашла себе другого и тот на ней женится.

– Как твоя политическая жизнь, Фредди? Солсбери простил тебе переход в другой лагерь? – спросила Изабелла.

Это была прелюдия перед основным разговором. Изабелла распорядилась подать угощение. Учитывая болтовня продлится, пока оно не будет подано. И ни минутой дольше.

– Он вновь со мной разговаривает, – ответил Фредди. – Полагаю, это уже что-то значит.

– Я бы так не поступила. Ты совершил ужасный проступок. Прямое предательство.

– Нет, Изабелла. Это была заявка на выживание. Мое. Ваше. Всего правящего класса.

Два года назад, едва став парламентским представителем от Тауэр-Хамлетс, Фредди ошеломил политический мир, переметнувшись от консерваторов к либералам. Он объяснял это желанием заставить правительство уделять больше внимания нуждам бедняков. В действительности его дезертирство не имело ничего общего с политикой и целиком касалось личных целей.

Будучи умным и проницательным политическим животным, Фредди почуял, куда дует ветер, и определил, на каком направлении его ждут преимущества. Вскоре либералы будут управлять Англией, а он – управлять ими.

– Дорогой, наверное, я чего-то не понимаю. Ты повернулся спиной к своей партии и самому премьер-министру. Каким образом это обеспечит нам выживание?

– Солсбери недолго ходить в премьер-министрах. Он стоит у руля с восемьдесят пятого года. Почти шестнадцать лет. За это время либералы постоянно его атаковали и дважды одержали победу.

Изабелла отмахнулась от слов Фредди.

– Получив премьерство, они не смогли удержаться у власти. Всего год в первый раз, два во второй.

– Да, в восемьдесят шестом и девяносто втором им не повезло. Но тогда Солсбери был крепче. Он сдает, стареет. Он политик ушедшей эпохи. Еще год назад он был готов уйти с поста, и ушел бы, не разразись Англо-бурская война. Как только мы одержим победу, он уйдет.

– А пост премьер-министра займет его племянник. Еще один тори. Как тебе такой вариант, Фредди?

– Артур Бальфур долго не продержится. Это ясно как божий день. Эпоха тори закончилась. Времена меняются. Страна меняется. Новые голоса заявляют о себе. Радикалы, социалисты, суфражистки...

– Сплошь ужасные люди. По мне, так лучше бы они сгинули.

– Согласен, но они не сгинут. И как бы они себя ни называли, все они хотят одного – нового порядка. Тори их не слушают, а либералы прислушиваются. Либералы понимают: настало время, когда правящему классу нужно поделиться малой частью власти.

– Фредди, и ты считаешь это справедливым? – язвительно спросила Изабелла. – Ты считаешь, что мой разносчик молока и мой трубочист, люди, которые не умеют должным образом говорить по-английски, читают по складам и едва могут расписаться, эти люди должны править Англией? Они, а не те, кто родился в семьях с давними политическими традициями, кого обучали и готовили для работы в правительстве? И ты хочешь сказать, что это правильно?

– Боюсь, это не имеет никакого отношения к таким понятиям, как «правильно» и «неправильно», зато целиком связано с необходимостью, – ответил Фредди. – Смотрите, что творится на континенте. Сплошные забастовки и демонстрации. Анархисты бросают бомбы и убивают представителей власти. Они хотят вообще отменить собственность и уничтожить общественный порядок. Мы не можем позволить, чтобы нечто подобное происходило и у нас. Мы должны предотвратить заразу анархизма. Мы должны дать рабочим крохи, и побыстрее, пока они не поднялись и не забрали весь пирог.

Изабелла повернулась к окну. Разговор заметно опечалил ее.

– Белую сирень нужно подрезать, – после некоторого молчания сказала она. – Разрослась до неприличия.

Вот и конец дебатам, подумал Фредди. Поведение Изабеллы было типичным для ее поколения. То, чего они не видели или не желали видеть, попросту не существовало. Движение за независимость в Ирландии, война в Южной Африке, упрямые профсоюзы... Фредди видел зловещую взаимосвязь этих событий. Все они были признаками надвигающейся бури, угрожавшей потрясти основы Британской империи. Изабелла же считала их мелкими помехами, которые можно устранить силами колониальных войск и местной полиции.

Пока говорили о ее саде, ударил гром. Фредди выглянул в окно. Дождь барабанил по окнам. По небу неслись летние дождевые тучи. И вдруг на мгновение он увидел другое окно и услышал другой голос. Он снова был мальчишкой, сидящим в Лонгмарше, в бабушкиной комнате. Играла бабушкина музыкальная шкатулка. Шопен. Прелюдия «Капли дождя». Этой

музыкой она заглушала брань и крики отца, который снова напился. Бинг и Дафна лежали на бабушкиной кровати и плакали. Мать сидела на диванчике у окна. У нее была сломана рука.

Бинг снова оставил свой велосипед на лужайке. Там его и нашел отец. Велосипед успел изрядно промокнуть под дождем. Отец схватил медную кочергу и погнался за Бингом, собираясь отлупить за беспечность. Мать загородила сына собой и приняла все удары мужа на себя.

Отец остановился лишь тогда, когда она потеряла сознание. Он поплелся к себе в кабинет, чтобы напиться еще сильнее. К этому времени из сада вернулась бабушка Фредди. Она собрала всю семью в своей комнате, заперев дверь изнутри.

– Кэролайн, ты должна действовать, – сказала бабушка, вытирая кровь с лица матери. – Ты должна оставить его. Немедленно. Сегодня он тебя чуть не убил.

– Я пробовала. Ты это знаешь. Он угрожает мне разводом. Он говорит, что любой суд оставит детей с ним и я никогда их не увижу. Кто тогда их защитит?

Бабушка прошла к туалетному столику – поискать какую-нибудь мазь. По пути ее взгляд упал на Фредди, и она увидела, что, в отличие от брата и сестры, он не плачет, а внимательно смотрит и слушает.

– Ложись, мой мальчик, – сказала она внуку. – Постарайся уснуть.

– Бабушка, что нам делать? – спросил Фредди.

– Сама хотела бы знать. Нас здесь две женщины и трое детей. Мы бессильны против него. Фредди не хотел быть бессильным. В свои десять лет он заявил бабушке, что станет сильным.

– Бабушка, я обещаю, – с недетской серьезностью произнес он.

Свое обещание он выполнил. Фредди всегда выполнял то, что обещал.

– Опять-таки, Фредди, – сказала Изабелла, вытаскивая его из прошлого. – Зачем я нанимала Гертруду Джекилл и поручала ей устройство цветочного бордюра, когда большая часть дома пустует?

Служанка подала чай с канапе и печеньем. Фредди знал: сейчас начнется другая дискуссия, куда менее приятная, чем необходимость устройства цветочного бордюра. Он внутренне приготовился. Служанка ушла, плотно закрыв двери. Он остался наедине с Изабеллой.

– Я не привыкла, чтобы дом пустовал. Он всегда был полон жизни. Здесь устраивались вечеринки, званые обеды и балы. Мы проводили здесь весь лондонский сезон. Здесь мои дочери впервые были представлены свету. Ты помнишь?

– Еще бы не помнить!

– Конечно, ты должен помнить, – подхватила Изабелла, остановив на нем взгляд ледяных глаз. – Расскажи, чем нынче занимается Индия.

Фредди решил не подслащивать пилюлю.

– Неделю назад она окончила медицинскую школу, получила диплом врача и теперь работает у доктора Эдвина Гиффорда в его кабинете в Уайтчепеле.

Изабелла с усилием проглотила ком в горле. Когда она заговорила снова, ее голос дрожал от гнева.

– Это ты виноват. Как ты мог это допустить? Тебе нужно было давным-давно на ней жениться. Как муж, ты имел бы право запретить ей работать.

Внутри Фредди вспыхнуло раздражение, которое он тут же обуздал.

– Моей вины в этом нет. Индия отказывалась даже думать о свадьбе, пока не окончит учебу. Вы же знаете, насколько она упряма.

– Фредди, ты должен что-то сделать. Должен воззвать к ее рассудку. Она не может возиться со всем этим... с этой грязью и кровью. Разгуливать по трущобам. Работать бок о бок с мужчинами. Ты должен удалить ее от медицинской практики. Это пагубное занятие для женщины.

– После выпускной церемонии я сказал ей, что больше не желаю ждать. Она согласилась назначить дату свадьбы. Скоро.

– «Скоро» – понятие растяжимое, – бросила ему Изабелла. – Ты ее жених. Если уж ты не можешь ее образумить, наверное, пора поискать того, кто сможет.

Фредди изобразил отчаяние.

– Изабелла, возможно, вы правы. – Он встал. – Вы знаете мои чувства к Индии. Я люблю ее больше жизни. Но я – это я, а она, быть может, найдет свое счастье с другим. С тем, кто ближе к ее миру. У нее есть подруги по медицинской школе. У нее есть Мод. Возможно, это деликатное дело лучше отдать в руки понимающей подруги или сестры.

Изабелла побледнела. Меньше всего ей хотелось, чтобы устройством жизни Индии занимались такие же сумасбродные женщины-врачи, не говоря уже о Мод. Сам намек на то, что одна непутевая дочь Изабеллы будет опекать другую, возымел желаемое действие.

– Сядь, Фредди. Я хочу совсем не этого. Я хочу вернуть Индию. Вернуть в наш мир. Она единственная надежда, моя и мужа. Ты же это понимаешь? Мод – отрезанный ломоть. Индия – нет. Пока еще нет.

Фредди начал говорить ей обычные утешительные слова, но Изабелла его прервала:

– Наши семьи знакомы очень давно. Между нами всегда были доверие и понимание. Надеюсь, я могу говорить с тобой напрямую.

– Конечно, – ответил Фредди.

Все шло даже лучше, чем он надеялся. Он был уверен, что Изабелла настроена исполнить самую заветную его мечту. Они не первый год крутились вокруг этой темы, но она никогда не давала ему твердых гарантий. Только говорила, что даст за Индией внушительное приданое.

– Как ты знаешь, сыновей у нас с мужем нет. Только племянник Алоизиус, которого мы объявим наследником, если у нас не будет внуков. Нам нужен зять, трезво мыслящий мужчина, способный управлять семейным богатством. Я уже не раз говорила тебе: я была бы очень рада видеть этим зятем тебя, но ваша помолвка чрезмерно затянулась. Женись на Индии, верни ее в семью, и побыстрее. Мы не пожалеем денег на свадьбу... если она состоится и если еще до конца года всей этой медицинской чепухе настанет конец.

Фредди кивал, изо всех сил изображая спокойствие. Он был близок, соблазнительно близок к получению желаемого.

– Индия получит приличное приданое, включая кругленькую сумму в сто тысяч фунтов и ежегодный двадцатитысячный доход. Она также получит дом на Беркли-сквер, а после моей смерти и Блэквуд.

Фредди подавил желание запрыгать от радости. Обещание превосходило самые смелые его мечты. Куча денег, лондонский дом и поместье в Уэльсе – все будет принадлежать ему.

– Изабелла, это более чем щедро. Так приятно сознавать, что мы с Индией начнем совместную жизнь... что наша семья начнется в этом удивительном доме. С ним связано столько чудесных воспоминаний. Но для меня важнее всего счастье Индии.

– Для женщины нет большего счастья, чем замужество и подобающее место в обществе. Если ты действительно любишь мою дочь, если у тебя есть хоть капля привязанности ко мне и лорду Беркли, поторопись сделать ее своей женой.

Фредди допил чай и простился с Изабеллой, пообещав, что в ближайшее время пригласит Индию в Лонгмарш. Будущая теща позволила поцеловать ее в щеку и сказала, что ждет добрых вестей.

Гроза прошла, тучи рассеялись. Солнце высушивало мокрые улицы. Фредди был так взбудоражен блистательными перспективами, что перепрыгнул через чугунную ограду, окружавшую Беркли-сквер, напугав какого-то малыша в матросском костюмчике. Идя по парку к Пикадилли, он думал, что в скором времени обскочет Бингэма, Уиша и Дикки Ламберта. Деньги Селвина Джонса... они устранят любые преграды.

Конечно, не все было так просто. Его тщательно продуманные планы упирались в зануду и замухрышку, которую звали Индией. Нужно ее убедить назначить дату их свадьбы. Это легче сказать, чем сделать. Они совсем не виделись. Он был по горло занят в палате общин. Она – у доктора Гиффорда, плюс ее работа в Обществе подавления торговли опиумом, в Фабианском обществе и в Лиге за избирательные права женщин. Фредди вздохнул. Насколько проще, если бы великолепная Джемма Дин была из богатой аристократической семьи. Но Джемма происходила из самых низов.

Сколько времени он потратил на Индию? Годы. Фредди удивлялся собственному терпению. Он вел долгую, филигранную игру, превосходящую хитроумные шахматные партии. Симулировал интерес к ее медицинским занятиям и скучным разговорам о достижении всеобщего блага. Но желанный эндшпиль так и не наступал. Нужно найти способ и все-таки заставить ее назначить дату свадьбы. Вот только как? Разумеется, был древний проверенный способ. Фредди несколько раз пытался вступить с Индией в интимные отношения, но она вела себя холодно. На их медицинском языке это называлось фригидностью. Все его попытки заканчивались ничем.

Надо поискать другой способ. Бингэм приглашал их всех в Лонгмарш на последние в июне выходные. У него есть еще две недели, чтобы уломать Индию туда поехать. Правда, он хотел там поработать над важной речью в поддержку закона об ирландском гомруле. Но, кроме дневных часов, будут утренние и вечерние. Время для длинных прогулок пешком и верхом. Он выберет момент, останется с Индией наедине, вззовет к ее чувствам, обвинит в неверности, пригрозит разорвать помолвку. Нажмет на все рычаги, чтобы добиться от нее даты свадьбы.

Фредди вступал на скользкую тропу. Даже если он надавит на Индию и добьется от нее даты свадьбы, работа будет выполнена лишь наполовину. Изабелле требовалась не только свадьба. Она хотела, чтобы Индия прекратила врачебную практику. Надо действовать последовательно. Сначала он сделает Индию своей женой, а затем уже станет думать, как положить конец ее карьере.

Фредди вышел на Пикадилли и, проходя мимо отеля «Риц», решил побаловать себя бутылочкой «Болле». Как-никак скоро он разбогатеет, и это надо отпраздновать. От одной мысли, что у него появятся деньги, ему стало намного легче. Его финансовое положение почти всегда было стесненным, а на избирательную кампанию требовалась значительная сумма. Если верить последним слухам, премьер-министр собирается проводить выборы в сентябре. Дикки Ламберт продолжал обхаживать Восточный Лондон: посещал деловых людей, угощал потенциальных избирателей в пабах и клубах. Фредди знал: ему придется изрядно потрудиться, чтобы потеснить этого настырного парня. Он уже начал. Пригласил Джо Бристу и других ведущих торговцев и промышленников, имеющих интересы в Восточном Лондоне, в «Реформ-клуб», где собирался угостить их отменным обедом с лучшими винами и убедить гостей, что он их человек. Все это будет стоить чертовских денег, но голоса никогда не доставались дешево.

Фредди уже входил под высокую каменную колоннаду «Рица», когда услышал «Капли дождя». Под аркой стоял скрипач. Возле ног лежал открытый скрипичный футляр. Там поблескивали монеты. Фредди смотрел на них, но не видел. Вместо монет перед ним была гостиная в Лонгмарше. Ему тогда исполнилось двенадцать, его сестре Дафне – шесть. Она лежала на полу и плакала. Над ней стоял отец с перекошенным от гнева лицом. Он снова напился. Фредди чувал крепкий запах джина.

Отец был непредсказуем. Вспышку его гнева мог вызвать любой пустяк. Пересоленный суп. Книга в библиотеке, поставленная не на свое место. Шалости детей. В тот вечер он разъярился из-за скакалки Дафны. Она оставила скакалку на полу в столовой. Отец споткнулся, а потом с силой ударил дочь по лицу, сбив с ног. Он уже собирался ударить Дафну снова, когда Фредди, не зная, как и чем остановить пьяного зверя, схватил скакалку и огрел отца по спине.

Роберт Литтон обернулся.

– Иди сюда, малец! – прорычал он и, покачиваясь, двинулся на Фредди.

Но Фредди был слишком юрким и проворным. Он отскочил в сторону.

– Беги, Дафф! – крикнул он сестре. – Запрись у себя в комнате. Беги!

Дафна побежала в одну сторону, Фредди – в другую. Его руки по-прежнему сжимали скакалку. Он знал, куда бежит, поскольку не впервые спасался бегством. Фредди достиг площадки второго этажа, побежал по длинной портретной галерее и заполз под стул с подзором. Через несколько минут появился отец. Он наткнулся на рамы портретов, пинал ногами мебель, но до самого конца не дошел. Вернувшись к лестнице, отец поднялся на третий этаж, где находились комнаты детей. Фредди слышал, как он барабанит в дверь комнаты Дафны, требуя, чтобы дочь вышла и получила от него урок уважения к отцу.

Фредди плотно заткнул уши, чтобы не слышать этих криков. Матери и бабушки дома не было. Они пошли навестить соседку. Бингэм, скорее всего, прятался на конюшне. Брат всегда так делал. Слуги разбежались. Кроме него, остановить отца было некому. Но Фредди не знал, как это сделать. Вдруг отец сломает дверь и ворвется к Дафне? Нужно действовать. Нужно что-то придумать. Но что?

Шум усилился. Отец больше не стучал в дверь. Теперь он пинал дверь ногами. Фредди слышал плач сестры. Ведь он убьет Дафну, в ужасе думал Фредди. На этот раз дело кончится убийством.

А он, Фредди Литтон, совсем один. Никто ему не поможет. Ни мать, ни бабушка, ни даже Бог, которому он молился в церкви и который никогда не отвечал на его молитвы. Один-одинешенек. Растерянный и испуганный.

От нового удара дверь треснула. Фредди услышал оглушительный крик Дафны. Сестра обезумела от страха.

Фредди бился об стул головой. Ему самому было страшно. Такого отчаяния он еще не испытывал. Стул стронулся. Деревянные ножки закричали по полу. И вдруг Фредди понял, что ошибался. Он вовсе не один.

На него с портрета смотрел Ричард Литтон. Красный Граф.

Умные, свирепые и безжалостные глаза графа, казалось, спрашивали, какого черта он тут распускает нюни, когда эта пьяная скотина вот-вот вломится к его сестре.

– Я... не знаю. Понимаю, что должен его остановить. Вот только как? – прошептал Фредди, подбежал к портрету и, дотронувшись до холста, попросил: – Помоги мне. Пожалуйста.

Граф был изображен в рыцарских латах, восседающим на черном, грозного вида, боевом коне. Левая рука сжимала поводья, правая – меч. Под конскими копытами теснились искалеченные, окровавленные тела вражеских солдат. На заднем фоне пылали замки и деревни, а коленопреклоненные женщины оплакивали павших в бою.

Фредди знал историю своего далекого предка. Ричард Литтон был другом детства Эдуарда, сына Генриха III. Генрих был слабым и неумелым правителем, предпочитавшим компромиссы открытому столкновению. Знать под предводительством Симона де Монфора, шурина Генриха, взбунтовалась против него и в сражении при Льюисе разбила королевские войска. Королевская семья оказалась под домашним арестом. Англией стал править де Монфор. Эдуард, старший сын Генриха, тяжело переживал случившееся, не находя выхода нараставшему гневу. Ричард, всегда и везде сопровождавший Эдуарда, оставался при нем и во время ареста.

– Ричард, я обязательно верну корону. Наступит такой день, когда я стану королем, – говорил другу Эдуард. – И тогда я собственноручно вырву сердце у де Монфора.

Ричард считал старого короля слишком благочестивым, нерешительным и мягкотелым, тогда как королевское ремесло порой требовало быть безжалостным. Согласно семейной легенде, слушая речи Эдуарда, Ричард не выдержал и сказал:

– Быть хочешь королем? Тогда вначале вырви собственное сердце.

Эдуард последовал совету друга. С помощью Ричарда он сумел бежать, собрал армию и в сражении при Ившеме захватил де Монфора в плен. То была эпоха рыцарства, когда аристократов не убивали на войне. Эдуард положил ей конец. Он обезглавил своего дядю, выпотрошил кишки и скормил воронам. В то время он еще не был королем, а когда стал, то щедро одарил Ричарда Литтона деньгами и землями, сделав друга детства командующим королевской армией и одним из самых могущественных людей в Англии.

– Ты мог быть сильным, – сказал Фредди, глядя на портрет Красного Графа. – У тебя были лошади и оружие.

Фредди не имел ничего, кроме жалкой девчоночьей скакалки. Надо быть последним дураком, чтобы споткнуться об нее.

«Или изрядно пьяным», – вдруг послышалось у Фредди в мозгу.

Его дыхание участилось. Фредди посмотрел на скакалку. Казалось, Красный Граф услышал его мольбу о помощи. И ответил. Фредди не стал терять время. По обеим сторонам лестницы тянулись перила. На каждой площадке и промежуточном марше они заканчивались стойками. За считанные минуты Фредди привязал скакалку к одной стойке, пропустил веревку под турецкой ковровой дорожкой, а конец спрятал за другой стойкой. Портретная галерея и лестница, ведущая на первый этаж, освещались плохо. Фредди знал, что отец, ослепленный джином и гневом, не заметит веревки. Затем он разулся, один ботинок спрятал, а второй оставил на лестнице.

Сделав это, Фредди поднялся на третий этаж. Отец почти уже проломил дверь в комнату Дафны. Фредди слышал, как сестра выла от страха.

– А ну прекрати! – крикнул Фредди. – Оставь сестру в покое!

Отец обернулся. Его лицо, в прошлом довольно красивое, стало одутловатым. Взгляд был тяжелым, а сами глаза налились кровью. Но Фредди заметил в них удивление.

– Что-то ты сегодня слишком смел, малец, – произнес отец, направляясь к нему.

– А ты слишком пьян, – ответил Фредди, пятясь назад и стараясь, чтобы расстояние между ним и отцом не сокращалось. – И мне хочется проучить тебя, пьяный боров!

Выпалив это, Фредди со всех ног бросился бежать. Он спустился по длинной лестнице, достиг площадки второго этажа и спрятался за стойкой перил раньше, чем отец покинул третий этаж.

Фредди следил за дальнейшим поведением отца. Ага, пьяный зверь заметил ботинок и улыбнулся. Потом ускорил шаг, спустился на площадку второго этажа, повернулся и уже собрался сбежать на первый.

И тут Фредди что есть силы натянул веревку и почувствовал, как отцовская нога зацепилась. Отец потерял равновесие, подался вперед и упал, покотившись по лестнице. Фредди слышал глухие удары и затем... громкий треск и хруст. Отец ударился головой о мраморный пол. Тогда Фредди встал и через перила глянул вниз. Отец лежал, странно разметав руки и ноги. Его глаза были открыты, но уже ничего не видели. Под головой растекалась лужа крови.

Фредди отвязал скакалку, надел ботинок, затем спустился на несколько ступенек и надел второй. Сойдя на первый этаж, он обогнул тело отца, дергавшееся в предсмертных судорогах, и отнес скакалку в гостиную. Затем разыскал дворецкого. Тот находился в погребке и вытирал пыль с винных бутылок. Изобразив испуг, Фредди рассказал ему о несчастном случае с отцом.

– Не понимаю, как это он так, – говорил Фредди оторопевшему дворецкому. – Я прятался в портретной галерее. Отец сегодня был очень зол. Он поколотил Дафну и хотел поколотить меня. А потом... шум, грохот. Я выбежал на звук и увидел его упавшим с лестницы.

Те же слова Фредди повторил врачу, матери и бабушке, священнику и полицейскому инспектору. Когда посторонние покинули дом, было очень поздно. Бабушка напоила Фредди теплым молоком, капнув туда рома, и уложила спать. Невзирая на сильное утомление, заснуть

он не мог. Фредди лежал и смотрел в потолок. Случившееся потрясло его до глубины души. После полуночи он встал и на цыпочках пробрался в портретную галерею.

– Я убил его, – прошептал Фредди, обращаясь к портрету. – Я уподобился ему. И тебе. Ты согласен?

Ответа не было.

Фредди заплакал.

– Я не хотел его убивать. Я хотел спасти Дафну. Теперь мне страшно. Очень страшно. Что мне делать, сэр Ричард? Пожалуйста, подскажи. Помоги.

Фредди показалось, что он услышал голос графа, донесшийся из глубины веков. *Быть хочешь королем? Тогда вначале вырви собственное сердце...*

– Но как? – измученно прошептал Фредди. – Как?

Сердце у него в груди продолжало биться. Фредди стал вспоминать, что когда-то давно его отец был совсем другим. Но это было очень давно. Фредди плохо помнил те времена. По обрывочным рассказам бабушки он знал, что у отца начались неурядицы с деньгами, после чего он пристрастился к джину. Потом несколько раз потерпел сокрушительное поражение в палате общин. Все это сделало его раздражительным, желчным, подверженным вспышкам гнева. Того, прежнего отца, Фредди любил до сих пор.

Ему было всего двенадцать. Он еще не знал, что месть отцу не возникла на пустом месте, из-за мелких обид. Она накапливалась постепенно, год за годом. А случай с Дафной стал последней каплей.

Он вернулся к себе в комнату и снова лег. Страх не оставлял его. Фредди боялся, что к нему явится стелющийся призрак отца или толпа демонов с вилами. Но никто не приходил. В доме было тихо. Тишина и глубокое облегчение при мысли, что ни он, ни Дафна с Бингом больше уже никогда не подвергнутся истязаниям. Когда небо над Лонгмаршем посветлело, Фредди закрыл глаза и уснул.

Спустя несколько недель после отцовских похорон Фредди завтракал вместе с матерью. Она все еще носила траур.

– Представляю, Фредди, как тебе тяжело сознавать, что у тебя больше нет отца, – сказала мать, глядя не на него, а в окно.

– И совсем не тяжело, – ответил он, намазывая масло на ломтик хлеба.

Мать повернулась к нему. Ее глаза округлились, и хотя она была неподвижна, словно каменная статуя, Фредди почувствовал, как она отпрянула. Он прижал ладонь к груди, проверяя, бьется ли сердце. Ему становилось все легче. И душа не болела, как поначалу. Фредди улыбнулся и погрузил хлеб в яичницу.

Скрипач доиграл прелюдию Шопена. Вместе с последними звуками погасли и воспоминания Фредди. Он бросил музыканту несколько монет и вошел в отель. Он думал об Индии, об их бутафорской женитьбе, куда он вскоре ее втянет. Рука инстинктивно прижалась к груди. Вся эта затея почти не вызывала у него боли.

Все фигуры выстроились на нужных местах. Он готовился к эндшпилю. Через неделю он сделает последний решительный шаг, отправившись в Лонгмарш, и одержит победу.

Годовой доход в двадцать тысяч фунтов значительно облегчит его жизнь.

Глава 9

Фиона в ночной сорочке стояла перед зеркалом большого шкафа, покрасневшись от напряженного выбора наряда. Ее чулки и нижняя юбка валялись на полу. Фиона с беспокойством посмотрела на серебряные часы, тикавшие на туалетном столике. Она снова опаздывает. Было всего семь утра, но это ничего не меняло.

– Джо, какой надеть? Розовый или клетчатый? – спросила она, держа перед мужем два жакета: шелковый и сатиновый.

– Ни тот и ни другой, – ответил Джо, подойдя к ней сзади и поцеловав в затылок.

– Джо, дорогой, мне нужно ополоснуться в ванне. От меня потом разит, как от грузчика. Отойди.

– А я люблю, когда ты вся вспотевшая, – сказал он, возясь с пуговицами ночной сорочки. – Такая теплая, соленая и вкусенькая...

– Ты говоришь обо мне, словно о кулке с чипсами.

– Ты почти такая же вкусная.

– Почти!

– Фи, я люблю тебя, но чипсы есть чипсы. – Он расстегнул сорочку и взял в ладони потяжелевшие груди жены. – Девочка, ты только посмотри на них! – воскликнул Джо, любуясь на отражение в зеркале.

– Перестань! Я на поезд опаздываю.

– По-моему, они стали вдвое больше, – одобрительно хмыкнул Джо.

– Дай мне одеться.

Джо не ответил. Он молча сбросил с жены сорочку, снова поцеловал Фиону в затылок. Его руки опустились на ее заметно округлившийся живот.

– Фи, давай, а? У меня, стоит взглянуть на тебя, сразу встает.

– У меня нет времени!

– Дорогуша, это совсем недолго. Поверь.

Его рука скользнула ей между ног.

– Джо, остановись. Я не могу. Время подпирает.

На самом деле Фиона вовсе не хотела, чтобы он останавливался. Она хотела Джо. Сильнее, чем когда-либо. Такое с ней уже было, когда она носила Кейти. Тогда желание не оставляло ее ни на минуту. Она не могла насытиться мужем. Его пальцы проникли внутрь и принялись ласкать там, заставляя Фиону замирать и наполняться влагой. Она закрыла глаза и положила голову на его плечо.

– Ты все еще хочешь, чтобы я остановился?

– И не вздумай, парень.

Джо подвел Фиону к кровати и усадил на край. Сам он встал на колени, развел жене ноги и просунул язык туда, где недавно побывали его пальцы. Фиона застонала от желания.

– Боже, как ты здорово это умеешь! – прошептала она.

Джо всегда знал, где и как прикоснуться к ней. Сейчас он разогревал Фиону до предела, поддразнивал, снова и снова приводя на грань оргазма, чтобы потом отстраниться. Он возвращал ее желание до состояния полной безудержности.

– Да... – стонала Фиона, запустив пальцы в его волосы. – Ой, Джо... сейчас, пожалуйста, сейчас... ой...

– Мамочка!

Фиона застыла. Из коридора донесся звук проворных детских ножек. Потом маленькие кулачки забарабанили в дверь.

– Мама! Мама! Мама! Мама!

Фиона метнулась к шкафу и схватила валявшуюся ночную сорочку. Она едва успела прикрыть наготу, как Кейти, справившаяся с дверной ручкой, распахнула дверь и ворвалась в родительскую спальню.

– Доброе утро, мамочка! – заверещала дочь.

– Доброе утро, моя дорогая!

Фиона подхватила дочь на руки, поцеловала в щеку и уткнулась носом в шею, вдыхая удивительный запах маленького тела.

– Мамочка, играть!

– Я сейчас не могу, любовь моя. Мамочка собирается в поездку.

В проеме двери появилась Анна, няня Кейти.

– Вы уж меня простите, миссис Бристоу, – задыхаясь от бега, сказала Анна. – Я наполняла ванну и не уследила. Эта проказница выскочила из детской.

– Ничего страшного, Анна. Пусть побудет у нас и пообщается со мной перед отъездом.

– Да, мэм. Доброе утро, мистер Бристоу.

– Доброе утро, Анна.

Джо сидел на стуле возле кровати, держа на коленях подушку. Подушка прикрывала бугор под пижамными штанами. Бедняга, подумала о муже Фиона. Она сама была возбуждена. Внезапное появление дочери принесло столько же досады, сколько и радости.

Фиона поднесла Кейти к Джо:

– Утенок, посиди немного с папочкой. А маме нужно...

– Нет! – завопила Кейти, вцепляясь в мать мертвой хваткой. – Играй со мной!

– Кейти, дорогая, сейчас мне некогда.

– Ну пожалуйста, – захныкала Кейти.

Фиона тяжело сглотнула. Слова Кейти были как нож по сердцу. Только вчера она вернулась из деловой поездки в Эдинбург, а этим утром уезжала в Париж. Всю неделю она почти не видела свою малышку.

– Кейти, мы обязательно поиграем, – сказала Фиона. – В субботу, когда я вернусь. Обещаю.

– Нет! Нет! Нет! – взывала Кейти, размахивая ножками.

Фиона быстро передвинула вопящую малышку так, чтобы ее удары не пришлись по животу.

– Послушай, детка, пожалуйста, хватит, – попытался урезонить дочку Джо.

– Кейти, пошалила и будет, – подхватила Фиона.

– Мама, хочу играть!

– Ну ладно. Мы с тобой... поиграем в одевание. Мамочка сейчас быстренько примет ванну, потом наденет свой красивый клетчатый костюм, а ты посидишь на кровати и примеришь мамины украшения. Хочешь так поиграть?

Кейти радостно закивала. Фиона усадила дочку на кровать, дала ей несколько браслетов и нитку жемчуга, затем нагнулась за жакетом. Неожиданно в комнату влетел белый мохнатый и рычащий комок и стал носиться по полу, разбрасывая все, что на нем лежало. Это были фокстерьеры Липтон и Твайнинг.

Кейти засмеялась и захлопала в ладоши.

– Как их сюда принесло? – проворчал Джо.

– Должно быть, Анна оставила открытыми все двери. Они что-то утащили. По-моему, твой галстук.

Собаки затеяли игру, похожую на перетягивание каната. Только канатом им служил голубой шелковый галстук. Каждый пес вцепился зубами в свой конец. Судя по рычанию, никто не собирался уступать.

– Это же твой? – спросила Фиона, пытаясь отобрать у собак галстук.

– Мой... что?

Собаки ловко увернулись от Фионы, продолжая с рычанием терзать галстук.

– Липтон, отдай... Хороший пес. Джо, я про твой галстук. Не успеешь оглянуться, как это зверье его уничтожит.

– Голубой? Понятия не имею... Кейти, дорогуша, это не конфеты!

Джо вскочил со стула, чтобы вытащить изо рта дочки нитку жемчуга.

В дверь постучали.

– Кто там? – с заметным отчаянием спросила Фиона.

В дверь просунулась голова молодой женщины.

– Прошу прощения, мэм, но мистер Фостер просит вам передать, что экипаж уже подан. Если вы не поторопитесь, то опоздаете на поезд в восемь ноль пять. Следующий пойдет только в четверть двенадцатого. Но на нем вы не поспеете к парому в Кале и...

– Спасибо, Сара. Передайте мистеру Фостеру, что я сейчас спущусь.

– Хорошо, мэм, – ответила Сара, закрыв дверь.

Фиона вновь посмотрела на часы. Времени на ванну уже не оставалось, иначе она не успеет на ранний поезд. Придется ехать во Францию, благоухая потом. Отличное начало важной деловой поездки. Обойдя собак, продолжавших терзать галстук, Фиона торопливо надела чистое нижнее белье, схватив из шкафа первое попавшееся. Грязное она свернула в тугой комок и бросила в корзину. Потом надела юбку.

– Джо, дорогой, вчера звонила Кэти. Просила напомнить тебе насчет сегодняшнего ужина. Хотела поделиться с тобой своими планами насчет филиала в Брайтоне, – сообщила Фиона, хватая блузку.

– Спасибо, что напомнила. У меня из головы вылетело.

– Мамочка, смотри! Красиво? – спросила Кейти, тряся ручонками, на которых красовались материнские браслеты.

– Очень красиво. Ты вообще у меня красавица, – ответила Фиона, застегивая пуговицы жакета.

– Фи, газеты уже приносили?

– Газеты?.. Да.

– Ты их взяла с собой в дорогу?

– Да.

– А можно пробежать их глазами?

– Слушай, я уже упаковала их в дорожную сумку. Там всего набито. И отчеты по продажам, и жуткий табель Шейми, – сказала Фиона, надеясь переменить тему. – Вчера получила. Мой братец снова провалил экзамены по французскому и по английской литературе. Едва сдал историю.

– Я тебе ничего не разворошу, – пообещал Джо и встал. – Мне нужна только «Таймс». Я слышал, в Нормандии какая-то пакость погубила яблони. Может, появились подробности.

– Сейчас достану, – быстро ответила Фиона.

Ее волновал не беспорядок в сумке. Среди газет была одна, которой лучше не попадаться мужу на глаза.

– Я что, сам найти не могу? – удивился Джо. – Ты лучше заканчивай сборы.

Он полез в сумку Фионы и вытащил кипу газет. Фиона затаила дыхание, надеясь, что «Таймс» окажется наверху.

– «Кларион»? Фи, зачем тебе эта газетенка? – со смехом спросил Джо.

Он взглянул на первую страницу скандальной газеты, скороговоркой читая заголовки статей о нанесении увечий, убийствах и программах мюзик-холлов. И вдруг перестал смеяться.

– «Новые порядки в преступном мире», – прочел он вслух. – «Преступники щедро платят некой Фирме из Восточного Лондона».

Пока Джо читал статью, в спальне было тихо. Только Кейти что-то мурлыкала себе под нос, надевая на голову бусы из жемчуга. Фиона не спрашивала мужа о содержании статьи, поскольку успела ее прочесть.

Роберт Девлин, издатель «Клариона», напечатал целую серию статей о могущественном главаре преступного мира Восточного Лондона. Девлин назвал его преступником нового поколения, демонстрирующим новый, предпринимательский подход к своим занятиям. Эти люди обходились без краж со взломом, не опускались до карманных краж и старались обходиться

без насилия. «Фирма», как именовал их Девлин, старалась не привлекать к себе излишнего внимания. Их деятельность внешне имела вполне законный характер и, казалось бы, была связана с пабами и клубами. Но это только внешне. За благопристойным фасадом скрывались более доходные виды преступной деятельности: проституция, азартные игры, вымогательство и торговля опиумом. Многие придерживались мнения, что за недавней чередой шокирующе дерзких ограблений тоже стоит Фирма.

«Эти преступления не имеют ничего общего с мелким уличным воровством, где эмоции зачастую преобладают над рассудком, – приводила газета слова старшего инспектора уголовной полиции Элвина Дональдсона. – Мы сталкиваемся с тщательно спланированными операциями, которые осуществляются группой дерзких, безжалостных и прекрасно организованных преступников».

Газета цитировала и слова Фредди Литтона. Он рассказывал, как однажды столкнулся с главарем этой шайки лицом к лицу. Встреча произошла в Лаймхаусе, в опиумной курильне, куда Литтон явился с намерением закрыть притон. Столкновение едва не закончилось трагически, но Фредди называл это скромной платой за безопасность своих избирателей. На следующее утро Литтон нагрянул туда снова в сопровождении отряда полиции, но увидел лишь пустые комнаты. Полицейские не обнаружили ни щепотки опиума и ни одной опиумной трубки. Их перехитрили.

«Враг хитер и скользок, – продолжал Литтон. – Но мы знаем, кто он и как действует, а потому он обязательно предстанет перед судом. Это лишь вопрос времени».

Девлин был не настолько глуп, чтобы называть имя главаря, и ограничился лишь прозвищем Председатель, но поместил фотографию. Снимок был сделан в профиль. Кепка, надвинутая на глаза, и размытое лицо делали преступника практически неузнаваемым, но Фиона все равно его узнала. Это был Чарли.

Джо дочитал статью и посмотрел на жену:

– Ты поэтому купила «Кларион»? Из-за Сида?

Фиона отвела взгляд, с ужасом предчувствуя следующий вопрос.

– Фиона, ты продолжаешь его разыскивать?

– Да.

– Ты опять кого-то наняла? А ведь я просил тебя этого не делать.

– Я никого не нанимала.

Чувствовалось, Джо ей не верил.

– Ты что же, решила сама его искать? – (Она кивнула.) – Когда? Где?

– Я... навела кое-какие справки. В Лаймхаусе.

– В каком месте Лаймхауса?

– В прачечной Ко.

– Черт побери, Фиона! Это же преступное логово! – загремел Джо.

Испуганная громкими голосами родителей, Кейти перестала играть и во все глаза смотрела на отца и мать.

– Прошу тебя, не надо кричать, – сказала Фиона.

– Нет, я буду кричать! Я буду орать во все горло! Ты прекрасно знаешь, что случилось с Майклом Беннетом. Ты видела его руку. Хочешь оказаться на его месте? Фиона, мы с тобой достаточно поговорили на эту тему. Ты сказала, что прекратишь поиски..

– Нет, это ты потребовал прекратить поиски. Я тебе согласия не давала, – ответила Фиона. – Джо, я тебе тогда говорила и повторяю: он мой брат.

– Мне ровным счетом наплевать на то, кто он. Я не хочу, чтобы моя жена общалась с такими, как Сид Мэлоун!

– Чарли! Его зовут Чарли Финнеган, а не Сид Мэлоун.

Кейти громко заревела.

– Только в твоём воображении, – недовольно бросил ей Джо.

– Любовь моя, не плачь, – сказала Фиона, беря дочку на руки. – Все хорошо, не надо плакать.

Кейти плакала жалобно и безутешно. Пытаясь ее успокоить, Фиона заметила, что у малышки появились два новых зуба. И когда они успели прорезаться? А я пропустила этот важный момент, с упреком подумала Фиона.

В дверь снова постучали.

– Кого еще принесло? – сердито спросил Джо.

– Прошу прощения, сэр, но пришел мистер Джеймс и желает вас видеть. А миссис Бристоу наверняка пропустит поезд в восемь ноль пять. Мэм, может, подать экипаж к поезду, который отходит в одиннадцать пятнадцать?

– Нет, Сара. Я уже бегу! – крикнула Фиона. – Кейти, любовь моя, мамочке нужно срочно выходить.

– Нет, мама, нет! – взвыла Кейти, еще крепче цепляясь за мать.

Фиона растерянно посмотрела на Джо.

– Идем, Кейт Великая, – сказал он, забирая дочь. – Пойдем посмотрим, какую кашу приготовила тебе наша повариха.

Но Кейти было не заманить кашей. Она заплакала еще безутешнее, протягивая ручонки к матери. Фиона оторопела. Ее разрывало надвое. Она быстро поцеловала плачущую Кейти, затем мужа.

– Сид Мэлоун не Чарли Финнеган, – напомнил жене Джо, хватая ее за руку. – И даже близко не стоял. Чарли мертв. Помни об этом.

– Не говори так. Никогда! – крикнула Фиона, вдруг ослепленная яростью на мужа. – Он не умер. Он жив!

Подхватив жакет и дорожную сумку, она выскочила из спальни, сама готовая расплакаться. Сара заблаговременно упаковала ее чемоданы и погрузила в экипаж. Фиона сбежала по лестнице к входной двери. Плач Кейти так и звенел у нее в ушах.

– Поспешайте, Майлс! – усевшись в карету, крикнула кучеру Фиона. – Я должна успеть на этот поезд!

Майлс забрался на козлы, взмахнул кнутом. Карета тронулась. Фиона откинулась на спинку сиденья.

– Чертов упрямец! – произнесла Фиона вслух, словно Джо ехал вместе с ней. – Ну почему ты не можешь понять? Ты ведь даже не пытаешься!

Ей было очень горько. Ссора с Джо после ухода частного детектива стала первой серьезной размолвкой в их семейной жизни. До этого они редко расходились во мнениях и уж точно никогда не кричали друг на друга, пока разговор не стал касаться Чарли.

С момента их воссоединения прошло три года, и все это время они были безмерно счастливы. Оба познали горечь разлуки, обоим была знакома печальная, неполноценная жизнь друг без друга. Встретившись снова, оба старались ни в коем случае не повторять ошибок юности и не принимать их счастье как нечто само собой разумеющееся. Фиона знала Джо с раннего детства и за все годы только однажды по-настоящему разозлилась на него. То был страшный день, когда он объявил, что им придется расстаться. Оба считали, что их женитьба – вопрос ближайшего времени. Но Джо, выпив на празднике лишнего и допустив слабинку, оказался в постели у Милли Петерсон, дочери его хозяина. Милли забеременела, и Джо был вынужден на ней жениться. Когда он рассказал Фионе о случившемся, это едва не разрушило фундамент ее жизни. Ее злость на Джо смешивалась с горем и отчаянием, ведь он растоптал все: их любовь и надежды на совместную жизнь.

Тогда он предал Фиону. Сейчас ей казалось, что предательство повторяется, хотя причина была другой. Джо заставлял ее стать глухой к голосу сердца, повернуться спиной к род-

ному брату. Джо не знал, каково это – лишиться семьи. Фиона помнила обжигающую боль, разрывавшую ей душу, когда хоронила самых близких: отца, мать, сестру, которой не исполнилось и года. Но считать мертвым живого Чарли... Нет, она никогда этого не сделает!

Фиона тяжело вздохнула. Нужно положить этому конец – всем резким словам и ссорам. Во второй раз они с мужем поссорились снова из-за Чарли. Это плохо, очень плохо и для них самих, и для малышки Кейти. Существовал только один способ прекратить поиски Чарли – найти его.

Фиона решила, вернувшись из Парижа, с удвоенной силой продолжить поиски. Она обследует прибрежные пабы Уоппинга, игорные притоны Уайтчепела. Она отправится туда пешком, одевшись так, как одеваются тамошние женщины. И конечно же, она будет предельно осторожна. Фиона не хуже других знала, насколько опасны бывают порой темные улицы Лондона, но, как и ее брат, она умела выживать на них.

– Все будет хорошо, – сказала она, продолжая воображаемый разговор с Джо. – Вот увидишь. Я найду его. Обязательно найду. И ничего плохого со мной не случится. Чарли этого не допустит.

Но Джо с ней не было. Никто не возразил Фионе, не сказал, что она упряма и ослеплена любовью и что ее слова в лучшем случае глупость, а в худшем – чреватые опасными последствиями.

И потому Фиона совершила крупную ошибку.

Она поверила своим словам.

Глава 10

– Гомруль – пораженческая политика. Вот как это называется! Это капитуляция! – прогремел сэр Стюарт Уолтон, сахарный барон, имевший завод в Уайтчепеле.

Произнеся эти гневные слова, он вонзил зубы в ножку жареного перепела, поданного с гарниром из трюфелей.

Торговцы и промышленники, собравшиеся за столом, одобрительно загалдели, поддерживая его точку зрения. Фредди поднял руку, призывая своих гостей к тишине. Сам он не сидел за столом, а стоял. Точнее, расхаживал перед столом. Разговоры о политике всегда будоражили его, заставляя вскакивать с места.

– Сэр Стюарт, мне целиком понятны ваши взгляды, – сказал Фредди, – но могу ли я воззвать к вашей благосклонности... и попросить задуматься над этим не только как верноподданный гражданин, но и как блестящий промышленник, каким все мы вас знаем?

Снова послышались одобрительные возгласы и звон хрустальных бокалов. Сэр Стюарт махнул рукой. Фредди продолжил:

– Ирландия требует многого в плане денег и людских ресурсов. Но, в отличие от Индии или Южной Африки, вложения в нее приносят более чем скромные доходы. В этой стране нет хлопка. Там не растет чай, кофе и сахарный тростник. В ирландских недрах не попадаются золотые слитки и алмазы. Гомруль даст всем этим агрессивным крикунам, ратующим за полную независимость Ирландии, ограниченное самоуправление, но Британия по-прежнему будет собирать налоги. Образно говоря, мы не кормим корову, не заботимся об устройстве ей хлева, но забираем у нее молоко. Это выгодное дело, и вы, сэр Стюарт, вряд ли станете отрицать очевидное. Начинается новое столетие, которое уже называли международным. Британии придется еще сильнее и жестче, чем прежде, конкурировать с Германией, Россией, Францией и таким колоссом, как Америка. А хорошая деловая обстановка немыслима без хорошего правительства.

– Вы абсолютно правы, мой мальчик! – воскликнул бумажный магнат Джон Филлипс.

Послышались одобрительные возгласы, выражение согласия с мнением Фредди, аплодисменты. Даже сэр Стюарт кивал. Чувствовалось, речь Литтона успокоила его. Джон Филлипс встал, вытер рот и провозгласил тост:

– За Фредди Литтона! Фредди понимает нас, выражает наши интересы, и я хочу, чтобы он представлял их в правительстве. Фредди, мальчик мой, я буду голосовать за вас.

И опять гости одобрительно зашумели. Взметнулись руки с наполненными бокалами, но не все. Фредди приветливо улыбался, а глаза зорко следили за теми, кто не торопился поддерживать тост. Первым он заметил Эдвина Уолтерса, крупного пуговичного фабриканта. Тот не поднял бокал по понятной причине: он был пуст, и Уолтерс ждал, когда официант его наполнит. Вторым, кого заметил Фредди, был Дональд Лэм, занимавшийся серебрением изделий и владевший сетью мастерских. Но и здесь причина была очевидна: Лэм уронил на колени булочку и торопился ее подобрать, пока та не упала на пол. Не поднял бокал и Джо Бристоу, однако там никаких заметных причин не было. Он просто не хотел пить за Фредди. Джо сидел, откинувшись на спинку стула, и его лицо было непроницаемым.

– Фредди, а какая польза Восточному Лондону от гомруля? – спросил Джо, дождавшись, когда смолкнут возгласы. – Какие блага принесет ограниченное ирландское самоуправление грузчикам, работницам спичечных фабрик и уборщицам в Уайтчепеле, Уоппинге и Лаймхаусе?

Улыбка Фредди сделалась напряженной. От Бристоу этого и следовало ожидать. Он был крупным торговцем, но действовал совсем не так, как его собратья. Джо не жаловался на налоги. Не требовал правительственного контроля над профсоюзами и тюремных сроков для бастующих рабочих. Вместо этого Бристоу защищал права рабочих. Его поведение раздражало Фредди. Чертов упрямец!

– Как вы наверняка знаете, Джо, многие из моих избирателей и ваших рабочих – ирландцы. Выступая в поддержку гомруля, я учитываю и их интересы. Заботы Ирландии по-прежнему остаются их заботами. Вы же это понимаете?

– Нет, Фредди, не понимаю, – ответил Джо. – Если ирландец живет в Восточном Лондоне, он уже не в Ирландии. Спрашивается, зачем он уехал из родной страны? Чтобы найти работу. Чтобы зарабатывать больше, чем у себя на родине. Он хочет денег, которых хватало бы на еду и одежду для детей. На их учебу, чтобы не бросали школу и не шли на фабрики из-за необходимости помогать семье. Здешнему ирландцу плевать, если Вестминстер рассорится с Дублином. Его больше волнует возможность вступить в профсоюз и не быть уволенным за это. Что вы намерены сделать для него?

– Я очень рад, что вы спросили об этом, – сказал Фредди; он любил подобные вопросы, поскольку давно научился на них отвечать. – Вот мой ответ: столько, сколько я в состоянии сделать. Я уже довел до сведения правительства амбициозный план социальных реформ в Восточном Лондоне. Недавно оно выделило деньги для ремесленной школы для девочек при миссии Тойнби. Вы наверняка знаете, что я тесно сотрудничаю с одним молодым доктором, практикующим в Уайтчепеле, над осуществлением моей идеи об открытии бесплатных больниц для беременных женщин и маленьких детей. Я добиваюсь выделения субсидий на молоко для младенцев, веду переговоры о внедрении программы по основам здорового образа жизни и личной гигиены для начальных школ. Я также являюсь председателем комитета, который следит за посещаемостью школьных занятий детьми из бедных семей. Это касается детей всех возрастов. Мои планы гораздо обширнее, и я мог бы еще многое рассказать моим уважаемым гостям, но замечаю неоднократные попытки официантов подать на стол говядину по-веллингтонски. Боюсь, дальнейшее промедление может обернуться бунтом за столом.

Судя по Джо, он хотел сказать еще что-то, но смех гостей лишил его такой возможности. Именно на это и рассчитывал Фредди. Филлипса, Уолтона и других больше волновала осты-

вающая говядина, чем переселившиеся соотечественники Пэдди Финнегана, которые даже не имели избирательных прав.

Фредди вернулся на место и довольно улыбнулся. Несмотря на реплику Джо Бристоу, вечер можно считать успешным. По расчетам Фредди, он заручился поддержкой почти всех своих гостей, которых набралось около сорока. Это означало голоса их рабочих, трудившихся в Восточном Лондоне. Здесь уже счет шел на тысячи. Его гости наслаждались непринужденной обстановкой: ели, пили, смеялись и разговаривали.

Он угостил их не только отменным обедом. Фредди дал гостям достаточно пищи для разговоров. В начале вечера он пространно объяснил свои меры, направленные на борьбу с преступностью, а также рассказал о своей поддержке Парламентского совета предпринимателей, созданного для сдерживания выступлений рабочих и их профсоюзов. Отвечая на вопрос Джо, Фредди ясно дал понять, что сохранит льготы для рабочих, озабоченных будущим своих детей. Даже самые алчные предприниматели сознавали: сегодняшние дети трущоб завтра придут на фабрики и склады, и если сегодня их плохо учат и они недоедают, завтра хозяева получат тупую рабочую молодежь, не умеющую прочесть этикетку на ящике с чаем и не способную этот ящик поднять по причине физической слабости. Тяжелее всего было всучить гостям поддержку гомруля, но даже это блюдо Фредди ухитрился сделать съедобным.

Фредди мысленно похвалил себя за идею устроить обед у себя в клубе. В атмосфере «Реформ-клуба» было что-то расслабляющее, успокаивающее. Попадая сюда, посетители чувствовали себя умными, щедрыми и открытыми. Каким бы тяжелым ни выдался день, Фредди становилось легче, едва он переступал порог «Реформ-клуба». Возможно, причиной тому был особый запах кожи, смешанный с запахами вина, дерева и табака. Возможно, на него успокаивающе действовали официанты, вежливые, ненавязчивые, всегда знавшие, что он желает съесть и выпить. Все это приносилось раньше, чем Фредди успевал открыть рот. Возможно также, на него действовало общество единомышленников, с которыми он мог без конца говорить о политике. А может, главной причиной было благотворное отсутствие женщин.

«Реформ-клуб» был клубом членов либеральной партии. Снаружи здание клуба, построенное из портлендского камня, напоминало внушительное итальянское палаццо. Внутреннее убранство отличалось чисто мужской строгостью и было полностью свободно от женской суеты. Настоящий оазис, где мужчины на время могли скрыться от своих жен и любовниц. Здесь ничто не мешало им, сидя в удобных креслах перед пылающим камином, неспешно читать газеты, попивать портвейн и закусывать стилтонским сыром. И никто не нарушит их покой какой-нибудь нелепой просьбой. Здесь они могли говорить свободно и откровенно, не опасаясь задеть чувствительную женскую натуру.

Для гостей Фредди заказал уютный зал, попросив администратора не экономить на блюдах, вине и сигарах. Его затраты оказались не напрасными, обещая щедрые доходы. Фредди уже расслабился и собрался насладиться обедом, когда к нему наклонился официант и шепотом сообщил, что его желает видеть какой-то детектив.

Фредди вслед за официантом спустился на первый этаж в небольшую приемную. Его ожидал не кто иной, как Элвин Дональдсон. Это был человек Фредди. Одним преступникам Дональдсон платил за сведения, из других попросту их выбивал и, как правило, держал Фредди в курсе о мелких и крупных нарушениях закона, допущенных обеими сторонами – преступным миром и полицией.

– Извините за беспокойство, – начал Дональдсон, даже не поздоровавшись. – На реке произошло ограбление, и я подумал, что необходимо поставить вас в известность.

– Где? – только и спросил Фредди.

– На складе «Крепость».

– Проклятье! – вырвалось у Фредди.

Это был Лаймхаус. Его округ.

– Ограбление крупное и весьма специфическое. Похищена большая партия оружия. Никто не знает, каким образом и когда, но ящики с винтовками пропали. Их украли. Газеты уже всюду трезвонят о случившемся.

– Чертовщина! Это Мэлоун! – воскликнул раздраженный Фредди. – Вы ведь знаете, это он! Арестуйте его! Я требую его голову!

– Мы не можем его арестовать. У нас есть лишь подозрения, и только. Ничего конкретного.

– Так найдите это конкретное!

– У нас нет даже свидетелей.

– Создайте свидетеля! Заплатите ему. Пусть разыграет очевидца! Сколько вам нужно? – спросил Фредди, доставая бумажник.

Дональдсон рассмеялся:

– Во всем Лондоне не хватит денег, чтобы заплатить тому, кто отважится указать на Сида Мэлоуна. Вы это знаете, мистер Литтон.

Фредди снова выругался и запустил руку в волосы. Это граничило с катастрофой. Он ухлопал целый вечер и ощутимую сумму денег, пытаясь убедить сорок влиятельных торговцев и промышленников, что ведет суровую борьбу с преступностью и держит преступные элементы под контролем. Склады и фабрики его гостей находились либо на берегу Темзы, либо в непосредственной близости. Что подумают эти люди, увидев утренние газеты?

– Я хочу, чтобы к завтрашнему утру он сидел в тюрьме.

– Но...

– Я сказал: хочу видеть его в тюрьме. Если вам никак не схватить его за ограбление, найдите другую причину. Может, он бьет лошадь? Пинает собаку? Давно не возвращает библиотечные книги? Дональдсон, найдите на него хоть что-то. И не разочаруйте меня, иначе я обращусь к более расторопному детективу, – сказал Фредди, протягивая Дональдсону две десятифунтовые купюры.

Оставив инспектора засовывать деньги в карман, Фредди вернулся к гостям.

– Все в порядке? – спросил человек слева от него.

Этот человек владел двумя пивоварнями в Уайтчепеле и складом в Уоппинге.

– В полнейшем порядке, – улыбаясь, ответил Фредди. – Кое-какие мелкие правительственные дела. Спасибо, что меня вовремя уведомили об изменениях.

Он поглубже вдохнул, погрузил вилку и нож в остывшую говядину и сделал вид, что наслаждается вкусным блюдом. Его нервы гудели от напряжения, но он был не вправе показать это гостям. Оставалось надеяться, что двадцатифунтовая бумажка сделает самого Дональдсона порасторопнее. Если тот найдет причину для ареста Мэлоуна и если к моменту, когда газеты затрубят об ограблении, Мэлоун уже будет в тюрьме, Фредди выйдет из всей истории победителем.

А если нет? – мысленно спросил он себя. В таком случае, старый крот, ты сегодня упрочил победу на выборах... Дикки Ламберту.

Глава 11

– Доктор Джонс, вы еще здесь? – спросила Бриджет Мэллой, сестра-распорядительница Королевской бесплатной больницы. – Я думала, вы закончили обход.

– Закончила, но хочу задержаться. Надо понаблюдать за одной малышкой. Поступила час назад. Зовут Мэри Эллертон. Сказали, требуется неотложная помощь. Ребенок едва дышал. Сейчас положение стабилизировалось, но мне все равно тревожно, – ответила Индия, перелистывая записи на планшете, с которым делала обход.

– Туберкулез?

– Думаю, да.

– А девочку хоть как-то лечили? Это же явно не вчера началось. Ее родители что-то делали?

– В общем-то, да. Они ее накормили жареной мышью.

– Даже не верится, что эта шутка еще жива, – засмеялась сестра Мэллой. – Я слышала ее в детстве. Она уже тогда считалась старой.

– Я бы тоже сочла это шуткой, – серьезно ответила Индия, – если бы собственными глазами не увидела, чем иногда кормят детей, чтобы те поправились. Еще в годы учебы. Я видела девочку, которую кормили живыми личинками, чтобы вылечить от туберкулеза. Другую родители заставляли семь раз обойти вокруг осла, считая, что это уймёт ее надсадный кашель.

– Что ж, маленькая Мэри Эллертон хотя бы получила кусочек мяса, – заметила сестра Мэллой.

– О чем думала ее мать? Жарить грызуна...

– Доктор Джонс, у вас есть дети?

– Нет.

Индии вечно задавали этот вопрос, который приводил ее в бешенство.

– Понятно, – произнесла сестра Мэллой, как будто это все объясняло.

Самой Индии это ничего не объясняло.

– Что вы хотели сказать своим «понятно»? – не выдержала она.

– Миссис Эллертон очень бедна. Так? У бедняков нет денег, зато есть мыши.

– Сестра Мэллой, я могу лишь горько сожалеть о таком дремучем невежестве. Вы ведь не оправдываете его?

Голубые глаза сестры Мэллой внимательно смотрели на Индию. Судя по их выражению, она тоже горько сожалела о дремучем невежестве, но это не касалось миссис Эллертон.

– Доктор Джонс, а вы представьте мать, которая очень любит свою дочь, видит, как та страдает, но ничем не может ей помочь. Поджарить мышь – это уже что-то. Согласна, не самое лучшее средство, но хоть какое-то. Для нас с вами это бабкины предрассудки, а для бедной, страдающей матери, чей ребенок тает на глазах... пусть слабая, но надежда.

Индия собралась прочесть ей лекцию о болезнях, разносимых мышами, но в этот момент по коридору промчалась младшая медсестра.

– Доктор Джонс! – закричала она. – Мэм, вас срочно зовут в отделение неотложной помощи.

– Прекратите вопить, Эванс, – шикнула на девицу сестра Мэллой.

– Да, мэм. Извините, мэм.

– Мэри Эллертон стало хуже? – спросила Индия, выскакивая в коридор.

– Нет. Там новый пациент. Только привезли. Весь горит в лихорадке.

– А где дежурный хирург? – спросила сестра Мэллой.

– Так на Хай-стрит уличное происшествие. Два экипажа и омнибус столкнулись. Доктор Меррил занят по горло. Он просил меня привести любого, кого сумею найти.

Крики, доносящиеся из отделения неотложной помощи, Индия услышала еще на подходе. Толкнув двери, открывающиеся в обе стороны, она попала в громадное помещение с белеными стенами. Оно находилось на достаточном расстоянии от остальных отделений и палат больницы. Индия увидела троих санитарок и студента-медика. Все они пытались удержать мужчину с покалеченными ногами. Рядом еще двое санитарок разрезали одежду на неподвижно лежащей женщине.

Мимо Индии промчался доктор Меррил с громко плачущим ребенком на руках.

– Койка номер один, возле раковины, – крикнул он. – Высокая температура, бред. Возможно, общее заражение... Эванс! Хлороформ мне! Живо!

Индия бросилась в дальний конец отделения, едва не поскользнувшись в луже крови. Вскоре она увидела койку номер один и распластанного на ней мужчину. По крайней мере, она так решила, глядя на торчащие ботинки и макушку головы, поскольку все остальное было закрыто куртками. Рядом стояли еще двое мужчин в рубашках.

– Что здесь происходит? – спросила Индия, откидывая куртки. – Зачем вы его так плотно закрыли? Ему же тяжело дышать!

– Закрыли, потому что зубами стучал от озноба, – ответил один мужчина, судя по свернутому носу, любитель подраться. – Где вас носило, миссус? И где этот чертов доктор?

– Я и есть этот чертов доктор, – ответила Индия. – Как зовут больного?

Но, посмотрев на лицо, она сама получила ответ. Сид Мэлоун.

– Никогда не слышал про женщин-врачей, – недоверчиво пробормотал все тот же мужчина.

– Остынь, Томми. Она и впрямь доктор. Та девица, что мы у Ко видели. Помнишь? – сказал второй.

Он был моложе и худощавее первого.

Индия не слышала их разговора. Ей важнее всего было проверить, в каком состоянии жизненно важные органы пациента. Его пульс был пугающе слабым, дыхание – поверхностным, а зрачки – сжатыми. Пышущая жаром кожа свидетельствовала о крайне высокой температуре. Но, когда Индия попыталась засунуть в рот Мэлоуна термометр, ее пациент стал бешено сопротивляться. Она испугалась, что он сейчас прокусит стекло.

– Сколько он находится в таком состоянии? – спросила она, делая еще одну попытку измерить температуру. – Мистер Мэлоун, не упрямьтесь. Будьте хорошим мальчиком.

– С утра, – ответил худощавый.

Индия все-таки сумела поставить термометр и извлечь обратно.

– Так-так. Целых сто шесть градусов¹⁰. Рвота была? Голова у него болит? Сыпь? Может, он подхватил инфекцию от корабельных матросов?

– У него рана, – помявшись, ответил худощавый.

– Рана? Где? – Индия осмотрела руки Сиды, полагая, что не заметила следов.

– Не на руках. На боку. На правом.

Индия расстегнула куртку Сиды. По рубашке, словно сгнившие цветы, тянулись желтые и коричневые пятна. В нос ударил отвратительный запах. Она расстегнула рубашку, развязала неумело наложенную повязку и чуть не вскрикнула. Рваная, зияющая рана тянулась от подмышки до бедра. Края раны почернели и загноились. Сквозь поврежденные ткани белели ребра. Индия поняла: дорога каждая секунда. Она огляделась. Отделение неотложной помощи превратилось в настоящий сумасшедший дом. Весь персонал был вплотную занят пострадавшими в дорожном столкновении.

– Как вас зовут? – спросила она худощавого, и тот опять замялся. – Имя свое можете назвать?

– Фрэнки. Фрэнки Беттс.

– Мистер Беттс, снимите с него одежду.

– Что, всю?

– Да! И побыстрее! Начинайте! А вы... – она подозвала Томми, – пойдете со мной.

Индия подбежала к раковине, заткнула слив и пустила холодную воду. Потом взяла с полки полдюжины простыней и бросила в раковину.

– Намочите, хорошенько отожмите, потом приложите к телу мистера Мэлоуна.

– Но как...

– Делайте, что я вам сказала.

¹⁰ 41,1 °C.

Индия поспешила к шкафчику с лекарствами и, открыв стеклянные дверцы, схватила оттуда пузырьки с хинином, хлороформом и карболовой кислотой. Оттуда она заскочила в кладовую, где взяла таз, иглы, хирургическую нить, ножницы, термокаутер и шприц. Все это она сложила на поднос. На обратном пути Индия взяла еще один таз, памятуя, что не все спокойно переносят запах паленого мяса.

Вернувшись к койке номер один, она услышала разговор спутников Мэлоуна. Томми говорил Фрэнки, что Сиду нужна отдельная палата. Держать его в общей – чистое безумие. Он сейчас бредит и может наговорить такого... А рядом – столько посторонних и, возможно, опасных ушей. Вдруг кто услышит? Вдруг Билли Мэдден узнал, что Сид в больнице? Этот вонючий проныра сразу начнет ошиваться возле их логова и вынюхивать.

– Докторша сказала, что пока он останется здесь. Значит, так тому и быть. А в его состоянии ты виноват, Томми. Я еще два дня назад говорил, что его надо везти к врачам.

– Ошибаешься, Фрэнки! Я тут ни при чем. Он сам говорил, что ни в какую долбаную больницу не поедет.

– Посторонитесь! – крикнула Индия.

Фрэнки отошел. Индия шумно опустила поднос на столик рядом с койкой Сида. Спутникам Мэлоуна удалось его раздеть, и теперь они заворачивали его во влажные простыни.

– Не забудьте и голову обернуть, – распорядилась Индия.

Она быстро вымыла руки и наполнила один таз горячей водой. Вернувшись, она ногой пододвинула табурет. Сид к этому времени был полностью завернут в холодные влажные простыни. Его била дрожь.

– Как это произошло? – спросила Индия.

Приподняв Сиду голову, она сумела протолкнуть ему в рот дозу хинина, чтобы унять жар. Томми и Фрэнки слышали вопрос, но молчали.

– Я врач, а не полицейский. Меня не касается, чем занимался мистер Мэлоун в момент ранения. Но я должна знать, каким образом и когда это случилось.

– Миссус, а вы можете ему помочь?

– Именно этим я сейчас и занимаюсь.

– Он упал в реку и ударился о сваю. Она-то и распорола ему бок.

Индия покачала головой. Только бы не в Темзу. Во всем Лондоне не сыщешь места грязнее.

– Сколько времени он пробыл в воде?

– Около двух часов.

– Когда?

– В субботу, поздним вечером.

Сегодня вторник. Значит, инфекция уже три дня пирует на теле Мэлоуна.

– А почему вы его раньше не привезли?

– Вы можете его вылечить? – вместо ответа спросил Фрэнки.

– Попытаюсь. Состояние у него очень тяжелое. Рана имеет гангренозный характер.

– Он должен получить самый лучший уход. Мы заплатим. Пусть его перенесут в отдельную палату. Незачем ему лежать на этой паршивой койке, среди шума и воплей, – заявил Томми.

– Сейчас мне удобнее работать здесь. Перемещением займемся позже.

– Но ему обязательно нужна отдельная палата. И чтобы тихо было.

– Будете мне мешать, сделаете ему только хуже. – Индия смочила хлороформом марлевый тампон.

– Не суйся не в свое дело, Томми. Она знает лучше нас, – сказал Фрэнки.

Индия поднесла марлю ко рту и носу Сиды. Выбранная ею концентрация притупляла боль, но не погружала в сон. Сид был слишком слаб. Он попытался отвернуть голову, но Индия крепко прижимала тампон. Через несколько секунд она убрала марлю и повернулась к Беттсу:

– Вы будете держать его за правую руку так, чтобы она была у него над головой. Другую руку положите ему на левое плечо. А вы, – обратилась она к Томми, – держите его за лодыжки.

– Что? Это еще зачем? Что вы собрались делать? – занервничал Томми.

– Удалять омертвевшие ткани. Советую вам не смотреть.

Индия взяла новый кусок марли, свернула и затолкала Сиду в рот. Потом села и стала обрабатывать его рану карболкой. Сид сжался, затем попытался вырваться из рук своих парней.

– Слушайте, миссус, не могу я его держать, – признался Томми.

– Можете. И держать надо крепко.

Томми не внял совету Индии, и буквально через несколько секунд его начало выворачивать.

– В таз, – бросила ему Индия, даже не взглянув.

Томми перестал для нее существовать, равно как и остальные, включая ее саму. Остался только ее противник – инфекция. Чудовищная инфекция. Промывкой и очисткой раны гангрену не остановишь. Внешний слой мышц начал чернеть. Его придется срезать. Индия трудилась больше часа, осторожно продвигаясь по всей длине раны. Ее проворные пальцы умело отсекали омертвевшие куски, стараясь не оставлять даже пятнышка гнили и ставя заслон на пути гангрены. Она чувствовала, как с каждым вдохом и выдохом расширяются и сжимаются ребра Сиды. Индия внимательно вслушивалась, нет ли хрипов и бульканья. Каждые несколько минут она дотрагивалась до запястья Сиды, проверяя пульс и оставляя кровавые отпечатки на его бледной коже. Кровь Сиды затекала ей под ногти, струилась по костяшкам пальцев и тыльным сторонам ладоней, попадая в рукава.

Она едва замечала, что спутники Сиды частенько сдвигались, когда то одного, то другого выворачивало в таз. Когда она поднесла острое термокаутера к окончанию вены, Фрэнки пробормотал, что она не женщина и никак не может быть таковой. Единственным, кто не издавал никаких звуков, был Сид. Он вгрызлся в марлевый валик, вздрагивал и напрягался, но ни разу не вскрикнул. Ни разу. Индия знала, какую неимоверную боль он должен сейчас испытывать, и удивлялась его стойкости.

Посчитав, что она сделала все возможное и инфекция больше не будет расползаться, Индия подравняла рваные края раны и наложила швы. Сшивание подвигалось медленно. У Сиды на спине и боках хватало участков вздутой, огрубелой кожи. Шрамы. Индия уже видела такие шрамы на теле мужчин, побывавших в тюрьме. Она перевела взгляд на лицо Сиды, проверяя цвет. К ее удивлению, Сид смотрел на нее, и глаза у него были вполне ясные и осмысленные. Наверное, следствие боли, подумала Индия. Боль вернула его в сознание.

– Напрасно я тогда вытолкнул вас из заведения Тедди Ко, – выплюнув марлю, хрипло произнес он. – Вы нашли потрясающую возможность отомстить.

– Очень сочувствую, что доставила вам боль, мистер Мэлоун, – сказала Индия. – Я не рискнула добавить к хлороформу наркотики. Вы слишком слабы.

Голова Сиды откинулась на подушку. Индия снова измерила ему температуру. Полоска ртути осталась на прежнем месте. Индия велела Фрэнки и Томми снять простыни. Придется заново мочить их в холодной воде и заново обертывать пациента. Еще одна попытка сбить температуру.

– С ним все будет в порядке? – спросил Фрэнки.

– Не знаю. Его ждет тяжелое сражение за свою жизнь.

С соседней койки донесся душераздирающий стон. Глаза Сиды разом открылись. Индия увидела, что он пытается встать.

– Лежите, мистер Мэлоун. Не обращайтесь внимания. – Индия повернулась к Фрэнки, который торопливо связывал мокрые простыни. – Я сейчас узнаю насчет отдельной палаты. Ему нужен покой и отдых. Сон поможет справиться с инфекцией.

За время, пока Индия занималась раной Сиды, хаос, связанный с поступлением жертв уличной аварии, сменился относительным порядком. Она разыскала сестру-распорядительницу и спросила насчет отдельной палаты. Когда Индия вернулась к койке Сиды, он дрожал под заново намоченными простынями. Над ним стоял Фрэнки Беттс, поглаживая его по лбу.

– Поднапрягись, хозяин. Тебе нужно выкарабкаться. Постарайся.

Фрэнки говорил Сиду, что все девочки без него скучают и что некто по имени Дези ждет его с бутылкой виски, сочным стейком и кучей денег.

– Когда ты поправишься, мы купим себе самую модную одежду, какая только есть в Лондоне, и кольца с золотыми суверенами размером с обеденные тарелки. Тебе они понравятся, хозяин. Вот увидишь, – подпевал Томми.

Индия слушала, удивляясь, как эти жесткие люди способны на нежные слова. Потом сказала, что теперь они должны уйти и дать их другу отдохнуть. Скоро его переведут отсюда в отдельную палату.

– А кто будет за ним присматривать? – спросил Фрэнки.

– Я, – ответила Индия.

– Миссус, у него должно быть все лучшее, – сказал Томми. – Не скупитесь, мы заплатим.

Индия уже собиралась проводить их до двери, когда в помещение вошли. Один был в костюме, двое – в полицейской форме.

– Где здесь доктор Джонс? – спросил человек в костюме.

Индия едва успела ответить, как Фрэнки заорал на человека в костюме:

– Что вас сюда принесло, Дональдсон? Какие у вас дела в больнице?

– Мистер Беттс, пожалуйста, не... – попыталась вмешаться Индия.

– Так-так. Сид Мэлоун, Фрэнк Беттс по прозвищу Безумный Фрэнки и Томми Смит. И все – в одном месте. Какая удача. Мне явно повезло, – сказал Дональдсон. – Парни, вы арестованы.

Индия видела, как дернулся кадык Сиды. Его глаза открылись. Шум его разбудил.

– Прошу прощения, джентльмены, но вы не можете... – снова попыталась вмешаться она.

– Доктор Джонс, мне нужно несколько минут потолковать с вашим пациентом. – Дональдсон обошел Индию. – Ну что разлежся?.. Вставай! – рявкнул он, ткнув Сиды в бок.

– Послушайте меня! – крикнула Индия. – Здесь больница, а не отделение полиции. Мистер Мэлоун – мой пациент, и вопросы нужно адресовать мне, а не ему! – (Дональдсон и Беттс удивленно повернулись к ней.) – Мистер Мэлоун сейчас не в том состоянии, чтобы отвечать на какие-либо вопросы. Он опасно болен.

– Мэлоун уже стал мистером. Ему очень идет, – презрительно фыркнул Дональдсон, отошел от койки и вперился взглядом во Фрэнки. – Что ж, если я не могу допросить Сиды, придется отвечать тебе.

– Мне не о чем разговаривать с вами, – ответил Фрэнки.

– Да ну? И тебе нечего сказать про дельце, которое вы провернули в «Крепости»?

– Не понимаю, о чем вы, – пожал плечами Фрэнки.

Индия в очередной раз попыталась вмешаться:

– Мистер Беттс и вы, мистер Дональдсон, я должна вас просить...

– Кража и контрабанда оружия – опасное занятие, Беттс. Если бы ты пекся о собственном благе, то держался бы подальше от таких игр.

– Лучше бы своему папаше посоветовали.

– Да как ты...

Глаза Сиды вновь открылись, и он увидел, как разъяренный Дональдсон въехал Фрэнки по лицу. Сид попытался сесть, но не смог.

– Мерзавец, – прохрипел Сид.

Через мгновение поднос с медицинскими инструментами взмыл в воздух. За ним взлетел таз с содержимым, исторгнутым Фрэнки и Томом.

– Сукин сын! – заорал Дональдсон, которому блевотина забрызгала ботинки. – Я убью тебя, Мэлоун!

К этому времени Сид уже сидел на койке. Он сорвал с тела мокрые простыни и раскачивался, пытаясь спустить ноги на пол.

Индия не верила своим глазам.

– Прекратите! Немедленно прекратите! – закричала она. – Немедленно покиньте отделение! Все! Эванс, позовите санитаров.

Она подбежала к Сиду. Его глаза остекленели. Он начал бредить. В Королевской бесплатной больнице Индия изучала приемы обращения с психически больными. Она вытолкнула руки Сиды наружу и навалилась на него всем телом, придавив к койке.

– Лежите смирно! Вы все швы себе разорвете!

Он был намного крупнее Индии и отчаянно дергался.

– Фрэнки! Томми! – завопила она.

Друзья Сиды пришли ей на помощь. Втроем они кое-как смогли его унять. Прибежали три санитары. Они схватили мокрую простыню, сброшенную Сидом, положили на его грудь, а концы связали под койкой. То же санитары проделали и с его ногами. После этого Индия распорядилась принести шприц и успокоительное. Она не хотела применять сильнодействующее средство, но Сид не оставлял ей иного выбора. Появление полицейских сделало его неуправляемым. Недавно наложенный белый бинт быстро становился красным. Индия готовила дозу для инъекции. А Дональдсон продолжал говорить.

– Констебли, арестуйте этих людей! – приказал он.

– Арестовать нас? – взвился Фрэнки. – За что? Мы ничего не сделали!

– Вы не закрылись в установленное время.

– Мы... что?

– Сегодня «Баркентина» работала до четырех часов утра. Я отправил туда полицейских в штатском. Вы нарушили закон о лицензии.

– Шутить изволите!

– Попрошу подать наручники.

– Слушайте, Дональдсон! За такие нарушения берут штраф, а не отправляют в тюрьму! Вам ли не знать? – закричал Фрэнки.

– Это компетенция мирового судьи.

На мгновение стало тихо, затем Индия услышала возбужденный голос Томми:

– Фрэнки, не смей глупить! Ему это только на руку. Он хочет, чтобы ты его ударил. И тогда загребут всех. Потерпи немного. Боуси приедет и мигом нас вытащит. Не падай духом, парень.

Дональдсон подошел к койке Сиды. Индия только что закончила вводить успокоительное и вытащила шприц из его руки.

– Доктор Джонс, ему придется отправиться с нами. Он тоже арестован.

– Это исключено, – сказала Индия, прижимая тампон к месту укола. – Если вы стронете его с места, это его убьет. Тогда уже я добьюсь вашего ареста, сэр.

Дональдсон сердито снял с пояса наручники и приковал запястье Сиды к раме койки.

– Рид, – обратился он к одному из полицейских, – останетесь здесь и будете стеречь Мэлоуна.

Индия подняла голову. Ее глаза, ставшие ледяными, уперлись в глаза Дональдсона.

– Снимите наручники с моего пациента. Немедленно! – потребовала она.

– Увы, не смогу. Он может сбежать.

– Вы считаете, он может сбежать? В его-то состоянии? – резко спросила она.

– Выбор за вами, доктор. Он или останется здесь, но в наручниках, или отправится в тюремную камеру, где их не будет.

Возмущенная Индия повернулась к полицейскому:

– Советую не путаться у меня под ногами.

Когда успокоительное подействовало, Индия позвала санитаров, и они перенесли Сиду в отдельную палату. Констебля она туда не пустила, велев сидеть в коридоре. Присутствие полицейского не лучшим образом подействует на Сиду. Он по-прежнему бредил, дергая головой.

– Они меня преследуют. Они меня преследуют, – повторял он.

Индия не знала, как его успокоить. Она без конца повторяла, что с ним все в порядке и никто его не преследует. Она развязала простыни, которыми он был привязан к койке, сняла бинты и сердито покачала головой:

– Вы, никак, пытаетесь себя убить? Посмотрите, что вы наделали!

Индия обрезала нити поврежденных швов и наложила новые. Сид попытался было встать и сорвать наручники. Он напрягся изо всех остававшихся у него сил, отчего на шее проступили жилы.

– Прекратите, мистер Мэлоун! Ради бога, лежите спокойно!

Он повернул к ней голову, и в его глазах мелькнуло такое отчаяние, что у Индии перехватило дыхание. Она ненавидела избранный им жизненный путь и то, чем он занимался, но в этот момент вдруг прониклась сочувствием.

– Неужели в этом смысл вашей жизни? – спросила Индия. – В насилии? В вечной загнанности?

– Вам-то что? – вопросом на вопрос ответил Сид и снова рухнул на подушку.

Наложив новые швы, Индия еще раз измерила ему температуру. Никаких перемен. Придется опять давать хинин. Она взяла пузырек. Дверь палаты приоткрылась. Вошел доктор Гиффорд. За ним следовала Элла Москович, записывая его распоряжения.

– Добрый вечер, доктор Гиффорд. Добрый вечер, сестра Москович.

– Доктор Джонс, я завершил дела на сегодня. Заглянул по пути. – Он мельком взглянул на Сиду. – Слышал об этом молодце. Судя по виду, не жилец.

Внутри Индии вспыхнул гнев. Сид то терял сознание, то снова приходил в себя. Возможно, он слышал слова Гиффорда.

– Он силен и намерен бороться за жизнь. Я помогу ему, – громче, чем следовало, сказала Индия.

Если Сид слышал слова Гиффорда, возможно, услышит и ее слова.

– Хм... Что ж, дело ваше. На вашем месте я бы не стал тратить время на таких, как он. Хотя... если он умрет, тоже приятного мало. Тогда у нас будет две смерти за вечер и обилие писанины завтра.

– Двое? – переспросила Индия.

– Да. Мы потеряли Элизабет Адамс. Она умерла час назад.

Индия помнила эту женщину. Гиффорд поддерживал в ней уверенность, что она беременна, а у нее была опухоль. Индия хотела исследовать характер опухоли. Гиффорд запретил.

– От чего умерла миссис Адамс?

– Рак матки.

Индия не удержалась от восклицания.

– Опухоль была совершенно неоперабельной.

Индия кивнула. Большинство раковых опухолей в последних стадиях были неоперабельными, но ведь они не сразу становились такими. Если бы Гиффорд сразу, как только она

пришла к нему на прием, направил ее на операцию, сейчас миссис Адамс, вероятно, была бы жива и укладывала детей спать.

– Со временем, доктор Джонс, вы убедитесь, что не всегда можно руководствоваться правилами. Когда ваш опыт возрастет, вместе с ним появится и чутье на подобные случаи. Иногда куда милосерднее давать пациентам надежду вместо правды. Сестра Московиц, эти записи должны быть готовы к завтрашнему утру.

– Конечно, доктор Гиффорд, – ответила Элла.

Индия дождалась, когда смолкнут его шаги в коридоре, затем сердито повернулась к Элле:

– Я хорошо помню миссис Адамс. Она мне рассказывала о болях и жуткой усталости. В чем, спрашивается, проявлялось его милосердие?

– Успокойтесь, Индия...

– Это просто невыносимо. Он делает клятву Гиппократа посмешищем. Элла, клянусь Богом, все, что он говорит, его замшелые взгляды... В его присутствии я не чувствую себя врачом. Я себя чувствую... проституткой. – Последнее слово она произнесла шепотом.

– Лучше бы вы ею были. Тогда ваши заработки принесли бы нам намного больше денег. Кстати, сколько их в нашем фонде?

– Пятьдесят восемь фунтов и пять шиллингов, – со вздохом ответила Индия.

– Если вас уволят, у нас не будет даже этого. А деньги вам нужны, чтобы платить за жилье.

– Вы правы, Элла. Простите. Просто я очень рассердилась на него. «Иногда куда милосерднее давать пациентам надежду вместо правды», – повторила она, подражая высокопарной манере доктора Гиффорда. – Элла, а почему нельзя давать им и то и другое? Почему?

– Можно. Мы так и будем делать. Но не сейчас.

Индия сокрушенно кивнула.

– Знаете, когда я в первый раз шла к нему на собеседование, мне говорили, что он настоящий праведник. Набожный человек. Представляете?

Темные глаза Эллы озорно сверкнули.

– Он и в самом деле набожен, Индия. Вот только Богом он считает... себя.

Индия невольно засмеялась. Элла умела ее рассмешить. Шутки медсестры успокаивали Индию, позволяя выбрасывать из головы все посторонние, будоражащие мысли и сосредотачиваться на работе.

– Кто это на койке? – спросила Элла.

– Сид Мэлоун.

– Вы шутите?

Индия ответила, что нет, и вкратце изложила причину появления Сида у них в больнице.

Элла сразу прошла к койке, взяла Сида за руку и крепко пожала.

– Gott in Himmel¹¹, – сказала она. – К чему катится мир, когда взрослые мужчины весь день валяются в постели?

– Элла? Это ты? – прохрипел Сид.

– Тсс... Лучше помолчи.

– Только не с тобой, дорогуша.

– Отдыхай. Ты в хороших руках. Можно сказать, в лучших. Только молись, чтобы моя мамочка не прознала, где ты. Она немедленно явится и притащит с собой столько куриного бульона, что у тебя вырастут перья. Постарайся уснуть. Это сейчас тебе нужнее всего.

Сид кивнул. Элла пошла к двери палаты.

– От него жар идет, как от паровой трубы. Надеюсь, он выкарабкается. Сид – хороший парень.

¹¹ Боже на небесах (нем.).

– Сид Мэлоун? Хороший парень? – удивилась Индия.

– Лучше многих.

– Элла, а вы-то откуда знакомы с Сидом Мэлоуном?

– Он питается в нашем ресторане. Он и его ребята. Однажды к нам заявила шпана. Рослые, квадратные. Мы сразу поняли: пришли поиздеваться. Четверо их было. Они нарочно толкнули Янки, и он уронил поднос. Потом оскорбили моих родителей. А затем велели Позы подойти и сказали ей, что она грязная жидовка. Сказать такое малышке, которая и мухи не обидит. – Элла тряхнула волосами, и Индия увидела, что ее глаза полны ярости. – В тот день Сид у нас обедал. Вдвоем с Фрэнки. Он попросил мою мать увести Позы наверх, а потом они с Фрэнки вытолкали этих лбов на улицу и отделали по первое число.

– Двое против четверых?

– Вы когда-нибудь видели Сиды в драке? – улыбнулась Элла. – С тех пор они больше не появлялись. И им подобные – тоже. Что вы смотрите на меня так, будто я самая отъявленная вурья во всем Уайтчепеле? Клянусь, так оно и было.

– Я вам верю. Я просто удивлена.

Элла пожала плечами:

– Он не злодей. Он хороший человек, который порой делает плохие дела... Вы одна справитесь? Может, помощь нужна?

– Спасибо, я справлюсь, – ответила Индия.

Был восьмой час вечера. Индия знала, что рабочий день Эллы начался в шесть утра. Усталость на лице не скроешь за улыбкой.

– Тогда не буду отвлекать. До завтра.

– Спокойной ночи, Элла.

Индия вернулась к койке Сиды и в который раз проверила его состояние. Улучшения не наступало. Скрестив руки на груди, Индия обдумывала, как быть дальше. Холодная ванна из мокрых простыней или порция хинина? Может, то и другое? Сид снова заметался и забормотал.

– Фи, – прошептал он. – Где ты, Фиона?

Бессвязный бред на фоне стабильно высокой температуры, подумала Индия.

– Придется еще раз угостить вас хинином, мистер Мэлоун, – сказала она, готовя дозу. – После этого вам станет лучше. Зачем же множить писанину для бедняги доктора Гиффорда?

Глава 12

Коротышка Сюзи Донован, колоритная мадам «Тадж-Махала», уперла руки в широкие бедра и нахмурилась:

– Чем тебе не понравилась Адди? – (Фрэнки пожал плечами.) – Фрэнки, ну что ты привередничаешь? Она же свеженькая! Юная. Чистенькая. Сиськи остренькие, торчат вверх, как бычья рога. А ты тут сидишь и киснешь над пивом. Веди ее наверх. Ты мне уже все печенки проел своим нытьем.

– Не могу я. Душа у меня не лежит.

– При чем тут душа, парень? Тут кое-что другое требуется. Посмотри на Боуси, – сказала Сюзи, указывая на толстого мужчину, поднимавшегося по лестнице в сопровождении двух девиц. – Он ведь миглом примчался. Тебе бы праздновать, что дешево отделались, а не нюни распускать. Вас выпустили?

– Да, выпустили, – угрюмо согласился Фрэнки.

По сути, они и до тюрьмы-то не доехали. Со времени ареста Фрэнки и Томми не прошло и часа, а Гарри Боус, юрист Фирмы, уже примчался в отделение полиции Уайтчепела. Он потребовал, чтобы его допустили к задержанным. Фрэнки рассказал ему, как все было.

Боус слушал и хмурился. Он прошелся по коридору, затем, увидев подбитый глаз Фрэнки, спросил:

– Как тебя угораздило?

– Дональдсон заехал.

Боуси улыбнулся:

– Где?

– В больнице.

– Кто-нибудь видел?

– Томми.

Боуси выпучил глаза:

– Я спрашиваю про того, кому бы поверил мировой судья.

Фрэнки задумался.

– Докторша видела. Она рядом стояла.

– Замечательно! – обрадовался Боус. – Я скоро вернусь. Жди здесь, – усмехнулся он, постучав по прутьям решетки. – Никуда не уходи.

– Очень смешно, – огрызнулся Фрэнки.

Через полчаса Гарри Боус вернулся в сопровождении рассерженного констебля.

– Ты свободен, – объявил адвокат, глядя, как полицейский открывает камеру. – Заплатишь штраф за нарушение правил работы паба, и только. Никаких формальных обвинений. Сейчас Дональдсон отправит одного полицейского в больницу, чтобы снять наручники с Сиды.

– Боуси, ты просто бесподобен! Как тебе это удалось? – спросил ошеломленный Фрэнки.

– Я ему сказал: если он продержит вас здесь еще хотя бы минуту, я выставлю ему иск о рукоприкладстве. Сказал, что мне известны обстоятельства и есть свидетели. Пообещал вызвать доктора Джонс для дачи свидетельских показаний.

Возле выхода из участка они наткнулись на Дональдсона. Фрэнки уже собрался открыть рот, но Боуси схватил его за рукав.

– Ни слова, – прошептал адвокат, выведя его наружу.

– Как это «ни слова»? Боуси, ему никто еще не говорил, какая он задница? Так я скажу! – заявил Фрэнки.

– Послушай меня, Фрэнки, тебе и остальным ребятам в ближайшее время придется быть очень осторожными.

– Говори яснее!

– Ходят слухи, что досточтимый мистер Литтон вознамерился арестовать Сиды за «Крепость». Но у него нет ни доказательств, ни свидетелей. Поэтому он и полиция будут искать малейшую зацепку, чтобы сцапать нашего парня. Будьте осторожны. Никаких опрометчивых поступков. На этот раз вам повезло. В другой может не повезти.

– Проснись же! – Сюзи щелкнула пальцами перед Фрэнки. – Поднимайся наверх.

Но настроения кувыркаться в постели у Фрэнки не было. Его радовало, что стараниями Боуси их так быстро выпустили. Однако радоваться по-настоящему, зная, каково сейчас Сиды, он не мог. Состояние Сиды тревожило его сильнее, чем этот недолгий арест.

– Сюзи, хватит меня дергать. Как ты это себе представляешь? Я буду тискать девчонку, а думать о том, что мой хозяин умирает в больнице?

– Ты когда-нибудь прекратишь? Сид не умирает.

– Ты его не видела! Он просто погибает. Напрасно я его послушался. И Томми еще подпевал. Надо было сразу брать его в охапку и везти к врачу.

– Выкарабкается он. Сид слеплен из крепкого теста. Он выжил на лондонских улицах. Скольких парней обломал у Денни Куинна. Не сломался в тюрьме. А сколько стычек было у него с полицейскими, Шиханом Котелком, Билли Мэдденом и еще черт знает с кем. Столько пройти, чтобы загнуться на больничной койке? Не верю.

Фрэнки уставился на недопитое пиво:

– Сюзи, у меня никого нет, кроме него. Если с ним что случится, я просто не знаю, как жить дальше.

Сюзи сочувственно кивала. Она знала историю Фрэнки. Да и все остальные – тоже.

Сид спас Фрэнки жизнь. Осиротев в десять лет, мальчишка попал в рабочий дом, откуда через месяц сбежал. Потом почти два года жил на улицах. Правильнее сказать, выживал. К тому времени Фрэнки освоил ремесло карманника и был успешным воришкой. Но однажды он залез в карман Сиды. Фрэнки и понятия не имел, что лезет в карман к самому Мэлоуну, иначе не посмел бы. Он пустился наутек, одолел половину улицы и уже радовался удаче, когда Сид его настиг, поднял в воздух и практически зашвырнул внутрь «Баркентины». Никогда еще Фрэнки не молился так истово. Не о спасении шкуры. Он понимал, что его песенка спета. Фрэнки молился о том, чтобы Мэлоун оборвал его жизнь быстро и без мучений.

Но вместо расправы Мэлоун повел с ним разговор. Сид признался: если бы не сунул руку за бумажником, так бы и не узнал, что бумажник украли. Он попросил Фрэнки повторить трюк. Фрэнки повторил, и изумленный Сид признался, что ничего не почувствовал.

– А у тебя талант, парень, – сказал он Фрэнки. – Умеешь работать чисто.

Эти слова Фрэнки помнил по сей день и дорожил ими.

Потом Сид попросил его рассказать, кто он и откуда. Выслушав, махнул Дези, чтобы принес еды. Спустя час Фрэнки, готовившийся в покойники, был по-прежнему жив. Мало того, он наелся до отвала и обрел крышу над головой, получив койку на чердаке «Баркентины».

Это было шесть лет назад. Сейчас ему стукнуло восемнадцать, и он давно не вел жизнь озябшего, голодного уличного мальчишки. Видя его, люди торопились отойти в сторону. Владельцы пабов, куда он заходил, учтиво спрашивали, чего он желает съесть и выпить. Портные снимали с него мерку, чтобы сшить одежду по фигуре. Парикмахеры его стригли и брили. Для друзей он был Безумным Фрэнки, но для остальных – мистером Беттсом.

Сид подарил ему совершенно новую жизнь. Интересную, полную событий и приключений. У Фрэнки появилась работа, куча денег и нечто вроде семьи. Сид сделал его членом своей команды – одним из крепких ребят, которых боялись и уважали. Однако для Фрэнки куда важнее было внимание Сиды к нему. Интерес. Сид взялся его учить. Начал с малого: с умения вскрыть сейф, отомкнуть хитроумный замок, собрать сведения о доме, который собирались ограбить. Потом предметы стали серьезнее. Умение приобретать и удерживать власть. Умение разбираться в людях и выбирать тех, кому можно доверять. Не сразу, но Фрэнки все же уразумел: крепкие кулаки – только часть общей картинки. Другая ее часть – умение применяться к обстоятельствам и быстро соображать.

Учеба давалась Фрэнки нелегко. Какое-то время казалось, что он шагу не может ступить, чтобы не ввязаться в драку. Дези врачевал ему сломанный нос, разбитую челюсть, ухо, которое едва не оторвали. Фрэнки помнил, как однажды ночью сидел у стойки с распухшей физиономией и едва видел заплывшими глазами. Дези наливал ему виски, чтобы унять боль. Сид присел рядом и спросил, с кем и из-за чего он сегодня сцепился. Фрэнки рассказал, как один из парней Билли Мэддена косо посмотрел на него. А потом... среди опрокинутых столов замелькали кулаки.

Мэдден контролировал лондонский Вест-Энд. Собирал дань с публичных домов и игорных притонов и не брезговал грабежом богатых особняков. На этом сколотил круглую сумму, но жаждал большего. Он хотел прибрать к рукам и Восточный Лондон со складами, причалами и громадными богатствами, плывущими по реке. Мэдден постоянно отправлял туда своих парней, так сказать на разведку. Фрэнки от этого зверел.

Сид выслушал его рассказ, потом сказал:

– Но причина-то не в парнях Мэддена, правда? Их слова и делишки не имеют особого значения. Причина в тебе, Фрэнки. Ты сердит. Фактически не знаешь удержу своему гневу. Он терзает тебя изнутри, делает полубезумцем. Так?

Слыша это, Фрэнки чувствовал, будто Сид заглянул ему в самую сердцевину. Увидел пьяную мать, которая погибла, споткнувшись перед проезжавшей каретой. Увидел начальницу работного дома, избивавшую его до бесчувствия. Увидел тамошних мальчишек, укравших у него еду, башмаки, одеяло. Ответить Сиду он не мог. Распухший язык не ворочался во рту.

Сид и не требовал ответа. Он встал и похлопал Фрэнки по плечу:

– Хочешь отомстить за обиду? Тогда учись управлять своим гневом. Не позволяй ему управлять тобой.

Фрэнки старался. Теперь ему удавалось контролировать гнев. Не всегда, но большую часть времени. Он начал смотреть на события так, как смотрел на них Сид. Иногда лучше сидеть и помалкивать. Пусть какой-нибудь дурак бахвалится, что спер пять фунтов, и попадает в тюрьму. А ты выходишь из укромного местечка вроде «Крепости» с двумя тысячами в кармане. Этого молодца сгрибчили, поскольку нашлась куча свидетелей. Зато ты обделал все так чисто, что полицейские только в затылках чешут.

Фрэнки слушал и учился. Ответом на заботу Сида стала его преданность и... любовь, хотя Фрэнки никогда не произносил это слово. Сид стал для него всем: отцом, братом, хозяином, другом. Для Фрэнки не было большего счастья, чем находиться рядом с Сидом. Скажем, вскрывать замок. Или взламывать сейф. Или обсуждать новое дело. Это была настоящая жизнь.

А затем Фрэнки подвела самоуверенность, и он едва все не погубил. Не выдержав, он опять сцепился в парнями Мэддена. Дело было в пабе. Фрэнки учинил там такой разгром, что владелец вызвал полицию. Фрэнки арестовали, посадили в Дептфорд. Ему светил ощутимый срок по полудюжине разных обвинений. Фрэнки рассчитывал на помощь Сида, но с воли сообщили: Сид пришел в ярость и отказался помогать. За день до суда дверь его камеры вдруг распахнулась и ему велели убираться. На улице его уже ждал Сид, и они поехали прямо в «Баркентину». Паб встретил Фрэнки тишиной и пустыми столами. Не было даже Дези. Фрэнки это показалось подозрительным. Он не помнил, чтобы «Баркентина» пустовала.

– Не думал я, что ты непроходимо глуп. Я ухлопал тысячу поганых фунтов, чтобы тебя вытащить, – сказал Сид.

– Прости, хозяин. Я не знаю, как...

Сид не дал ему договорить.

– Видел, как ты ухмылялся, когда тюремщики выводили тебя на улицу. Думаешь, тюрьма – это забава? А если бы меня не оказалось рядом или я бы не сумел подмазать мирового судью? Где бы ты сейчас сидел? Не здесь. Ты бы куковал в Уандсворте. В настоящей тюрьме, Фрэнки.

Сид снял пиджак, положил на стол. Потом стал расстегивать рубашку. Фрэнки не сразу понял, зачем он это делает. Потом мелькнула догадка: Сид не хотел забрызгать одежду кровью.

– Хозяин, не бей. Пожалуйста. Такое не повторится. Клянусь! – взмолился Фрэнки.

Сид молча расстегнул последнюю пуговицу, снял рубашку и положил рядом с пиджаком. Фрэнки видел широкую грудь Сида, под гладкой белой кожей играли мускулы. Сид посмотрел Фрэнки в глаза. Сурово, как никогда не смотрел до этого, затем повернулся спиной... Фрэнки едва удержался, чтобы не вскрикнуть.

Спина Сида была испещрена страшными узорами красных рубцов. В одних местах их ткань была плотной и узловатой, в других – настолько тонкой, что под кожей просвечивали ребра.

– Боже мой! – только и мог прошептать Фрэнки.

– Плетка-девятихвостка, или кошка. Исполосовала мне кожу в лоскуты. Приговаривали к десяти ударам. Надзиратель вломил тридцать.

– Почему?

– Потому что так хотел, и ему никто не мог помешать. Закончив ходить плеткой по спине, он бросил меня в карцер. На голый пол. Подстилки там не полагались. Со стен вода капала. Никто не думал, что я выдержу. Этот мерзавец сказал, что уже заказал мне гроб. – Сид надел рубашку. – Запомни то, что видел, Фрэнки. И запомни еще: шрамы, которые тюремщики оставляют у тебя на коже, – ничто по сравнению со шрамами внутри.

Фрэнки хотел спросить Сиду о внутренних шрамах. Хотел узнать, почему Сиду ночами не спится и он бродит по улицам, пока не устанет. Почему Дези иногда застает его спящим на стуле возле очага, но редко в постели. У Фрэнки было много вопросов к Сиду. Его интересовало, имеют ли шрамы Сиды какое-либо отношение к деньгам, которые он раздавал каждому нуждающемуся прикурку. И если Сид ненавидит деньги, как тогда ему не противно смотреть на пачки купюр, которые загромождают стойку бара после каждой их работы? Фрэнки захлестывали вопросы, однако что-то в глазах Сиды не позволяло их задавать. Вместо вопросов он пообещал еще сильнее заняться своим характером и больше не попадать в тюрьму. И до сих пор ему это удавалось.

Рука Сюзи легла ему на плечо.

– Попомни мои слова. Не успеешь глазом моргнуть, как Сид выкарабкается. И вы заявитесь сюда всей гурьбой. Будете охотиться на моих девочек и не подпускать полицию к заведению.

– Ты так думаешь?

– Я просто знаю. А пока займись чем-нибудь. Наведайся к «Крепости», посмотри, не забыл ли чего. Потряси Тедди Ко. Работа освобождает мозги от тревожных мыслей.

– Так я и сделаю. Та-ра, дорогуша.

– И не возвращайся, пока снова не начнешь улыбаться, – предупредила Сюзи. – Вытянутые лица мешают доходам. Не то придется огорчить Сиду и сказать, что на этой неделе я в прогаре.

– Дорогая, ты каждую неделю в прогаре¹², – сказал Фрэнки, поцеловав ее в макушку.

– Так я тебе и поверила! – огрызнулась Сюзи.

Фрэнки буквально выскочил из «Таджа». Сюзи была кругом права. Сид – парень из крепкого теста, а ему нужно чем-то себя занять. Сид в больнице не залежится, а когда выйдет, Фрэнки ему покажет, что даром время не терял. Пусть хозяин убедится, что Фрэнки Беттс умеет не только замки открывать и сейфы взламывать. У Фрэнки крепкие кулаки, но он может и головой думать.

Он утрет нос Элвину Дональдсону. И этому идиоту Литтону. Ишь, придумали: запихать его в тюрьму за то, что вовремя «Баркентину» не закрыл. Он им устроит настоящее преступление. Это он им обещает, и за ним не заржавеет.

Фрэнки зашагал на юг, к реке. Нет, к «Крепости» он еще долго не подойдет. И Тедди Ко пока у них на хорошем счету. Этим вечером он займется новыми перспективами.

Через полчаса Фрэнки подошел к месту, обещавшему новые перспективы, – к складу «Марокко», расположенному в Уоппинге, на Хай-стрит. Здание было внушительным и казалось недоступным. А он вовсе и не собирался туда вламываться. Он лишь хотел поговорить с тамошним сторожем – престарелым Альфом Стивенсом.

Сид всегда обходил склад «Марокко» стороной. Причин он не называл. Скорее всего, их попросту не было. Во всяком случае, так думалось Фрэнки. Там хранились товары богатенькой компании «Монтегю». А принадлежала эта процветающая компания человеку по имени Джо Бристоу, у которого в Лондоне магазины на каждом углу. Фрэнки слышал, что Бристоу родом

¹² Непереводимая игра слов. Сюзи и Фрэнки оба произносят слово «short», которое может употребляться как в значении «недостача, нехватка чего-либо», так и в значении «короткий», то есть Фрэнки ей отвечает: «А ты была и остаешься коротышкой».

из Восточного Лондона. Тем лучше. Поймет, что безопасно вести дела... тоже денег стоит. Словом, давно пора заставить Бристоу платить их Фирме.

Глава 13

Должен же существовать способ оборвать все это. Способ умереть.

Должно же существовать внутри человека нечто, соединяющее тело с душой. Рукоятка какая-нибудь, зажим или замок. То, что можно повернуть или отодвинуть, разъединив тело и душу.

Если бы мне удалось найти этот замок, думал Сид.

Он тонул в море боли. Вокруг плескались красные волны, неся его на своих гребнях и постепенно погружая в глубину.

Сид почувствовал чью-то руку, вытаскивающую его из моря. Чьи-то пальцы у себя на запястье. Он услышал голос. Женский. Раздававшийся издалека.

– Озабочена, – произнес голос. – Угроза. Сепсис.

– Отпустите меня, – прошептал ей Сид. – Освободите меня. Пожалуйста...

– Тсс...

Потом эта маленькая сильная рука прижалась к его сердцу.

Это было позже, намного позже. Несколько дней назад. Или недель. А может, и минут. Сид не знал. Он по-прежнему слышал шум воды. Но не морской. То были струи дождя, хлещущие по стеклу. Сид не знал, настоящий это дождь или его галлюцинация.

Он открыл глаза и увидел ее. Доктора. Она всматривалась в его лицо. У нее были серые глаза. Светло-серые, мягкие, как крыло чайки.

– Где я? – спросил Сид.

– В больнице. У вас серьезная рана. И болезнь у вас тоже очень серьезная.

В больнице. Паршивая новость. Больница мигом выдаст тебя полицейским. Кто-то снял с него наручники, но Дональдсон в любую минуту может вернуться. Или Литтон. Сид не доверял этому месту. И ей не доверял.

– Дайте мою одежду. Я уйду, – заявил он и попытался сесть, но боль накрыла его, как приливная волна, снова швырнув на койку.

– Не делайте этого, – сказала врач.

Он почувствовал у себя во рту термометр.

Доктор засекла время, вытащила термометр и объявила:

– Сто пять. Уже лучше. Возможно, мы сумеем согнать температуру.

– Зачем вы это делаете? – резко спросил Сид.

– Проверяю, как отступает ваша лихорадка.

– Я не про это, – покачал он головой. – Зачем вы мне помогаете?

– Потому что, мистер Мэлоун, я врач. Это моя работа. А сейчас потерпите. Мне нужно сделать вам укол.

Игла проткнула ему кожу. Вокруг разлилось тепло. Боль немного отступила. Сид едва не заплакал, так он был благодарен этой женщине.

– Сделайте еще один укол. Пожалуйста, – попросил он.

– Сейчас не могу. Только через несколько часов.

– Который теперь час?

– Начало десятого. Следующий укол я смогу вам сделать только в полночь.

Она встала, приготовившись уйти.

– Еще три часа? Я не выдержу. Куда вы уходите? Поговорите со мной.

– Поговорить с вами? Не могу. Я должна...

Он схватил врача за запястье, удивив ее. Он совсем не хотел ее пугать. Но ему было страшно. Очень страшно.

– Пожалуйста, – сказал Сид и снова попытался сесть.

– Мистер Мэлоун, извольте лечь!

– Так вы останетесь?

– Хорошо, я останусь, но только если будете лежать.

Он согласился.

– Расскажите мне что-нибудь. Что угодно. Просто чтобы была тема разговора. Например, как вы стали врачом.

– Вы взвоете от скуки, – устало рассмеялась она.

– Ничуть. Я хочу знать.

Дверь палаты приоткрылась.

– Доктор Джонс, вот говяжий бульон, о котором вы просили. И еще сестра Абель подумала, что вам самой не помешает чашка чая.

– Поблагодарите ее от моего имени. И вам спасибо.

Девушка оставила поднос на столике возле койки Сиды и ушла. Ему показалось, что она вот-вот присядет в реверансе. Медсестра с восхищением смотрела на врача, а врач этого даже не замечала.

– Выпейте немного бульона.

– Не могу. Меня сразу вырвет. Поговорите со мной... пожалуйста.

– Мистер Мэлоун, вы всерьез хотите слушать про учебу в медицинской школе? Я, наоборот, стараюсь удержать вас от впадения в кому, а не толкать туда.

– Разговор... ваш голос... он отвлекает меня от боли.

– Так сильно болит? – спросила она, озабоченно морща лоб.

– Жуть полнейшая.

– Хорошо. Но тогда пусть это будет услуга за услугу. Я расскажу вам свою историю, а затем вы расскажете свою.

Сид кивнул. Сейчас он согласился бы на что угодно. Врач села у изголовья койки и начала рассказывать. Она смущалась, часто запинаясь, а один раз даже остановилась и призналась:

– Самой не верится, что я рассказываю о подобных вещах. Раньше я никому про это не рассказывала.

– Почему?

Она ненадолго задумалась.

– Никто и не спрашивал.

Прошло еще несколько минут. Она заговорила о том, каково это: в восемнадцать лет, одной, оказаться на Хантер-стрит, на ступенях крыльца Лондонской медицинской школы для женщин. Хмурое выражение лица исчезло, разгладились морщины на лбу. Она рассказала Сиду, как получила свой первый «неуд» по химии и первое «отлично» по диагностике. Рассказала о нескончаемых вечерах в библиотеке, о первом вызове на дом, когда стажировалась в Королевской бесплатной больнице. Рассказала и об отношении студентов-мужчин, которые всячески поносили и смешивали с грязью ее и таких, как она, поскольку считали, что женщинам нечего соваться в медицину. Сид просил поговорить с ним, чтобы отвлечь разум от боли, но, к своему удивлению, его заинтересовал рассказ доктора. И она сама заинтересовалась, чего он совсем не хотел.

Доктор Джонс рассказывала Сиду об ощущениях, возникавших, когда осматриваешь пациента, говоришь с человеком, который в тот момент корчится от боли; как нелегко бывало завоевать доверие. Иные пациенты поначалу даже прикасаться к себе не разрешали. А доверие к врачу – самое ценное. И какая это неописуемая радость, когда твой больной начинает выздо-

равливать, как здорово сражаться за чью-то жизнь. Сид внимательно наблюдал за ее лицом. Исчезла прежняя сдержанность. Лицо доктора Джонс оживилось и засияло.

Сид хотел знать, как она не боится брать в руки скальпель и делать то, что делала с ним, когда его привезли в больницу. Оказалось, в первый раз она дрожала от ужаса, потому что видела человека, а не поврежденное место. Но с годами она научилась сосредоточиваться на повреждениях и теперь видела только опухоли, грыжи и прободения.

– Скажите, а на ком вы учились резать?

– Мы учились на трупах. На трупах людей, собак, свиней. На любых, которые удавалось заполучить.

– Не верится что-то.

– А на ком, по-вашему, мы должны были учиться? На живых людях? И они будут терпеливо лежать, позволяя полосовать себе тело? Знаете, трупы не самое страшное. Все зависит от степени их разложения. Самые свежие трупы доставались студентам-мужчинам. А наша школа получала уже порядком разложившиеся. Когда их вскрываешь, внутри все скользкое. Скальпель не вонзается в ткань, а прыгает. И швы накладывать трудно. Нить вдавливается в ткань и прорывает ее. У живого человека ткани крепче и эластичнее.

– Жуть какая! Пожалуйста, дальше не надо.

– Извините, мистер Мэлоун. Потому я особо и не рассказываю о своей работе. Просто на меня нашло. Не смогла удержаться.

– Держу пари, что вас охотно приглашают на званые обеды.

– Не очень, – засмеялась она.

– А что вы чувствуете, когда ваш пациент откидывает копыта? – спросил Сид, стараясь дать ей хоть какую-то тему для разговора.

Красная водная стена нарастала. Он знал, если волна накатит снова и понесет, ему уже будет не выбраться на поверхность.

– У меня таких случаев не было. Я не потеряла ни одного.

– Значит, я стану первым.

– Не станете.

Какая самоуверенность!

– Откуда вы знаете?

– Оттуда, мистер Мэлоун, что каждая болезнь – это битва. Сражение человека – прекраснейшей, сложнейшей, чудеснейшей машины, которой нет равных, – с одноклеточным паразитом. С бактерией. У бактерии нет разума, души, сознания, цели и смысла. Неужели вы хотите, чтобы вас одолел такой противник? Я бы не хотела. И он вас не одолеет.

Серые глаза доктора Джонс сверкали страстным огнем. Сид заглянул в них и на мгновение увидел ее душу. Ее суть. Смелую, яростную женщину с непростым характером. Упрямую, нетерпеливую и добрую. Настолько добрую, что она сидит, забрызганная чужой кровью и блевотиной, кричит на опасных людей и, не считаясь со временем, спасает таких, как он. Сид понял: перед ним редкая женщина, столь же редкая, как роза среди снега.

Он хотел рассказать ей об увиденном. О том, что когда-то и его окружали добрые, хорошие люди. Давно это было. Но Сид сдержал порыв. Еще подумает, что он бредит. И тогда он попросил:

– Расскажите, почему это случилось.

– Что случилось?

– Почему вы стали врачом.

– Я... – начала она и осеклась, покачав головой.

Нет. Этого она не расскажет.

– Тогда сделайте мне новый укол, – сказал он. – Одно из двух. Выбирайте.

– Боль усилилась?

Сид неохотно кивнул. Он чувствовал свою беспомощность и полную зависимость от этой женщины, что его бесило. Он не позволял себе быть зависимым от кого-либо. Никогда и ни в чем.

Доктор Джонс пощупала его пульс и нахмурилась.

– Укола не будет?

– Пока нет.

– Тогда рассказывайте. Когда-то давно жила-была... – подсказал он начало.

Она повернула голову к окну, за которым хлестал дождь, но Сид понял: она сейчас видит другое окно и другое место.

– Когда-то давно жила-была девочка, и жила она в Уэльсе, в прекрасном замке Блэквуд.

– Я же пошутил насчет «жила-была». Я хочу не сказку, а настоящую историю.

– Лежите спокойно, и я расскажу вам настоящую историю.

– Тогда продолжайте.

– Сам замок не был веселым местом, но вокруг простирались густые леса, журчали ручьи, высились черные холмы. И у девочки была целая компания замечательных друзей, с которыми она играла. У нее была сестра Мод, двоюродный брат Уиш, а также друзья Фредди и Бинг. В эту же компанию входили дети местного егеря: его дочь Би и сын Хью. Дом Хью и Би стоял в лесу. Девочка любила приходить к ним в гости. Их мама, милая улыбчивая женщина, рассказывала сказки у очага. А на столе всегда был чай с печеньем. Так они и росли вместе: девочка и ее друзья, и были они, как говорят, не разлей вода.

– А потом появилась злая ведьма? Или волк?

– Нет, мистер Мэлоун. Не было там ни ведьмы, ни волка. Зачем нужны придуманные чудовища, когда в мире полным-полно настоящих?

Эти слова были нацелены в него. Она косвенно назвала его чудовищем. Сквозь боль пробился гнев. Кто она такая, чтобы его судить? И какое ему дело до ее мыслей о нем? Сид хотел попросить ее уйти, но не смог. Ее голос был единственным, что не позволяло боли взять его за горло.

– Но дети выросли и покинули свой лесной дом. Хью стал конюхом в замке, а Би – горничной.

– А кем стала девочка?

– Печальной и никчемной узницей, приговоренной к ношению корсета и платьев.

– Не очень-то счастливая история.

– Вполне согласна. Боюсь, дальше будет еще печальнее. Когда Би исполнилось шестнадцать, она влюбилась. В кого – не сказала ни мне, ни остальным. Мы думали, сочиняет она, водит нас за нос.

Сид заметил, что теперь разговор шел от первого лица. Голос Индии погрузнел, а взгляд стал отсутствующим. Сид смотрел в ее глаза, и пока они были рядом, он оставался над болью и красными волнами.

– Однажды я пришла в конюшню – поболтать с Хью – и застала там Би. Она плакала. Потом вдруг сказала, что у нее будет ребенок. Отец – парень из соседней деревни. Стоило ей заикнуться о ребенке, он исчез неизвестно куда. Я хотела ей помочь и предложила подождать. Вместе мы что-нибудь придумаем. Но Би очень боялась, что о беременности узнают ее родители. И мои. Она работала у моего отца. Если он узнает – тут же прогонит ее из замка.

Индия глотнула остывшего чая и продолжила:

– У моей матери были два очень дорогих и ценных парных гребня. Один затем появился в лавке местного старьевщика. Думаю, старьевщик не обрадовался, а сильно перепугался. Он сообразил, какова настоящая цена этой штучки и чьи инициалы выгравированы на гребне. Он заявил в полицию и описал приметы молодого парня, принесшего ему гребень. Это был Хью. Полиция искала его, но не смогла найти. А я нашла. Я нашла его в нашем тайном месте – в раз-

валинах старого дома. То место входило в число земель, принадлежащих моему отцу. Там же я увидела и Би. Она лежала на полу. Хью соорудил ей постель из конских попон. Они оба были забрызганы кровью. Кто-то сделал ей аборт... Иные мясники туши разделявают аккуратнее. Хью украл гребни, чтобы заплатить за эту варварскую операцию. Увидев меня, Хью потребовал уйти, но я сказала, что не оставлю Би. Ей нужен был врач. Я попросила его через полчаса принести сестру к воротам. Потом пошла в конюшню и дождалась, пока старший конюх не отправится на обед. Тогда я запрягла лошадь в одну из наших двуколок. Хью поднес Би, я укрыла их обоих попонами, и мы без остановок помчались в Кардифф, где находилась ближайшая больница. С нами поехал Фредди.

Индия умолкла и покачала головой.

– Я отчаянно сглупила, не взяв денег. Мать внушала мне, что благовоспитанные юные леди не должны носить с собой деньги. Пришлось найти ближайшую лавку ростовщика и продать мои сережки. Мы довезли Би до больницы, но... мертвой. Там сразу вызвали полицию. Я испугалась за Хью. Мы решили поскорее выбраться из больницы, но заблудились. – Она невесело рассмеялась.

– Почему вы смеетесь?

– Мы очутились в легочной палате. В легочной! Куда ни глянь – повсюду лежали шахтеры, умирающие от легочных болезней.

– Я что-то не понимаю.

– Простите. Я думала, вы знаете. Многие знают. Мой отец – лорд Бернли. Он владеет половиной угольных шахт Уэльса. Большинство умирающих в той палате работали на его шахтах. А может, все. Мы видели тридцатилетних мужчин, внешне напоминавших столетних стариков. Дети шахтеров страдали от туберкулеза. На одной кровати лежала девочка лет шести. Она кашляла кровью. Ее простыня вся была в пятнах крови. Одна женщина узнала меня. На мне был плащ переливчатого синего цвета. Мать купила его в Лондоне. Женщина плюнула в меня и сказала, что за эту дорогую одежду заплачено жизнью ее мужа.

Индия замолчала, не в силах продолжать.

– Теперь понятно, почему вы стали врачом. Из-за Хью, егерского сына.

Его голос прозвучал резко и насмешливо. «Не смей», – одернул он себя, но было поздно. Слова уже вылетели.

Индия уловила эту резкость и вздрогнула, вдруг став хрупкой и беззащитной.

– Сама не представляю, зачем я вам все это рассказала. Должно быть, только нагнала на вас скуку. Простите меня, мистер Мэлоун. – Она встала.

– Подождите. Что с ним случилось?

– Его арестовала полиция, – сказала она, собирая чашки.

– Это уж как пить дать! – фыркнул Сид. – Ваш отец обвинил парня в краже. И даже возврат гребней не помог.

– Отцу вернули только один гребень. Хью утверждал, что второго он не брал, но ни отец, ни полицейские ему не поверили.

– А вы?

– Я поверила и продолжаю верить.

– Он любил вас?

Чашка выскользнула из рук Индии, с шумом упав на поднос.

– Этот вопрос относится к числу сугубо личных.

– А вы любили его. – (Индия промолчала.) – Но сейчас вы почему-то не с ним.

– Вы угадали, мистер Мэлоун. Я не с ним, – глухо ответила она, берясь за ручки подноса.

– Бедный красавчик! Поди корячится сейчас на шахте и сохнет по вам. Но я никак не могу представить, чтобы доктор Джонс, она же леди Индия, вышла замуж за арестанта.

– Хью умер, мистер Мэлоун. В тюрьме. От тифа.

Глумливый ты придурок, сказал себе Сид.

– Черт побери! Я... простите, пожалуйста. Я не знал. И не думал...

– Естественно, вы не знали. Трудно представить обратное.

Занавес опустился. Открытое, сияющее лицо снова исчезло. И все из-за него. Он нарочно сказал такие слова, чтобы задеть ее. Отомстить за то, что задела его. Назвала чудовищем. Разве она это говорила? Может, он сам все придумал? Сид разозлился на самого себя. Ему снова захотелось извиниться и попросить ее остаться, рассказать еще что-нибудь о себе. Но как ее попросишь после всех его слов?

– Я скоро найду и измерю вам температуру, – сказала доктор Джонс, собравшись уйти.

– Подождите... пожалуйста.

Его боль усиливалась. А под болью... скрывалось что-то еще. Пряталось и выжидало. Сида начало трясти.

– Мне нужно еще одно одеяло, – стуча зубами, произнес он.

– У вас уже два. Вам снова холодно?

– Замерзаю.

Она опустила поднос и достала из шкафчика одеяло. Оно не помогло. Сида продолжало трясти. Удары сердца вдруг сделались частыми и громкими. Казалось, еще немного – и оно, пробив ребра, выпрыгнет наружу.

– Доктор Джонс, я...

Он пытался рассказать ей про боль и темное существо, затаившееся внизу, но не смог. Ему стало трудно дышать.

– Сестра Абель! – послышался крик Индии и следом – топот бегущих ног.

Кто-то о чем-то кричал. Сид услышал слова «септический шок».

Красная волна боли быстро поднималась. Сид потянулся к руке Индии и крепко сжал. Он не должен отбросить копыта. Он должен любым способом остаться в живых. С ней он чувствовал себя в безопасности. Она удержит его, не даст утонуть, какими бы высокими ни были красные волны.

Но затем ее голос стал удаляться. Он не слышал ничего, кроме плеска моря. Красные волны перекачивались через него, неся куда-то и увлекая в пучину.

Глава 14

– Ты ее любишь?

Фредди провел рукой по нагой груди Джеммы Дин, по ляжке и нежной коже бедра.

– Нет, Джем, не люблю, – ответил он. – Я люблю тебя. Знаю, ты мне не веришь, но это так.

– Я тебе верю, Фредди. Во всяком случае, ты любишь меня настолько, насколько такой, как ты, вообще способен любить. Другими словами, не особо.

– Джем...

– Если ты ее не любишь, зачем собираешься на ней жениться?

– Потому что она богата. Очень богата. А я, к сожалению, нет. – (Джемма фыркнула.) – Я говорю правду. Мой чертов братец управляет всеми семейными деньгами. Точнее, тем, что от них осталось. Он выдает мне суммы на содержание. Жалкие гроши. А чтобы попасть туда, куда я хочу, мне нужны настоящие деньги.

– И куда же ты хочешь попасть, Фредди?

– На Даунинг-стрит.

Фредди повернулся и приподнялся. Он лежал на широкой кровати Джеммы, завернутый в скомканные простыни. Они только что занимались любовью. Как сказала Джемма, в последний раз.

– Подожди, пока я не женюсь. Обещаю, тогда нам станет легче. Я разбогатею настолько, что деньги будут торчать у меня из ушей. Тогда я смогу сделать все, что ты хочешь. Буду платить за твоё жильё. Куплю тебе экипаж и лошадей. Исполню любой каприз.

– И зачем это мне тебя дожидаться? – язвительно спросила Джемма. – К тому времени я сама выйду замуж. Мой новый мужчина богат. Он покупает мне все, что ни попрошу. Платья. Меха. И уже платит за это жильё.

Фредди почувствовал себя в жарких тисках ревности. Он был готов убить нынешнего благодетеля Джеммы.

– Кто он?

– Не твоё дело, – ответила Джемма, слезая с кровати.

– Как его зовут? – спросил Фредди, хватая её за руку.

– Отцепись! – огрызнулась она. – Я сказала достаточно. Мне вообще не стоило тебя пускать. Надо было выгнать тебя коленкой под зад. Я бы и выгнала, если бы не твоё обаятельная морда.

– Но я и в самом деле обаятелен, – улыбнулся Фредди. – И вдобавок хороший любовник.

– Не льсти себе.

– Ни капельки, – прошептал он, затаскивая Джемму обратно и утыкаясь в её ухо.

– Прекрати, Фредди. Тебе пора уходить. Я не шучу.

– И совсем не пора, – возразил он.

Он приподнялся и уселся на Джемму, одновременно крепко прижав её руки к кровати.

– Слезь с меня!

Он поцеловал её. Губы Джеммы были сладкими от шоколада и хранили вкус шампанского.

– Скажи, что ты меня не хочешь, – подзадорил он Джемму. – Говори, не стесняйся.

– Я тебя не хочу.

Он ловко просунул руку ей между ног, проник пальцами в лоно и заставил вскрикнуть.

– Врунь! – усмехнулся Фредди. – Там всё мокро.

Он подвигал пальцами, сначала осторожно, потом настойчивее. Он поцеловал Джемму за ухом и заставил вздрогнуть, когда наклонил голову к её грудям. Теперь она его не остановит. Джемма была создана для любви. Такого красивого тела, как у неё, он больше не видел. Розоватое, сплошь состоящее из шелковистых округлостей. Рядом с ней он терял голову от желания. Их слияния были взрывными, агрессивными, шумными. Такое ему не дарила ни одна женщина. Фредди не представлял, как можно потерять её и вместе с ней всё богатство наслаждений.

– Скажи мне, Джем... – прошептал он, входя в неё. – Скажи, что хочешь меня.

– Пошел ты, Фредди!

– А я уже там, – засмеялся он.

Его толчки, поначалу медленные, становились всё быстрее, пока он не почувствовал, что Джемма движется вместе с ним, и не услышал её стонов и ругательств. Тогда он вдруг замер. Её глаза, полузакрытые, подернутые пеленой наслаждения, сразу распахнулись.

– Скажи мне, – потребовал Фредди, и в его голосе появились угрожающие нотки.

Джемма не отвечала. Тогда он кусил её в плечо.

– Ой! Засранец! – крикнула Джемма.

Дернувшись всем телом, она высвободила руку и шлепнула его. Фредди слегка сдавил ей горло и снова поцеловал, но Джемма до крови укусила его губу.

– Сука, – прошептал он, сильнее сдавив ей горло.

Из уголков её глаз брызнули слезы. Он слизал их, насладившись их соленой горечью, затем возобновил толчки, двигаясь медленно и глубоко.

– Скажи мне...

По телу Джеммы прошла судорога. Потом еще одна. Фредди их почувствовал.

– Да, – наконец выдохнула она. – Я хочу тебя. Я очень тебя хочу, Фредди... сейчас. Боже... сейчас...

Потом она обмякла в его руках. Фредди гладил ей волосы, водя пальцами по длинным каштановым прядям. Он насытился и испытывал приятное утомление.

Сегодня он приехал к ней домой, умоляя принять его обратно. Почти месяц назад они серьезно повздорили. Джемма узнала про Индию и про помолвку. Это привело ее в бешенство, и она заявила, что больше не желает его видеть.

Он принес цветы, шоколадные конфеты, бутылку шампанского и подарочек.

– Джем, я скучал по тебе, – сказал Фредди, когда дверь квартиры приоткрылась. – Неужели ты по мне не скучала? Совсем?

– Ни капельки, – ответила она, пытаясь захлопнуть дверь. – Будь добр, проваливай отсюда.

Но Фредди и не подумал уходить. Он вручил Джемме букет роз. Желтых, символизирующих прощение. Потом пустил в ход свое красноречие. Фредди попросил разрешения войти на минутку, чтобы просто выпить шампанского в память о старых добрых временах. Он налил Джемме полный бокал, затем второй. Они сидели на диванчике. Фредди пододвинулся ближе и ловко надел ей на мизинец золотое колечко в виде свернувшейся змеи с изумрудным глазом.

– Змея, – усмехнулась Джемма. – Очень подходяще.

После этого Фредди не составило труда уложить ее в постель. Побрякушки всегда делали ее покладистее. Он радовался, что Джемма его не выставила. Он хотел ее вернуть. Так и случится, причем скоро. Он найдет ей квартиру получше этой и наполнит разными красивыми вещами: мебелью, цветами, картинами. Купит ей «Виктролу»¹³. Потом станет покупать драгоценности, яркие, броские, а она будет дарить ему в постели безумные наслаждения. Нужно лишь дождаться свадьбы.

Он подумал об Индии, своей будущей жене. Они давно не виделись, но через неделю встретятся в Лонгмарше. И там он непременно заставит ее назначить дату свадьбы. Для этого есть разные способы.

Джемма шевельнулась в его объятиях, пододвинулась ближе. Фредди поцеловал ее в макушку. Здесь, на ее измятой кровати, он был счастлив, наслаждаясь ею и шампанским, которое они пили в сумерках.

С Индией у него такого не будет. Он никогда не раскроется перед ней. Фредди это знал. Свое сердце он мог открыть только Джемме, поскольку ее собственное было еще чернее.

«Ты ее любишь, Фредди?» – спросила у него Джемма.

Он ответил «нет», но, услышь он такой вопрос в прошлом, сказал бы «да». Когда-то он действительно любил Индию. Тогда они были невинными детьми. А потом изменились и они, и всё вокруг.

В детстве Индия была прелестной. И невероятно отзывчивой. Фредди помнил, как она постоянно спасала птиц со сломанными крыльями и попавших в беду зверюшек. Бельчат, оставшихся без матери. Крошечных слепых детенышей крота. В конюшне Индия даже устроила для них что-то вроде ветеринарной клиники. У нее было очень доброе сердце. Как-то летом в Блэквуде он увидел это воочию. За несколько месяцев до убийства отца.

Ему тогда было двенадцать, а Индии десять. Сачками для бабочек они ловили лягушек на берегу пруда. В этом развлечении участвовали все, кроме Дафны и Индии. Первая была еще слишком мала для подобных забав и осталась в детской, а вторая сочла ловлю лягушек жестокой. Уиш, которому надоели лягушки, предложил ловить рыб, водившихся в пруду. Он, Бингэм и Хью быстро скинули рубашки и завернули брючины. Мод и Би завязали юбки узлом

¹³ Разновидность граммофона.

и шагнули в воду, держась за руки. Пруд был мелким, и вскоре все они отошли на приличное расстояние от берега.

Фредди замешкался. Подвернув брюки, он стал расстегивать рубашку, ненадолго забыв, что этого делать нельзя. А когда вспомнил, было слишком поздно. Индия, оставшаяся в знак протеста сидеть на берегу, увидела его спину. Фредди даже отвернулся, чтобы не встречаться с ней глазами. Он поспешил снова застегнуть рубашку, но Индия не позволила. Она распахнула на нем рубашку и смотрела на уродливые рубцы, тянущиеся у него по груди. Потом с необычайной осторожностью дотронулась до них, но Фредди все равно вздрогнул. Не от ее прикосновения. От стыда.

– Фредди, откуда у тебя это?

– От отца, – нехотя ответил он.

– Отец тебя... бьет? – шепотом спросила Индия.

– А как ты думаешь, зачем мы на лето приезжаем сюда? И почему ты никогда не едешь в Лонгмарш? Мама отправляет нас к вам, чтобы мы не попадались ему на глаза. Раз мы далеко, он срывается на лошадах. И на маме.

Взглянув на Индию, Фредди увидел, что ее глаза полны слез. Из-за него.

– Индия, не реви, – сказал он. – Мне только тяжелее от твоей жалости.

– Это не жалость, Фредди, – дрогнувшим голосом возразила она. – Это горе.

Она вытерла слезы и взяла его за руку. Так они и сидели на берегу тихого пруда в тишине летнего английского вечера. Единственный раз в жизни Фредди не чувствовал себя одиноким.

Он полюбил Индию, но по-детски. С годами его любовь изменилась. И другим летом, когда ему шел девятнадцатый год, а ей семнадцатый, он приехал в Блэквуд, надеясь, что она согласится стать его женой.

Естественно, что и жизнь их всех изменилась. Они уже не играли дружной детской ватагой. То лето оказалось последним из проведенных вместе. Мод и Индию впервые вывезли в свет. За Мод ухаживали полдюжины парней из аристократических семей. Би работала в замке горничной. Хью стал конюхом. Уиша с осени ждала работа в банке «Баринг». Бингэм из всех сил старался управлять Лонгмаршем.

Мод и Индия тепло встретили гостей и обрадовались возможности снова провести время вместе. Однако в Индии что-то изменилось. Едва ее увидев, Фредди сразу это почувствовал. Держалась она отрешенно, а ее мысли бродили неведомо где.

Как-то ночью Фредди сидел у окна и раздумывал о странностях в поведении Индии. И вдруг внизу, на лужайке, он увидел стройную женскую фигуру. Полная луна освещала ее бледное лицо и светлые волосы. Это была Индия, быстро идущая в сторону конюшни.

Удивленный и обеспокоенный – время перевалило за полночь, – Фредди выскочил из дома и последовал за ней. Когда он достиг конюшни, Индия уже шла в лес, и не одна. С ней был Хью Маллинс, их бывший товарищ по играм.

Фредди не поверил своим глазам. Решив узнать, что же связывает повзрослевших Индию и Хью, он двинулся следом, стараясь ничем себя не обнаружить. Взявшись за руки, Индия и Хью шли к скале Диффидс-Рок – ее любимому месту. Хью влез на громадный валун и помог забраться Индии. Когда они уселись, Хью притянул ее к себе и поцеловал. Фредди почувствовал, что его мир распадается на куски. Он подполз ближе, отчаянно желая услышать разговор пары.

– Я так рад, что ты пришла. Думал, вдруг не придешь. У меня же теперь соперник появился? – спросил Хью.

– Соперник? Кто?

– Фредди. Я же вижу, как он на тебя смотрит. Он тебя любит.

– Не говори глупостей, – засмеялась Индия. – Фредди меня совсем не любит. Если у него и есть какие-то чувства ко мне, то как у брата к сестре.

– Но тебе его прочат в мужа.

Индия покачала головой:

– Фредди женится на блистательной красавице, под стать себе. Зачем я ему? Я для него слишком заурядна. И потом, мое сердце отдано другому. – Индия обхватила лицо Хью и принялась его целовать, нежно и страстно, потом вдруг сказала: – Возьми меня, Хью. Прямо здесь. Я тебе отдамся.

– На этом жестком шершавом камне? Ты что, спятила?

– Ну тогда в лесу, под деревом.

– Не раньше, чем мы поженимся. Иначе это непорядочно.

– Ханжа! – со смехом бросила она.

– Бесстыжая девица!

Фредди смотрел и не узнавал Индию. Она никогда не вела себя так ни с ним, ни с другими. Тихая, замкнутая девочка, какой ее привыкли видеть, исчезла. Индия смеялась. Она была счастлива и свободна. И такой ее сделал Хью.

Она прильнула к нему и стала смотреть на звезды.

– Хью, я жду не дождусь, когда мы поженимся! Мы будем жить в уютном домике, как у твоих родителей. Представляешь: в очаге пылает огонь, на решетке кипит чайник. По вечерам будем петь и рассказывать чудесные истории в окружении наших чудесных детишек.

– Индия, – серьезным тоном ответил ей Хью, – ты прекрасно знаешь: если мы поженимся, нам не позволят жить в Блэквуде. Скорее всего, отец лишит тебя наследства.

– Неужели ты думаешь, что я хочу остаться здесь? В этом унылом, безрадостном доме? Я хочу уехать. Мы с тобой уедем далеко-далеко. С тобой я согласна хоть на край света.

– Ты сама не знаешь, о чем говоришь. Ты еще слишком молода и не видишь последствий.

– Мне скоро исполнится восемнадцать. Достаточный возраст, чтобы самой решать, чего я хочу. Всего через два месяца. И тогда мы уедем. Прямо в день моего рождения. Обещай мне, Хью.

– Не могу. Если я тебе пообещаю, однажды ты меня возненавидишь. Ты начнешь скучать по дому и по жизни, к которой привыкла. Я создать тебе такую жизнь не смогу. Ты будешь сожалеть о встрече со мной, не говоря уже о замужестве.

– Не говори таких слов. Хью, я никогда тебя не возненавижу. Никогда. А теперь пообещай мне, что мы уедем вместе. Обещай, Хью Маллинс.

– Индия, ты потеряешь все.

– Я обрету все, – возразила Индия, поднеся палец к его губам. – У меня будешь ты.

– Индия, я люблю тебя, – сказал Хью, обнимая ее.

– Обещай мне!

– Обещаю, глупая ты девчонка... Обещаю.

Фредди отвернулся. Он услышал и увидел достаточно. В мозгу зазвучали слова Красного Графа: «Быть хочешь королем? Тогда вначале вырви собственное сердце»... Он думал, что вырвал сердце еще в тот вечер, когда в Лонгмарше спустился по лестнице и увидел искаленное тело отца. Оказалось, нет. Малая часть его сердца еще оставалась и продолжала жить. Фредди это знал, поскольку ощутил, как она разлетается вдребезги.

Он поплелся назад в Блэквуд. Его любовь к Индии превращалась во что-то иное: черное, исполненное ненависти. Внутри бушевали ярость и гнев. Боль, которую он испытывал, была хуже всякой телесной боли. Он думал, что не переживет ту ночь, но пережил. А еще через неделю боль сослужила ему хорошую службу. Она помогла ему сделать то, что он сделал, – передать Хью Маллинсу гребень. Помогла отплатить Индии ударом за удар.

Джемма снова шевельнулась в его руках.

– Который час? – спросила она.

Фредди прищурился на часы, стоявшие на ее бюро:

– Половина восьмого.

Это означало, что ему нужно вставать и уходить. Ровно в половине девятого он должен быть на обеде. На очередном политическом обеде. На этот раз с местным руководством профсоюза грузчиков. Там ему придется снова упражняться в искусстве политика, когда предлагаешь много, но не даешь никаких обещаний. Публика, которая его там ждет, уже сейчас вызывала у него зевоту. Обычные профсоюзные зануды с их чертовыми вопросами о забастовках, повышении жалованья и сокращении рабочего дня. Его совсем не тянуло туда идти, но придется.

Слава богу, шумиха вокруг ограбления «Крепости» поутихла. Одной щекотливой темой меньше. Про ограбление писали во всех газетах, но, к счастью, одновременно там же сообщалось об аресте Сида Мэлоуна и двух его сообщников. Дональдсон их арестовал. Вот только зацепок инспектор не нашел. Сообщников пришлось выпустить. А сам Мэлоун вместо камеры загремел в больницу, где его выхаживает – кто бы мог подумать? – Индия! На данный момент власти не могли упечь за решетку ни Мэлоуна, ни его людей. Но этот неприятный факт Фредди скрасил заявлениями о том, что расследование продолжается. Полиция ищет улики и собирает доказательства, а потому справедливость вскоре восторжествует. Не самый лучший финал, но Фредди хотя бы ослабил удар по своей репутации. Если принять во внимание все обстоятельства, он не так уж и плохо выпутался из всей истории, показав себя быстрым, жестким, умеющим контролировать события.

Фредди высвободился из объятий Джеммы.

– Старушка, мне надо бежать. Обязан быть на одном скучнейшем обеде, – сказал он, вставая с постели.

Он заскочил в ванную, чтобы умыться и причесаться, затем подхватил с пола одежду и быстро оделся. Прежде чем уйти, он наклонился и поцеловал сонную Джемму.

– Чертовски рад, что мы снова вместе.

– А кто сказал, что мы вместе? – спросила Джемма, открывая свои ленивые кошачьи глаза. – Нет, Фредди, мы не вместе. У меня теперь другой мужчина, и ты это знаешь.

Фредди присел на кровать, взяв Джемму за руку:

– Как только я женюсь, все изменится. Обещаю.

– Фредди, мне нужны не только обещания. Обещаниями с моей портнихой не рассчитаешься.

– Джемма...

– До свидания, Фредди. Возвращайся после свадьбы... или вообще не приходи.

Она закрыла глаза и повернулась к нему спиной.

Фредди потянуло на возражения, но его подпирало время. Если он сейчас не уйдет, то опоздает. Выйдя из квартиры Джеммы, он торопливо сбежал по лестнице и хлопнул входной дверью. Она жила в Степни, на тихой улочке. Кеб здесь вовек не сыщешь. Фредди поспешил в южном направлении, к Коммершел-роуд.

Через неделю мы все будем в Лонгмарше, думал он. Осталось всего семь дней. Он не пожалеет никаких усилий, чтобы заставить Индию назвать дату свадьбы. Он пустит в ход все уловки: будет распинаться о неумирающей любви, скажет, что жить без нее не может, потом добавит, как давно он мечтает о детях. Если же вся эта словесная мишура не сработает, всегда остается другой способ. Способ, который почти всегда гарантирует свадьбу.

Фредди вышел на Коммершел-роуд, поднял руку, ловя кеб, и мрачно улыбнулся. Жениться, и как можно скорее. Никогда еще он не ощущал такой решимости исполнить задуманное: приобрести жену и удержать любовницу.

Глава 15

Джо громко выругался. Потом еще раз.

– Полыхает до самой крыши! – крикнул его кучер.

Но Джо вряд ли его услышал. Прежде чем Майлс остановил экипаж, Джо выскочил и побежал по Хай-стрит.

Склад «Марокко» был охвачен огнем. Из окон и погрузочных дверей вырывались злые, извивающиеся языки пламени. В полуночное небо тянулся густой черный дым. Час назад констебль полиции постучался в двери дома номер 94 по Гросвенор-сквер и сообщил мистеру Бристоу о пожаре на его складе. Джо разбудил всех. Фостер бросился к Майлсу, веля срочно запирать. Джо быстро оделся и выскочил наружу.

Сейчас он пытался прорваться к горящему зданию, но его не пускал рослый, угрюмого вида пожарный.

– Пропустите меня! – кричал Джо, отталкивая пожарного. – Где он? Где он, черт побери!

– Кто? – рявкнул пожарный.

– Управляющий складом. Альф Стивенс. Вы видели его?

Подбежал другой пожарный, взял Джо под локоть.

– Сэр, прошу вас не...

– Еще раз меня тронешь, приятель, и я сломаю твою пустую голову. Где Альф?

Ночной воздух прорезал крик. Душераздирающий крик человека, испытывающего невыносимую боль. Крик раздался не из горящего склада, а с улицы. Точнее, с соседнего склада «Орел».

– Боже! Нет... нет... – пробормотал Джо.

– Не ходите туда, – сказал ему первый пожарный. – На такое лучше не смотреть.

Но Джо уже несея туда со всех ног. Перед складом стояла небольшая толпа. Люди смотрели не на пожар, а на что-то, лежавшее на земле.

– Может, кто-нибудь сделает хоть что-нибудь? – спросил один из толпы.

– Где этот проклятый доктор? – выкрикнул второй.

Джо протолкнулся сквозь толпу. На земле корчился Альф Стивенс, управляющий складом. Его друг. Альф чудовищно обгорел. Левая сторона буквально расплавилась. Кожа на руках и груди стала угольно-черной. Во многих местах она лопнула, обнажая покрасневшее обожженное мясо. Удивительно, что глаза Альфа не пострадали. Взгляд их был дикий и даже безумный, но осмысленный. Увидев Джо, Альф протянул к нему руку. Джо опустился на колени и осторожно взял почерневшую руку, боясь причинить Альфу дополнительную боль.

– Бес, бес, бес, – хрипел Альф. – Лукавый бес. Я ему въехал, он лампу качнул, и пошло. Бес, бес, бес...

Альф явно бредил.

– Альф, держись, – сказал Джо. – Помолчи. Сейчас подоспеет помощь. Продержись еще немного...

Пока Джо говорил, к ним сквозь толпу протолкнулся еще один человек. Судя по сюртуку и кожаному саквою, это и был долгожданный врач. Взглянув на Альфа, он покачал головой.

– Как это случилось? – спросил врач.

– Понятия не имею. Должно быть, когда пожар начался, он находился внутри. Зная Альфа, думаю, он попытался потушить. Один.

Доктор неспешно вдохнул, затем полез в саквою, достал оттуда шприц и коричневый пузырек.

– Морфий. Унять боль, – тихо пояснил он.

Джо смотрел, как врач наполняет стеклянный цилиндр шприца. Однажды, когда он сломал ногу, ему сделали укол морфия. Но то была капелька по сравнению с дозой, приготовленной для Альфа. Это же смертельная доза. Врач поднял голову и наткнулся на взгляд Джо.

– Это все, что я могу сделать.

– Тогда делайте.

Врач принялся искать вену на ноге Альфа. Сделать укол в руку не представлялось возможным. Альф задержался в судорогах. В вену доктор попал только с четвертой попытки. Он опорожнил шприц, и судороги утихли.

– Берти... моя жена... – вдруг сказал Альф, перестав бредить.

– Я позабочусь о ней. Она не будет ни в чем нуждаться. Обещаю.

Альф кивнул. Затем его глаза утратили фокус. Потускнели. Еще через несколько минут врач приложил ухо к груди Альфа и сказал:

– Скончался.

Джо сел на корточки. Его лицо стало мокрым от слез. Зеваки продолжали смотреть, но ему было все равно. Потом ему на плечо легла чья-то рука. Майлс.

– Простите, сэр. Но коронер говорит, что им нужно забрать Альфа. Будут делать вскрытие. А вас ждет полицейский инспектор. Ему надо с вами поговорить.

Джо встал. Глянул на улицу, на «Марокко». Склад продолжал гореть. К этому времени огонь пожирал крышу. К утру склад сгорит целиком. И все, что находилось внутри. Тысячи и тысячи фунтов дорогостоящих продуктов. Это будет тяжелый удар по его торговле. Но потеря товара не самое страшное. Гораздо хуже, что огонь унес человеческую жизнь. Не стало хорошего человека, которого Джо любил и которому доверял.

– Мистер Бристоу? – (Джо обернулся.) – Полицейский инспектор Элвин Дональдсон. Как понимаю, вы последний, с кем Альфред Стивенс говорил перед смертью. Вы позволите задать вам несколько вопросов?

Джо кивнул. Дональдсон спросил, давно ли Стивенс работал у него и в какой должности. Потом спросил, не было ли в последнее время на складе каких-либо неприятностей.

– Каких именно? – уточнил Джо.

– Допустим, местная шантрапа пыталась обложить вас данью за их так называемую защиту.

– Нет. Альф бы мне сказал.

– Мистер Стивенс говорил вам что-либо?

– Да, но полную бессмыслицу. По-моему, он бредил, – сказал Джо.

– А вы можете повторить мне эту бессмыслицу? – попросил инспектор.

Джо повторил. Дональдсон внимательно выслушал, затем кивнул:

– Ну вот и объяснение.

– Мне это ничего не объясняет, – пожал плечами Джо. – Альф говорил о каких-то бесах. Насколько я его знаю, ни в каких бесов он не верил и вообще был человеком здравомыслящим. А тут... набор слов.

– Ошибаетесь. Огонь повредил ему гортань, и вам слышалось «бес». На самом деле он называл фамилию. Беттс. Фрэнки Беттс.

– Я все равно ничего не понимаю.

– Мистер Бристоу, вы уверены, что никому не платите... дань? Я не хочу доставлять вам лишних хлопот. Я просто...

– Я же вам сказал. Платить разным вымогателям не в моих правилах.

– А вот Фрэнки Беттс решил, что пора обложить вас данью. Мистер Бристоу, я знаю этого типа. Преступник. Могу побиться об заклад, что этим вечером Фрэнки явился на склад и стал вымогать у Альфа Стивенса деньги. Стивенс велел ему проваливать. Между ними произошла

драка, в результате чего опрокинулась зажженная лампа и начался пожар. Фрэнки быстро сматся. Альф попытался самостоятельно потушить огонь и оказался в западне.

Джо переварил услышанное.

– Я прошу вас арестовать Фрэнка Беттса. Я хочу, чтобы его отправили на виселицу.

– Я сам этого хочу, но наших желаний мало. Я поговорил со сторожами на соседних складах «Орел» и «Балтик» и понял, что свидетелей нет. Никто не видел, как Беттс шел на ваш склад или убегал обратно. Слова умирающего Стивенса не являются основанием. Вы же сами называли их бессмыслицей. То же скажет и адвокат Беттса. Мы не сможем предъявить ему никаких обвинений. Нам не за что зацепиться. А зацепки – вы уж мне поверьте – мы ищем давно.

– С каких это пор у шпаны Ист-Энда появились адвокаты? – удивился Джо.

– Это не просто шпана, мистер Бристоу, – усмехнулся Дональдсон. – Это хорошо организованная шайка. Возможно, вы слышали об их главаре. Он возглавляет группу, именуемую Фирмой.

Джо знал, какие слова услышит сейчас от Дональдсона, и внутренне приготовился, надеясь, что ошибся. Но он не ошибся, и, когда инспектор их произнес, сердце Джо стремительно полетело вниз, точно камень, брошенный в реку.

– Главара называют Председателем, но его настоящее имя Сид Мэлоун.

Глава 16

Индия слышала щебетание птиц. Воробьи, подумала она. Докучливые существа. Они вечно собирались на подоконнике ее квартиры, отчаянно чирикавая и сражаясь за хлебные крошки. Сейчас ей хотелось, чтобы они улетели подальше. Она жутко устала и хотела снова погрузиться в сон. А сон ей приснился удивительный: будто она снова маленькая и живет в Блэквуде. На деревьях щебечут крапивники и юрки, приветствуя рассвет. Лето. Впереди – целый день. Сейчас няня Ходжи покормит ее завтраком: яйцами всмятку и тонкими ломтиками поджаренного хлеба. Потом вся их компания отправится к Би и Хью. А дальше – в лес, где их ждут удивительные приключения. Ее родители уехали в Аскот на скачки, где пробудут неделю. Неделя полной свободы!

Она открыла глаза, ожидая увидеть блеклые обои своей спальни на Бедфорд-сквер. Но увидела не надоевший узор, а пару глаз, внимательно глядящих на нее. Красивых, добрых, озорно улыбающихся глаз. И были они зеленого цвета, изумрудно-зеленые, как долины Блэквуда.

Я продолжаю спать, решила Индия, снова закрыла глаза и уткнулась лицом в подушку, которую обхватила рукой и плотно сжала.

– Ой! – воскликнула подушка. – Дорогуша, это ж мое больное место.

Индия вскрикнула и села. Несколько секунд хватило, чтобы понять: она не у себя в постели и это не ее квартира. Она находилась в больничной палате. С пациентом, которого звали Сид Мэлоун. Судя по всему, она заснула прямо на нем.

– Боже... простите, – забормотала Индия. – Я уснула. И спала тут... с вами...

– Минуточку, миссус, – прервал ее Сид. – Вот так и появляются слухи. Я забочусь о своей репутации. Вы спали не со мной, понятно? Вы спали на мне. Это совсем другое.

Индия потянулась к его запястью. У нее вспыхнули щеки. Она разом вспомнила все предыдущие события. Сейчас понедельник, утро. Инфекция атаковала организм Сиды в субботу вечером, вызвав септический шок. Индия тридцать шесть часов подряд боролась за его жизнь. Несколько раз она с ужасом сознавала, что вот-вот его потеряет, но он выкарабкался. Его пульс стал устойчивым. Не то чтобы сильным, но устойчивым.

Она встала за термометром и поймала свое отражение в настенном зеркале. Безупречно белая накрахмаленная блузка вся пропотела и измялась. Ее локоны напоминали пружины, торчащие из матраса. Глаза затуманенные, а на щеке... следы засохшей слюны.

– Вы жутко выглядите, доктор Джонс. По-моему, вам самой нужна помощь врача, – сказал Сид.

Но Индия не отозвалась. Нечего давать ему повод позубоскалить. Она вытерла слюну, сунула Сиду в рот термометр и засекала время по часам. Через три минуты она извлекла термометр и воскликнула:

– Ха! Да у вас сто и семь десятых!¹⁴

И тогда она улыбнулась. Улыбка была широкой, прекрасной, совершенно бессознательной, осветив все лицо Индии. Недавнее замешательство тут же забылось. Печальное недоразумение, и только. Главное – она спасла человеческую жизнь. Сид Мэлоун не отправился в морг. Он по-прежнему лежал в этой палате, живой и говорящий ей пакости. Она изо всех сил боролась за его жизнь и победила.

– Вам значительно лучше, мистер Мэлоун. Значительно лучше. Говорю вам с полной уверенностью: вы непременно доживете до ограбления очередного банка, – торжествующе заявила она.

– Зовите меня просто Сидом. Я настаиваю. И можно я тоже буду называть вас Индия? После минувшей ночи и всего такого...

– Нельзя. – Все еще улыбаясь, Индия опустила термометр. – Есть хотите?

– Нет.

– А придется. Я распоряжусь насчет говяжьего бульона для вас и заставлю его проглотить, даже если для этого вас придется привязать к койке.

– Обещаете?

Индия выпучила глаза. Она снова села и сняла повязку с раны Сиды. Ее движения были быстрыми и энергичными. Усталость исчезла, сметенная одержанной победой. Индия осмотрела рану. Воспаление уменьшилось.

– А у вас удивительно сильный организм, – сказала она. – Будь на вашем месте кто-то послабее, он бы точно лежал сейчас в морге.

– Я тут ни при чем. Это вы, – возразил Сид. – Я слышал слова вашего начальника. Он считал, что я не стою ваших усилий. Большинство врачей не стали бы со мной возиться. Я вам обязан жизнью, доктор Джонс.

Индия смотрела ему в глаза, не зная, что и думать. Говорил он это всерьез или опять смеялся над ней? Она вспомнила первую ночь, проведенную в его палате. Ее откровенный рассказ о себе. Индия до сих пор не понимала, зачем рассказала ему все это, и сожалела о допущенной оплошности.

– Это моя работа, мистер Мэлоун, – быстро произнесла Индия, отменяя его благодарность.

– Ах, да. Ваша работа. Конечно.

– Черт побери! Ты все еще здесь? – послышался голос у двери.

– Никак я злоупотребляю вашим гостеприимством? – спросил Сид.

– Я не про тебя, Мэлоун. Я про доктора Джонс, – сказала Элла Москович.

– Как видишь, – ответила ей Индия, неожиданно для себя переходя на «ты».

– Значит, домой ты не ездила?

– Нет.

– Индия, ты торчишь здесь с вечера субботы. Вчера у тебя был выходной день. Гиффорду плевать, на что ты его ухлопала. Через час у тебя начнется прием.

¹⁴ 38,1 °C.

– Элла, не волнуйся. Я захватила смену одежды.
– Меня не твой внешний вид волнует. Тебе нужно отдохнуть. Ты того и гляди свалишься замертво.

Сид посмотрел на Индию, которая отвернулась.

– А я думаю, доктора Джонс очень волнует ее внешний вид, – сказал он.

– Можете думать все, что угодно.

Элла посмотрела на Индию, на Сиду и снова на Индию.

– Я что-то пропустила?

– Мне пора, – не отвечая на вопрос, сказала Индия. – Попроси старшую медсестру, чтобы мистеру Мэлоуну принесли говяжий бульон. И пусть ему делают подкожные инъекции морфия: по десять миллиграммов каждые три часа. В полдень ему нужно сменить повязку. Вечером я зайду. Увидимся у Гиффорда. Счастливого оставаться, мистер Мэлоун.

– Постойте? Когда я смогу отсюда выйти? – спросил Сид.

– Самое раннее – через неделю, – ответила Индия, собирая свои вещи.

– Через неделю? Да вы шутите! – взревел Сид. – Не могу я прохлаждаться здесь целую неделю. Я намерен выписаться. Сегодня же.

– Пожалуйста. Но вечером вы вернетесь. Только не в отдельную палату. В морг.

– Хватит меня пугать! Я прекрасно себя чувствую. Здоров как бык.

– Дорогуша, не задерживайся. Я его успокою, – сказала Элла. – Тебя работа ждет. Только не забудь позавтракать.

Индия выбежала из палаты. По коридору разносился голос Эллы:

– Вот что, парень, если не успокоишься, я позову санитаров. Они явятся с большим шприцем и сделают тебе укол в задницу. Тогда сразу рот закроешь.

По пути из больницы Индия чувствовала: она что-то упустила. Она мысленно перебрала распоряжения, данные Элле. Нет, все учла. Она записала все данные его осмотра. В историю болезни она их занесет позже. Тогда что же? Что она могла забыть?

Свернув с Хай-стрит на Варден-стрит, она вспомнила. Историю Сиды! Она ведь так и не выслушала его историю. Они же договаривались: она расскажет ему свою историю, а он ей – свою. Но он ничего не рассказал. Следом она сделала неприятное открытие: она хотела услышать его историю. Очень хотела.

Глава 17

– Давай все разложим по полочкам, – сказал Джимми, брат Джо. – Альф мертв. Склад «Марокко» сгорел дотла. Ты знаешь, кто это сделал. А полиция не в силах никого арестовать?

– Так они говорят. Свидетелей не было. Только слова умирающего Альфа, которые легко оспорить.

Они с Джимми сидели у него в кабинете и пили шотландский виски. Часы показывали девять утра. Одежда Джо пропахла дымом. Его лицо почернело от копоти. Он вернулся домой пару часов назад и сразу позвонил Джимми. Брат быстро примчался.

– Они что, не могут даже просто задержать этого мерзавца? – спросил Джимми, потрясенный смертью Альфа.

– Получается, что так. По их словам, задержать его несложно, но они не смогут предъявить ему никаких обвинений.

Джо сделал новый глоток. Он не спал более суток, но усталости не чувствовал. Давно он не находился в таком взбудораженном состоянии. За ночь он пережил бурю эмоций: ярость, негодование, горе. Но к утру буря утихла, сменившись решимостью. Спокойной и неотступной.

– Джимми, там ничего не меняется. Тебе ли этого не знать? – вдруг спросил он брата. – Преступления. Бедность. Повседневная жестокость. Пока ехал оттуда, смотрел из окошка эки-

пажа. Ветхие дома. Унылые, грязные улицы. Уоппинг, Уайтчепел... Да весь чертов Ист-Энд такой! Там ничего не меняется.

– Ты прав. Картина мрачная, – согласился Джимми.

В коридоре послышались легкие, быстрые шаги.

– Фи, мы здесь, – крикнул Джо. – Только не беги, любовь моя. Ребенку это повредит.

Через пару секунд Фиона уже стояла в кабинете, красная, запыхавшаяся, не сняв пальто и перчаток. Она только что вернулась из поездки в Париж.

– Фостер рассказал мне о случившемся. Джо, ты как? – спросила она. – Вид у тебя просто жуткий! Слушай, неужели Альф мертв?

– Да, любовь моя. Альфа больше нет.

Фиона тяжело опустилась на стул. Ее глаза наполнились слезами. Джимми встал и сказал, что пойдет на кухню и поищет еды. Джо оценил его тактичность. Не все можно обсуждать даже в присутствии родного брата. Несколько успокоившись, Фиона спросила, при каких обстоятельствах начался пожар. Джо рассказал ей про Фрэнки Беттса. Когда он закончил, она встала и начала ходить по кабинету.

– А как быть с доставкой грузов на «Марокко»? Часть капитанов уже знают о пожаре и попридержат суда. Но кто-то уже вошел в Темзу. Можно перенаправить их к складу Оливера? – спросила Фиона. – У меня места хватит.

– Мы туда заезжали по пути домой. Мел сообщил, что второй этаж свободен. Джимми вскоре поедет на «Марокко». Возьмет пару ребят, которые там работали. Они останутся и будут перенаправлять все приходящие баржи к складу Оливера.

– Но ведь склад застрахован. Надо как можно быстрее связаться со страховой компанией, – сказала Фиона; она все так же расхаживала по кабинету, уперев руки в бока и глядя в пол.

– Труди уже позаботилась. Страховщики пошлют туда своих людей. Она их там и встретит.

Фиона кивнула.

– И еще таможенное управление... Нужно и им сообщить.

– Сначала я должен кое-что сообщить тебе, – перебил ее Джо.

Она перестала ходить и подняла глаза на мужа. В них был страх.

– Можешь не сообщать. Я уже догадалась, – тихо сказала Фиона. – Это он?

Джо кивнул.

– Я говорил с полицейским инспектором. Он сообщил, что Фрэнки Беттс – один из шайки Сиды Мэлоуна. Но свидетелей нет, а без свидетелей арестовать этого Беттса невозможно.

– Джо, я не могу поверить. Просто не верится, – прошептала она.

– Понимаю тебя, Фи. Такие вещи тяжело выслушивать. Я тоже решал: сказать тебе или нет. Потом решил сказать. Тебе необходимо понять, кем в действительности является Сид Мэлоун. Может, это заставит тебя отказаться от мысли его разыскать. – (Фиона молчала.) – Мы ведь не закончили с тобой разговор о Сиде. Тогда ты торопилась в Париж. Я хочу закончить его сейчас. Я хочу, чтобы ты прекратила поиски. Он дотла сжег мой склад. Он убил Альфа Стивенса.

– Джо, не говори так. Это неправда. Он ничего не делал и не приходил на склад. Это сделал Фрэнки Беттс.

– По приказу Сиды.

– Ты уверен? А если нет?

– Фиона, как ты можешь быть настолько слепой?

– Я не слепа. Джо, он мой брат. Я не могу взять и отказаться от него. Я нужна ему. Я это знаю. И сейчас я нужна ему сильнее, чем когда-либо. Не могу сказать, откуда я это знаю. Я просто... чувствую.

Джо покачал головой:

– Фиона, в первую очередь ты нужна мне.

Фиона присела на оттоманку рядом со стулом, взяла мужа за руки.

– Джо, я знаю. Знаю, как тебе сейчас тяжело. Альф очень много для тебя значил.

– Да, значил. Но сейчас мы говорим не об Альфе, – напомнил ей Джо.

– Тогда о чем мы говорим? Подскажи.

Джо смотрел на любимую жену. В ее красивых сапфировых глазах он видел себя. Свое прошлое, настоящее и будущее. Они знали друг друга очень давно, с раннего детства. Фиона была его душой и сердцем. Всеми надеждами и мечтами он делился с ней. Она поддерживала его решения, одобряла риски, на которые он шел ради расширения своей торговли. Но что еще важнее, Фиона поддерживала его. Однако то, что сейчас бурлило внутри Джо, не имело ничего общего с магазинами и торговлей. То, о чем он собирался ей рассказать, могло навсегда изменить жизнь их обоих, и Джо пока не знал, поддержит ли его Фиона и в этот раз.

– Фиона, я очень зол. Настолько, что готов взорваться. Потому я сижу здесь и с утра пью виски. По той же причине я не пошел на работу. Боюсь пробить дыру в стене или опрокинуть стол.

– У тебя более чем достаточно оснований для злости, – сказала Фиона. – Погиб хороший человек. Твой склад полностью сгорел.

– Но это лишь часть. Я зол на причины, породившие все это. Я зол, что в Восточном Лондоне годами ничего не меняется. Со времени бесчинств Джека-потрошителя прошло целых двенадцать лет. Одиннадцать – со дня всеобщей забастовки грузчиков. Тогда все английские газеты писали о Восточном Лондоне и о том, в каких ужасных условиях живут там люди. Каждый политик призывал к переменам. И что с тех пор изменилось? Что, Фи? Ровным счетом ничего! Помнишь наше детство? Наши матери выбивались из сил, чтобы нас накормить. Мой отец торговал по семь дней в неделю. Твой попытался создать в Уоппинге рабочий союз, за что его и убили.

– Я помню... Мой отец репетировал речь о рабочем союзе. Он ходил перед очагом, а мы были его слушателями. Чарли, Шейми, наша ма и малышка Айлин. – Она улыбнулась, вспомнив те времена. – Будь он жив, то и сейчас произносил бы речи. Объяснял бы грузчикам необходимость объединяться в союз. Призывал бы к забастовкам.

Джо подался вперед. Его голос обрел другие интонации.

– Нет, Фиона. Не уверен, что он продолжал бы это делать. Твой отец был смелым и решительным человеком. В восемьдесят восьмом он попытался создать рабочий союз. А через двенадцать лет увидел бы бессмысленность забастовок. Он бы увидел письма на стене.

– Ты это о чем?

– Люди ведут войну за лучшую жизнь. И забастовки – только отдельные сражения в этой войне. Если рабочий класс хочет перемен... я говорю о настоящих переменах... они должны понять, где нужно вести сражения. В фабричных цехах и на причалах они одержат лишь мелкие, временные победы. Они должны научиться воевать там, где результаты намного ощутимее. В Вестминстере.

– Джо, как это с пожара на складе «Марокко» мы переместились в Вестминстер? – удивилась Фиона.

– Утром приезжал Фредди Литтон. Вскоре, как пожарные справились с огнем.

– Выражал соболезнование?

– Угадала, – невесело рассмеялся Джо. – Целых две секунды. А потом заговорил об избирательной кампании. В десятый раз стал мне рассказывать про всеобщие выборы, намеченные на осень, про свои шансы на переизбрание. И конечно же, что первоочередной своей задачей он считает решительную борьбу с преступностью. Попросил меня о поддержке... – Джо вдруг замолчал.

– И что ты ему ответил?

Вместо ответа Джо потянулся к медальону на шее Фионы, открыл и посмотрел на фотографию их дочери.

– Посмотри на нашу Кейти. Просто эталон здоровья. Благодаря хорошей пище у нее сильные ручки и прямые ножки. Она не знает, каково проснуться среди ночи и плакать от голода. Или дрожать от холода в залатанной одежке.

– Дорогой, откуда у тебя все эти мысли? – спросила Фиона.

– Отовсюду. Они результат наблюдения за окружающей жизнью. За пределами Гросвенор-сквер она полна печальными событиями. Сегодня ночью погиб Альф. Пятнадцать человек, работавших у меня на складе, лишились работы. А полиция разводит руками. По дороге сюда я видел босоногих детишек, играющих в канаве, и благодарил судьбу, что Кейти этого не узнает.

– Джо, я что-то тебя не понимаю. Ты без конца возвращаешься к Восточному Лондону... Джо, дорогой, ты никак... опьянел?

– Возможно, немного и опьянел. Но клянусь тебе, никогда еще моя голова не была такой трезвой, как сейчас. Фи, разве ты не понимаешь? Жизнь в Восточном Лондоне никогда не менялась. Она была такой же, когда появились мы с тобой. И когда появились наши родители. И их родители. За полвека, если не больше, ничего не изменилось. Злодеи бродят по улицам, злодеи корпят над бумагами в конторах и злодеи заседают в парламенте. Знаешь, после пожара я словно прозрел. Я вдруг увидел то, чего не замечал прежде. Я такой же злодей, как и любой из них. Стою в стороне, позволяю жизни катиться по накатанной колее и палец о палец не ударю, чтобы эту жизнь изменить.

– Джозеф Бристоу, это неправда! – не выдержала Фиона. – Мы отдаем изрядные суммы на нужды Восточного Лондона.

– Да, отдаем, – торопливо согласился Джо. – Это хорошо. Это хоть что-то, но этого недостаточно. Совсем недостаточно. Пойми, Фиона, даже если мы отдадим все, что у нас есть, мы ничего не изменим. На какое-то время залатаем несколько дыр, и только.

– Что именно ты пытаешься мне сказать? – спросила Фиона, утомленная поездкой и тяжелыми новостями.

Джо посмотрел на нее, потом сделал глубокий вдох:

– Фиона, я хочу баллотироваться.

– Баллотироваться? Куда? – поинтересовалась вконец ошеломленная Фиона.

– В парламент. В палату общин. Представителем от Тауэр-Хамлетс.

Фиона моргала, глядя на мужа.

– Я выступлю против Фредди Литтона. – (Она смотрела, раскрыв рот.) – Я войду в список кандидатов от новой лейбористской партии.

Глава 18

– Индия! Ради бога, остановись! – закричал Фредди.

Индия его не слышала. Она прищипорила свою лошадь, пятнистую кобылу по кличке Долговязая Леди, и та пустилась в галоп к невероятно высокой живой изгороди. До этого Уиш заявлял, что такая преграда Индии не по зубам.

– Инди, я пошутил! – завопил ей вслед Уиш. – Остановись! Там слишком высоко!

– Индия, одумайся! – во всю мощь легких орал Фредди.

Едва передние ноги Долговязой Леди оторвались от земли, он затаил дыхание. Уиш, Бингэм и Мод хором вскрикнули, когда лошадь перелетела через преграду и скрылась из виду. Донесшийся до них звук копыт подсказывал, что лошадь и всадница благополучно приземлились.

– А она смелая, – сказал Бингэм. – Я бы не решился.

- Безрассудная дура – вот кто она! – возразил Фредди.
- Никак у Литтона сердце заволновалось? Вот уж не знал, что оно у тебя есть.
- Заткнись, Уиш!
- Зря сердишься, старик. Это было очень трогательно.

Рассерженный Фредди не ответил. Он пришпорил своего Мальчика и поскакал в сторону конюшни.

Уиш был прав. Он волновался, и еще как! Не за жизнь Индии. За богатство семьи Селвин Джонс. На мгновение он представил жуткую картину: передние ноги Долговязой Леди застревают в чересчур высокой живой изгороди, Индия падает, а перепуганная лошадь молотит по ней копытами. Случись такое, вместе с невестой погибли бы и его лучезарные надежды.

Конюх, появившийся из конюшни, взял поводья лошади Фредди. Второй вышел в ожидании, когда подъедет Индия.

- Фредди, почему ты меня не дождался? – спросила она, двигаясь трусцой.

– Мне хватило твоей дурацкой выходки, – сердито ответил Фредди, соскакивая на землю. – Предельно дурацкой.

На этот раз эмоции в его голосе были настоящими.

- Ты ведь никогда на меня не сердишься.

– Еще как сержусь! – резко возразил он. – Индия, ты же врач! Думаю, ты достаточно насмотрелась на сломанные шеи и раздробленные кости, чтобы самой не повторять чужих глупостей.

– Прости, что заставила тебя поволноваться. Но я была уверена в Долговязой Леди. И не ошиблась.

В голосе Индии Фредди уловил раскаяние. Он этим воспользуется. Возможно, сумеет превратить раскаяние в чувство вины и заставит ее назвать дату свадьбы. Вот уже сутки, как Фредди пытался это сделать, но безуспешно. Индия по-прежнему оттягивала срок, как и в день ее выпуска. Как и все эти два года.

Бросив стек конюху, Фредди поспешил в дом. Он чуть ли не бегом миновал просторный холл и по главной лестнице поднялся на третий этаж, к себе в комнату. Все еще злясь, он швырнул куртку на письменный стол, смахнув на пол несколько листов черновика его речи. В Лонгмарш они приехали вчера: он, Уиш, Мод и Индия. Сейчас был вечер субботы. Завтра им возвращаться в Лондон. Изабелла будет ждать добрых вестей. Он обещал ей, что вернется и назовет дату.

Схватив графин с джином, он налил себе порцию и шумно поставил графин на стол. От сотрясения ожила матовая черная шкатулка. Из ее недр раздались начальные звуки прелюдии «Капли дождя». Фредди взял шкатулку, инкрустированную малахитом и серебром. Незадолго до смерти бабушка отдала шкатулку ему. Фредди везде таскал шкатулку с собой. Сейчас его пальцы инстинктивно коснулись едва заметного углубления на дне. Фредди нажал на углубление, одновременно надавив на одну из малахитовых вставок. Негромко щелкнув, сбоку выдвинулся потайной ящичек. В нем лежал женский гребень в виде стрекозы. Дорогая вещица от Тиффани. Одна из двух одинаковых.

Фредди смотрел на гребень, когда в коридоре послышались шаги. Затем в его дверь постучали. Индия. Он знал, что она пойдет следом. Фредди задвинул ящичек, поставил шкатулку на место, потом залпом выпил джин, приготовившись к дальнейшим событиям.

– Фредди, дорогой, ты у себя? – Не дождавшись ответа, Индия вошла. – Ну хватит сердиться. Лучше пойдем прогуляться. Вечер чудесный. Тепло, ветра нет. Мы давно так не отдыхали, правда?

Фредди отставил пустой стакан.

- Тебе же все равно, – сказал он, глядя на нее.

- Ты о чем?

– Индия, не разыгрывай неведение. Тебе на меня наплевать.

– Фредди, да как ты можешь...

– Ты прекрасно знаешь, случись что с тобой, моя жизнь тоже будет разрушена. Однако ты рискуешь собой, совершенно не принимая во внимание мои чувства.

Индия подбежала к нему и принялась торопливо объяснять, что прыжок через живую изгородь был импульсивным. Ей захотелось немножко попроказничать, но она и не думала оскорблять его чувства. Наоборот, она высоко их ценит.

Щебечи, пташка, щебечи, думал Фредди. Он отошел, присел на старинный диван Честерфилд, стоявший у изножья кровати, и погрузился в размышления. Из открытых окон пахло розами и свежескошенной травой. Июнь на исходе. В июле парламент уйдет на каникулы, а в сентябре, когда заседания возобновятся, Солсбери почти наверняка объявит выборы. Об этом Фредди сообщил парламентский организатор либеральной партии. К этому времени ему просто необходимо стать женатым человеком. Финансово он почти на мели. Старинная крыша дома в Лонгмарше требовала основательной починки. Бингэм так и сказал: до зимы он сможет выделять ему лишь скромные суммы. Фредди это не устраивало. Деньги требовались ему сейчас. Но он не мог получить к ним доступ, поскольку его чертова невеста до сих пор отказывалась назвать ему дату их чертовой свадьбы!

Индия села рядом с ним, глядя на него предельно честными глазами и продолжая говорить о своих высоких чувствах к нему.

– Индия, скажи мне что-нибудь определенное, – резко перебил ее Фредди. – Мы с тобой вообще поженимся? Я долго и терпеливо ждал. Твоя учеба закончилась, но ты по-прежнему отказываешься назвать дату свадьбы. И причина этого только одна... – Фредди старался выглядеть сокрушенным женихом. – Если ты не хочешь видеть меня своим мужем, если у тебя есть другой, то просто обязана мне честно сказать. Тогда я тихо отойду.

– Фредди, как у тебя язык поворачивается? – удивилась потрясенная Индия. – Нет у меня никакого другого! Отчего тебе в голову взбрела столь нелепая мысль? Я целиком и полностью тебе верна.

– А что еще мне остается думать? И о чем думаешь ты? По какой тогда причине ты продолжаешь оттягивать дату свадьбы?

– Фредди, у меня нет никого, кроме тебя. Честное слово! Как мне это доказать? Мое замужество с тобой тебя убедит?

– Ты же знаешь, что убедит. И ты знаешь: жениться на тебе – мое заветное желание.

– Ты просил определенности. Октябрь тебя устроит? Думаю, разумнее всего подождать, пока не пройдут выборы. До этого твоя голова все равно будет поглощена ими.

Фредди смотрел на нее, почти онемев.

– Октябрь... Прекрасная пора, – наконец выдал он из себя.

– И это самый удачный выбор с практической стороны, – подхватила Индия. – Я смогу договориться с доктором Гиффордом о недельном отпуске. Но поскольку я совсем недавно начала работать, это все, на что он согласится. Или ты настраивался на долгий медовый месяц?

– Сразу после выборов начинается хлопотная пора. Там вообще не до поездок.

– Быть может, ты выкроишь время и мы на несколько дней съездим на запад. В Корнуолл.

– Это было бы так здорово! Только мы, и никого рядом. – Фредди взял ее за руку. – Индия, ты уверена...

– Уверена, – ответила она, наклоняясь к его щеке для поцелуя.

Фредди повернулся, и поцелуй пришелся в губы. Он провел пальцами по щеке Индии, затем по шее.

– Я так счастлив с тобой. Ты моя жизнь. Вся моя жизнь. Без тебя я бы потерялся в этом мире.

– А я без тебя. Фредди, я так сожалею, что доставила тебе столько огорчений. Я даже не задумывалась. Какая же я эгоистка! Ушла с головой в работу. Прости меня, пожалуйста.

– Непременно, дорогая, – ответил он, обнимая Индию за плечи. – И ты должна простить мне этот жуткий всплеск. Конечно, ты не собиралась ломать себе шею. Думаю, у меня это от чрезмерной усталости. От нескончаемых заседаний. На следующей неделе я должен произнести речь о гомруле, а я даже черновика не набросал. Речь эта чертовски важна. От нее зависит моя политическая судьба.

– Бедняжка. Еще раз прости мое ребячество. Меньше всего мне хотелось тебя волновать. Тебе и так достается. Столько работать. Удивляюсь, как у тебя сил хватает.

– Я это делаю для моих избирателей. И для нашей страны.

Помпезные слова, от которых он сам готов был засмеяться, произвели на Индию желаемое впечатление. Она крепче прижалась к нему и сказала:

– Какой же ты хороший человек, Фредди Литтон.

– Это ты делаешь меня таким. – Он приподнял ей голову и попросил: – Индия, поцелуй меня еще. Мне так не хватало твоих поцелуев.

Индия робко поцеловала его в губы. Фредди крепко обнимал ее, но не спешил и действовал осторожно, чтобы не спугнуть. Возможно, и на этот раз все закончится ее слезами, но если все пройдет в его ключе, пусть плачет. Наконец-то Индия определилась с датой, однако ему требовались гарантии. Нужно сделать так, чтобы она не передумала, как прежде. Заняться с ней любовью и, если повезет, сделать беременной.

Фредди снова поцеловал Индию, осторожно и со всей нежностью, на какую был способен. Почувствовав, что она начинает таять в его руках, он быстро расстегнул ее жакет для верховой езды. Сбросив жакет, Фредди принялся за ее блузку, постоянно нашептывая ей нежные слова.

– Фредди, я не думаю...

– Тише, дорогая. Я просто хочу полюбоваться тобой. Ты красивая... такая красивая.

Под блузкой оказался корсет: жесткий, прошитый китовым усом. Такой и пулей не пробьешь. Фредди решил не трогать корсет. Слишком много возни. Он расстегнул верх камисоли и стал ласкать груди Индии: маленькие, едва заполнявшие половину его ладони. Фредди специально наклонился, чтобы она не видела его разочарованного лица.

– Фредди, не надо... – сказала Индия, отодвигаясь от него.

– Индия, пожалуйста, не говори «нет». И не будь холодна ко мне. Ты всегда бываешь такой холодной, а я очень тебя хочу.

– Но Фредди, именно так и получают дети...

– У меня есть кое-что. Думаю, название ты знаешь. Я воспользуюсь этой штучкой. – Он поморщился, делая вид, что едва сдерживается. – Боже мой... эта боль в паху... Ты даже не представляешь, какая она мучительная.

Индия закусила губу.

– Фредди, а ты... ты...

– Разумеется, я... Я берег себя для тебя.

– Ты хоть знаешь, что делать?

– Глупая девочка, – улыбнулся он. – А ты не знаешь? Разве в медицинской школе вы это не проходили?

– Я... знаю. Теоретически. Но тут... по-настоящему, – сказала Индия, запахивая блузку и беспокойно озираясь.

– Дорогая, мы совсем одни. Уверю тебя, – успокоил ее Фредди.

Он встал, запер дверь на ключ и вернулся к Индии.

– Нам никто не помешает. Давай займемся любовью. Здесь. Сейчас. Я хочу, чтобы мы принадлежали друг другу. Неужели ты этого не хочешь?

– Да, – прошептала Индия, глядя ему в глаза. – Конечно хочу.

Фредди поставил ее на ноги и раздел. Снял костюм для верховой езды, жуткий корсет, чулки, сапоги и даже блузерсы. Но когда попытался снять с нее нижнюю сорочку, Индия воспротивилась.

– Подожди, – сказала она. – Прости... наверное, я слишком застенчивая.

Индия забралась в кровать под одеяло и сама сняла сорочку. Потом закрыла глаза и откинулась на подушку.

Боже милостивый! – подумал Фредди. С этой скромницей придется повозиться. Он налил в стакан джина и предложил Индии глотнуть. Она сделала всего один глоток и поморщилась, чувствуя, как обжигающая жидкость течет по горлу. Затем Фредди разделся сам и лег рядом.

Он обнимал Индию, шептал ласковые слова и без конца повторял, как сильно ее любит. Он вытащил гребень из ее волос и стал целовать ей лоб, щеки, шею, грудь. Рука Фредди скользнула ей между ног. Индия затаила дыхание. Фредди просунул ей в лоно палец, второй. Внутри было сухо, как в солонке. Фредди впервые оказывался в постели со столь холодной женщиной. Во всем теле Индии не было ни искорки страсти, ни капли желания. Он не представлял, как у него получится сделать задуманное. И тогда он подумал о Джемме Дин с ее потрясающей грудью и круглой задницей. Это моментально вызвало у него эрекцию. Обрадованный Фредди попытался войти в Индию и не смог.

– Дорогая, так у меня ничего не получится. Тебе нужно раздвинуть ноги, – прошептал он.

Индия немного раздвинула их. Фредди вновь попытался в нее войти. У нее изогнулись колени. Пятки вдавились в матрас. Фредди взглянул на ее лицо. Индия смотрела в потолок и кусала губы. «Терпение, старый шалунишка, – сказал себе Фредди. – Терпение. За двадцать тысяч в год многие корячатся гораздо тяжелее».

– Тише, дорогая. Все в порядке, – успокаивал он Индию. – Все в полном порядке.

Он снова поцеловал ее в губы. Потрогал соски и сказал, что любит ее. Потом сделал очередную попытку оказаться внутри нее. Скорее бы все это закончить. Он чувствовал, как Индия выгнула спину, слышал ее стон. Не от наслаждения. Какое уж там наслаждение? От боли.

Нужно как можно быстрее осуществить задуманное.

– Я хочу тебя, Индия. Очень...

Он сам раздвинул ей колени и втиснулся в нее. Что-то натянулось и оборвалось. Индия вскрикнула.

– Тише, любовь моя. Боль сейчас пройдет.

Фредди совершал толчок за толчком, прикрывая ее рот своим, чтобы она не закричала снова. Чувствуя приближающийся оргазм, он сделал последний толчок, содрогнулся всем телом и затих. Он дышал ртом, положив голову на грудь Индии. Вскоре он сел на постели. Индия тоже села. Ее руки одеревенели и дрожали. Лицо было совсем бледным.

Фредди взял ее за руку и с наигранной заботливостью спросил:

– Никак я причинил тебе сильную боль?

– Есть немного.

– Девочка моя, пожалуйста, не сердись на меня. Я вел себя как болван. Настоящий болван. Обезумел от желания. У меня и в мыслях не было сделать тебе больно. Пожалуйста, скажи, что ты на меня не сердишься. – Он обхватил ее лицо и поцеловал. – Скажи.

– Конечно же не сержусь, – тихо ответила Индия, попытавшись улыбнуться.

– Первый раз всегда тяжело. Так говорят. Потом становится лучше. – Фредди заключил ее в объятия. – Дорогая, ты доставила мне столько счастья.

– Я рада, Фредди.

Он улыбнулся, затем медленно погасил улыбку, сделав озабоченное лицо.

– Нет! Нет! Как я только мог! – испуганным тоном произнес он.

– Что такое?

– Я забыл.

– Что забыл?

– Презерватив.

– Фредди, ты не мог забыть!

– Не волнуйся. Уверен, все обойдется. Ничего страшного не случится. А если... так мы же все равно скоро поженимся. Скажем потом, что ребенок родился немного раньше срока.

Фредди с удовлетворением отметил, что бледное лицо Индии стало белым. Он хотел произнести еще несколько успокоительных фраз, но часы на каминной полке пробили шесть.

– Это что же, шесть вечера? Нужно успеть принять ванну и одеться к обеду.

– Надо, – согласилась Индия.

Натянув сорочку через голову, она вылезла из кровати и стала одеваться.

– Я люблю тебя, Индия. Очень люблю. Ты же это знаешь? Жду не дождусь, когда мы поженимся. Когда у нас будет дом, семья, наша совместная жизнь.

Она убрала волосы в пучок, закрепила гребнем и с улыбкой сказала:

– Я тоже жду не дождусь.

– Я едва доживу без тебя до обеда. Оденсья поэлегантнее. Подбери что-нибудь специально для меня.

Индия пообещала. Она повернула ключ и выскользнула за дверь. Оставшись один, Фредди снова плюхнулся на кровать и облегченно, с хрипотцой, вздохнул. Потом допил оставшийся в стакане джин. Фредди осуществил задуманное: заставил Индию обозначить дату свадьбы и наконец-то уложил эту холодную суку в постель. Если природа ему подыграет, Индия забрюхатеет. Он с удовольствием вспомнил ее испуганный взгляд, когда сообщил, что забыл о презервативе. Индия считала себя эмансипированной женщиной, но даже она не настолько безумна, чтобы родить ребенка вне брака. Это сразу поставило бы клеймо на ней и на ребенке и имело бы сокрушительные последствия. Гиффорд бы немедленно ее уволил, а Британская медицинская ассоциация лишила бы ее права заниматься врачебной практикой.

Фредди встал, облачился в халат и подошел к открытым окнам. За ними темнели уголья Лонгмарша, давно пребывавшие в запустении и дикости. Денег на садовников не было уже в его детстве. Спасибо отцу, который только пил и делал долги. Фредди хорошо помнил здешнюю жизнь до несчастного случая с отцом. Их осаждали кредиторы, требуя денег, которых не было. И тогда родители стали продавать вещи. Сначала кольца и золотые безделушки, потом картины и мебель. Он помнил Дафну в рваных платьях, перелицованные и заштопанные воротники и манжеты. Бингэму пришлось оставить Итон. Мать больше не могла оплачивать его обучение.

Он перевел взгляд на музыкальную шкатулку, открыл ее, послушал грустные, вздрагивающие звуки шопеновской прелюдии, после чего выдвинул потайной ящик и взял в руки гребень-стрекозу. Изящную вещь, точную копию того, который он совсем недавно вытаскивал из волос Индии. Этот гребень давно жил в потайном ящике его музыкальной шкатулки. Много лет. С того дня, когда Фредди сунул его в карман, а второй передал Хью Маллинсу.

Бери, Хью. Никто вовек не узнает...

Перед мысленным взором снова всплыло лицо Хью. Бледное, испуганное. Хью стоял в конюшне. Он не спал несколько дней. Его сестра Би попала в серьезную беду. Она забеременела от деревенского парня, а тот, узнав об этом, дал деру. Би требовалась помощь. В деревне была женщина, помогавшая в таких делах, но не бесплатно. Если не сделать аборт, Би навлечет бесчестье на себя и свою семью. Она лишится работы, а с ней – Хью и их отец. Из дома их тоже выгонят, поскольку дом принадлежал лорду Бернли.

Фредди узнал об этом всего через несколько дней после ночного свидания Индии и Хью, решивших пожениться. О беременности Би ему рассказала Мод. Индия, естественно, тоже знала и пыталась достать денег, не объясняя родителям, для какой цели. Поначалу Фредди

пропустил это мимо ушей. Ему хватало своих горестей. Фредди не мог поверить, что Индия предпочла его неотесанному парню. И вдруг расстроенная Изабелла попросила его помочь ей найти исчезнувшие парные гребни.

– Фредди, я ума не приложу, куда они запропастились. Я никак не могла их где-то оставить. Если я их потеряла, муж невероятно разозлится на меня. Это его подарок. Он специально их заказывал.

– Когда вы видели их в последний раз? – спросил Фредди, радуясь, что просьба Изабеллы отвлечет его от тягостных мыслей.

– Вчера я ездила в Кардифф за покупками. Они были у меня в волосах. Помню, на обратном пути они натерли мне кожу головы. Я их вытащила и убрала в ридикюль. С тех пор я их не видела.

Фредди попросил показать ему ридикюль и обнаружил, что у того разошелся шов. Это расстроило Изабеллу еще сильнее. Она думала, что гребни исчезли навсегда. Фредди советовал ей не поддаваться панике. Возможно, они выпали из дырявого ридикюля, когда она шла из конюшни в дом, и теперь лежат в траве. Фредди вызвался поискать их там. Он искал не только в траве, но и на тропинке, и на дороге, ведущей к конюшне, а также внутри конюшни. Наконец он додумался заглянуть в экипаж Изабеллы.

– Да вот же они! – воскликнул Фредди, увидев гребни.

Один лежал на сиденье, второй – на полу. Фредди уже хотел вернуть гребни Изабелле, когда у него вдруг появилась идея, подсказанная блеском серебряных вещиц. Он отдаст Изабелле только один гребень и скажет, что нашел в траве. Второй оставит себе и потом продаст какому-нибудь лондонскому старьевщику. Фредди всегда нуждался в деньгах. Он положил поднятый с пола гребень в карман и потянулся за вторым, как вдруг услышал у себя за спиной:

– Фредди, это ты? Леди Бернли велела развернуть экипаж?

Это был Хью.

Меньше всего Фредди сейчас хотелось видеть Хью. Утихшая было ревность вспыхнула снова. У Фредди чесались кулаки хорошенько отлупить Хью. Но он этого не сделал. Он взял второй гребень, и вдруг ему пришла в голову еще одна идея. Замечательная идея, как отомстить Хью.

Он закрыл дверцу экипажа и протянул Хью гребень:

– Бери, Хью. Никто не узнает.

Хью озадаченно посмотрел на гребень:

– Взять? Зачем?

– Поможешь Би.

Хью судорожно вдохнул.

– Ты знаешь?

– Мод рассказала. Она пыталась выпросить у матери десять фунтов, но Изабелла отказалась давать деньги неизвестно на что. Мод удручена. Мы все удручены. Мод говорила, если отец узнает про Би, вас всех погонят с работы и из дома. Всю вашу семью. Так что бери и не валяй дурака.

Хью посмотрел на гребень:

– Это же вещь леди Бернли!

– Она потеряла гребень и попросила меня поискать. Я ей скажу, что обыскал все вокруг, но гребня не нашел. Она не усомнится в моих словах, поскольку считает, что потеряла гребень.

Хью покачал головой. Он пытался отдать гребень Фредди, но Фредди разыграл великодушие.

– Это всего-навсего серебряная безделушка. Камни ненастоящие. Много за него не дадут, но несколько фунтов выручишь. Этих денег хватит, чтобы помочь Би. Подумай о ней, Хью. Подумай о своей сестре.

Внутри Хью происходила борьба. Он любил сестру и страдал, не зная, как ей помочь. А тут друг детства неожиданно предложил решение. Наконец Хью кивнул и молча спрятал гребень в карман.

Через неделю Би умерла, не доехав до больницы, а Хью оказался в тюрьме. Фредди он не выдал. Он вообще не сказал ни слова. Хью с детства отличала порядочность, и Фредди это было известно.

Узнав о случившемся, лорд Бернли пришел в ярость. Индия умоляла его отозвать обвинения против Хью. Поддавшись ее мольбам, он согласился при условии, что Хью вернет второй гребень. Но сделать этого Хью никак не мог, потому что гребень находился не у него, а у Фредди.

Хью так и остался в тюрьме, продолжая утверждать, что у него нет и никогда не было второго гребня. Его поместили едва ли не в самую жуткую из камер, кишевшую насекомыми. От матрасных вшей он подцепил тиф и через месяц умер. Миссис Маллинс, потерявшая дочь и сына, не вынесла горя и повесилась. Отец Хью лишился не только семьи, но и крыши над головой. Он бродил по окрестным лесам и полям. Иногда к нему возвращался рассудок. Потом он снова погружался в безумие. Поздней осенью его тело обнаружили в соседней долине. Он умер от переохлаждения.

Быть хочешь королем? Тогда вначале вырви собственное сердце...

Тем летом он почти полностью избавился от чувств, остававшихся в его сердце.

Наступил сентябрь. Фредди вернулся в Оксфорд. Прошедшее лето оказалось судьбоносным не только для него. Хью и Би были мертвы. Индия порвала с родителями и покинула Уэльс, уехав в Лондон. Мод собиралась замуж, даже не предполагая, какую катастрофу ей это сулит. Безмятежные дни, проводимые их детской компанией в Блэквуде, стали достоянием прошлого. Детство закончилось.

Фредди не раз убеждался в правоте слов Красного Графа. Без сердца существовать в мире гораздо легче. Легче презирать Индию, которую он когда-то любил. Легко наблюдать, как она продолжает горевать по любимому человеку, и выражать ей притворное сочувствие. Легко обдумывать будущую женитьбу на ней без любви, но по трезвому расчету. Мысль о помолвке подала ему Изабелла, когда он учился на третьем курсе. Она переживала разрыв с дочерью и с помощью Фредди надеялась вернуть ее в семью. Индия никогда не отдаст ему свое сердце; симпатия – это все, на что он может рассчитывать. Ничего, зато он получит ее деньги, а от них намного больше пользы, чем от сердца.

В дверь снова постучали. Фредди убрал гребень в потайной ящик. Он так и не продал гребень, сообразив, насколько это опасно. Имея клеймо Тиффани и инициалы Изабеллы, гребень был слишком опознаваемым, чтобы предлагать на продажу даже самым нещепетильным скупщикам.

– Войдите, – отозвался Фредди.

– Прошу прощения, сэр, но я пришел наполнить вам ванну.

Это был его слуга.

– Спасибо, Армстронг. – Фредди поставил шкатулку на стол. – И вот еще что...

– Да, сэр.

– Когда закончишь, будь добр, скажи дворецкому, чтобы перед обедом подали шампанское. Хочу отпраздновать приятное событие. Сегодня вечером я объявлю дату нашей с Индией свадьбы.

– Отлично, сэр. Если позволите, примите мои искренние поздравления.

Фредди благосклонно принял их. Он чувствовал, как плечи освободились от тяжелой ноши. А ноша была действительно тяжелой и называлась нищетой. С этой проблемой он справился весьма изящно, как справлялся со многими другими, требовавшими решения и не находившими тех, кто бы за них взялся.

Вскоре он обеспечит себе ведущую роль в либеральной партии, которая будет значительнее его нынешнего положения заднескамеечника. Возможно, он станет главным парламентским организатором партийной фракции. Не исключено, что министром иностранных дел в теновом кабинете. Этого он достигнет своей речью о гомруле и усилиями в борьбе с преступностью. Дональдсон продолжит зорко следить за Мэлоуном. Фредди не сомневался: этот самоуверенный наглец обязательно на чем-нибудь проколется. Индия рассказывала, как Мэлоун едва не умер в больнице, на что Фредди ответил, что этот парень обязательно нужен ему живым. Смерть лишила бы его удовольствия увидеть Сиду в тюрьме. К октябрю Фредди вернется в парламент, переизбравшись от Тауэр-Хамлетс и вдобавок женатым, счастливо обосновавшимся в доме на Беркли-сквер. Возможно, в ноябре он съездит в Блэквуд – по-хозяйски оценить свое будущее поместье.

Конечно, Блэквуд не имел такой блистательной родословной, как Лонгмарш. Его не проектировал сам Кристофер Рен, зато поместье родителей Индии было значительно больше и имело все современные удобства. Сегодня у него не было даже такой дерьмовой развалины, как Лонгмарш, но скоро ему будут доступны невиданные возможности. И даже то, чего он жаждал больше всех сокровищ мира: чтобы, обращаясь к нему, люди называли его не сэром Фредериком и не досточтимым членом парламента, а... премьер-министром.

И он этого добьется. С его умом и напором плюс денежки Индии. Послушавшись совета Красного Графа, он вырвал собственное сердце. В один прекрасный день он станет королем.

Глава 19

Мод Селвин Джонс сидела перед туалетным столиком в комнате, которую ей отвели в Лонгмарше. Она щелкала ножницами, укорачивая челку своих иссиня-черных волос. Затем принялась за волосы по бокам, придавая им желаемую форму, после чего отодвинула стул от зеркала, оценивая результаты. Мод потрянула головой. Ей нравилось ощущение коротких волос, едва достигавших шеи. Помнится, увидев ее с такой прической в первый раз, мать Фредди и Бинга побледнела. Мод усмехнулась. Она обожала шокировать немолодых чопорных дам.

Пока она закрепляла в ухе коралловую сережку, рука начала чесаться.

– Ну что, паршивец, набегался по траве и принес мне блох? – спросила она рыжевато-коричневого мопса Джерома, лежащего у ее ног.

Пес поднял голову и недоуменно посмотрел на нее угольно-черными глазами.

– Нет? Странно. Должно быть, эти препротивные обои. Стоит до них дотронуться, и сразу крапивница.

Но Мод прекрасно знала: причина вовсе не в обоях. Скоро зуд в руке распространится на все тело, вызывая ощущение, словно тысячи мелких муравьев ползают по ее коже. Так и будет, если она сейчас же не примет меры.

Мод встала, открыла платяной шкаф и пошарила в карманах пыльника. Пусто. Она порылась в шляпных коробках, потом выволокла из шкафа чемоданы, не переставая ругать горничную.

– Джерри, ну куда эта чертова девица могла его деть? – спросила она у мопса, впиваясь ногтями в руку.

Закусив губу, Мод осматривала комнату. Ее глаза беспокойно скользили по стенам и мебели, пока не уперлись в ночной столик. Подбежав к нему, она выдвинула ящик.

– Вот ты где! – обрадовалась Мод, достав изящный эмалированный портсигар.

Она достала сигарету, чиркнула спичкой и глубоко затянулась. Несколько секунд она удерживала сизоватый дым в легких, затем стала медленно выпускать, закрыв глаза. Когда Мод снова открыла их, ее глаза были влажными и довольными.

– Да благословит тебя Бог, Тедди Ко, – пробормотала она и улыбнулась.

Тедди мастерски умел смешивать опиумный порошок с табаком, и его сигареты внешне не отличались от обычных. Мод уже собиралась вернуться к туалетному столику, когда дверь комнаты резко открылась. На пороге стояла Индия, еще не снявшая костюм для верховой езды.

– Хорошо покаталась? – спросила Мод.

Индия не ответила. Она закрыла дверь, сняла жакет и бросила на кровать. Затем бросилась туда сама, вдавив голову в мягкие подушки.

Мод повернулась к ней. Судя по лицу, сестра была чем-то расстроена.

– Инди, что случилось? Никак с Фредди поссорилась?

Индия не ответила и на эти вопросы. Она лежала и смотрела в потолок. Зная сестру, Мод не допытывалась.

– Мод, скажи, я холодная? – наконец спросила Индия.

Мод подошла к ней, потрогала лоб.

– Я бы так не сказала. Лоб у тебя теплый. Ты заболела, что ли?

Индия села на постели.

– Мод, я не о таком холоде. Я имела в виду... ну, ты понимаешь.

– Вот оно что, – поняла Мод. – Это тебе Фредди сказал?

– Да.

Индия крутила на пальце кольцо, подаренное Фредди в знак их помолвки. Кольцо с изумрудом старомодной огранки принадлежало матери Фредди. Индия надевала кольцо, только когда встречалась с ним, чтобы ему было приятно. Вообще-то, она не любила драгоценности, считая их рассадником бактерий.

– Мы определились с датой свадьбы.

– Да ну? Какая замечательная новость!

– Полагаю, что да. Потом он меня поцеловал. И... все остальное. Получилось так себе. Означает ли это, что я холодная?

– Так вы с Фредди занимались любовью?

– Да.

– Послушай, вашей помолвке уже два года! Ты хочешь сказать, что до этого ты ни разу с ним не спала?

– Да.

– Индия, ты просто безнадежна, – вздохнула Мод, снова присаживаясь к туалетному столику.

– Наверное, так оно и есть, – упавшим голосом отозвалась Индия.

Лицо Мод потеплело.

– Только не поддавайся отчаянию. С тобой все в порядке. А в этих делах просто нужно немного практики. Мужчины сродни велосипедам. Пока не научишься ездить, никакого удовольствия, – сказала она и снова затаилась.

– Как... откуда ты научилась? – спросила Индия.

Мод выпустила сизое облачко и закашлялась.

– Как? Неужели в медицинской школе тебя не учили анатомии?

Индия смотрела в пол, красная от смущения. Мод почувствовала, что затронула болезненную тему. Она пожалела о своем легкомысленном замечании.

– Дорогая, вот мой тебе совет. В следующий раз сначала выпей бутылочку вина. А потом не противься чувствам, которые тебя охватят. – (Индия неуверенно кивнула.) – Индия, ты же понимаешь, о чем я говорю. У тебя есть эти чувства?

– К Фредди?

– Ну разумеется, к Фредди!

Индия нахмурилась, словно решала серьезную проблему медицинского свойства.

– Да, конечно есть. Он будет удивительным мужем. – Индия продолжала рассказывать Мод о прекрасных политических качествах Фредди и о том, какую заботу о бедных он проявляет. – На прошлой неделе мы с Фредди ходили на лекцию Бенджамина Сибоба Раунтри. Он квакер, реформатор. Этот человек провел революционные исследования причин бедности в Йорке. Мод, мы с Фредди должны приложить все усилия. Нас ждет много важной работы.

– Да, Инди, – вздохнула Мод, утомленная восторгами сестры. – Слышала я про этого реформатора. Но мы говорим о Фредди. Вопрос простой: ты хочешь ложиться под него и раздвигать ноги?

– Мод! – воскликнула густо покрасневшая Индия.

– Перестань быть такой ханжой. Тебя послушать – получается, ты любишь Фредди так, как я люблю Джерома. Или Уиша.

– Ты любишь Уиша? Ничего удивительного! Да и кто может не любить Уиша? – громко спросил Уиш, входя в комнату.

– А что, любимца публики не научили стучаться? – спросила Мод.

– Зачем? Стук в дверь предупреждает девчонок. И как я тогда увижу голенькую лодыжку? Или что-то получше?

Он оттянул вырез шелкового халата Мод и заглянул вниз. Мод оттолкнула руку.

– Помнится, раньше ты охотно показывала мне свои сиськи, – сказал Уиш.

– Тогда мне было десять и они не отличались от твоих. И потом, если помнишь, ты мне платил за каждый показ.

– Я и сейчас готов заплатить. Столько, сколько скажешь. Скоро у меня будут даже не горшочки денег. Целые сундуки, которые я поставлю в несколько рядов, – заявил Уиш.

Он плюхнулся на пол возле ног Мод, усадив Джерома на колени. Мод взяла щетку для волос и попыталась хоть как-то упорядочить его непокорную каштановую шевелюру. Уиш улыбался. Ему это явно нравилось.

– Девочки, а вы хотите знать, каким образом?

– Нет, – хором ответили Мод и Индия.

– По глазам вижу, что хотите. Сейчас расскажу.

Уиш принялся вдохновенно рассказывать о своем последнем проекте вложения денег. На сей раз схема сказочного обогащения касалась разработки земли в Калифорнии.

– Место называется Пойнт-Рейес. Это настоящий рай, и находится он всего в пятидесяти милях к северу от Сан-Франциско. Такой красоты вы никогда не видели. Вы даже представить не могли, что где-то существует столь красивый уголок. Пойнт-Рейес – мыс на калифорнийском побережье. Там продается участок в тысяча двести акров. Я намерен купить участок целиком и построить отель у самой воды. Не просто отель, а роскошный отель. Знаете почему? Потому что в Сан-Франциско полным-полно людей с очень большими деньгами. Я заманю их в Пойнт-Рейес. Риск провала исключен. Вам обоим обязательно нужно присоединиться. Я сделаю вас миллионерами.

– Миллионы бы мне не помешали, – сказала Мод. – А то в прошлый раз я по твоей милости потеряла кругленькую сумму на южноафриканских алмазных копиях.

– Откуда же мне было знать, что там начнется война? Но разве я не умножил твой доход покупкой акций «Юнайтед стейтс стил»? По-моему, ты имеешь неплохие дивиденды.

– Допустим, – согласилась Мод.

– А ты, Инди? По-прежнему живешь на проценты со вклада в Английском банке?

– Что? Да, на них.

– Тебе пора уходить из этого банка. Проценты там мизерные. Их главный козырь – надежность. Обычно на это ловятся приходские священники и старые девы... Послушай, старая гончая, я сказал что-то не так?

– Уиш, ты очень наблюдателен, – насмешливо бросила ему Мод.

– В чем дело, Инди? – допытывался он.

– Ни в чем. Я в лучшем виде.

Уиш вопросительно посмотрел на нее. Индия вздохнула и без обиняков рассказала, что у нее произошло с Фредди. Уиш был для Мод и Индии как брат, и они всегда делились с ним своими секретами.

– Не беспокойся, – кивнув, сказал он. – Я знаю, в чем корень твоей проблемы.

– Знаешь? – удивилась Индия.

– Да, и очень хорошо. Позволь тебя спросить, Инди, ты любишь Фредди?

– Конечно люблю.

Уиш хлопнул в ладоши:

– Так я и знал! Любовь все губит и портит. Проклятая любовь – вот как я это называю. Тебе ни в коем случае нельзя любить своего супруга. Любовь оставь для любовника. И он должен быть совсем из другого круга. Возможно, актер. Или музыкант. Может, художник. Кто-то из той публики.

– Сказочно дельный совет, – усмехнулась Мод.

– Напрасно иронизируешь. Великолепный совет! – возразил Уиш. – Жениться и выходить замуж нужно лишь для наследников, богатства, домов и лошадей. Иначе зачем еще это нужно? Это сродни добровольному заключению в тюрьму. Я на такое никогда не рискну. Предпочитаю зарабатывать деньги честно.

– Уиш, иди прими ванну, – сказала Мод. – Нас скоро позовут на ужин.

Уиш посмотрел на сестер:

– Я вам ничем не помог?

– Ни капельки, – ответила Индия.

– Хм... Наверное, в деньгах я разбираюсь лучше, чем в любви. – Он встал, собираясь уйти. – До встречи за ужином, дорогие.

Уиш ушел. Мод повернулась к Индии и увидела, что состояние у сестры ничуть не изменилось.

– Индия!

– Чего?

– Ты не ответила на мой вопрос. О своих чувствах. Я имела в виду...

– Я знаю, что ты имела в виду, – раздраженно ответила Индия.

– Значит, ты любишь Фредди?

– Уиш меня уже спрашивал. Я ответила, что да. Разве ты не слышала?

– Я тебя отлично слышала. Вот только не поверила.

– В таком случае... нет, – уже не раздраженно, а сердито ответила Индия. – Я не люблю Фредди. И поэтому я намерена выйти за него. Когда-то у меня были чувства. Давным-давно. Не хочу повторения.

– Хью? – спросила Мод, но Индия промолчала. – Ты не обязана выходить за Фредди.

– Я хочу за него выйти. Мы люди одного круга. Он прекрасный человек.

– Ты хочешь сказать, надежный.

– Пойми, Мод, Хью был фантазией, – сказала Индия. – Мы обе это знаем. Фантазией, состряпанной глупой романтической девицей.

– Не помню, чтобы в то время ты отметала Хью как фантазию. Наоборот, ты была раздавлена случившимся.

Индия покачала головой:

– Все это – чепуха. Об этом интересно читать в романах. А жизнь – она другая. Хорошие браки строятся на общих интересах, одинаковом происхождении, симпатии, уважении, заботе и совсем не обязательно на любви.

– Откуда ты набралась такой мудрости? Из своих учебников?

– Давай, Мод, зубоскаль. Как насчет Даффа? Там была сплошная любовь, страсть и... плотское влечение. Мы все пытались тебя отговорить, но ты уперлась, и ни в какую.

В свои девятнадцать Мод вышла замуж на Даффа Хэддона, сына герцога. Он был неотразимо обаятелен, остроумен и всегда становился душой компании. К сожалению, он был еще и пьяницей. Это Мод обнаружила вскоре после замужества. Они отправились в Каир. Свадебное путешествие закончилось гибелью Даффа. Перепив, он оскорбил владельца ресторана. Наутро его тело нашли в грязном переулке. Он был убит несколькими ударами ножа.

– Да, Инди, я допустила чудовищную ошибку. И мы все это знаем. Для тебя – весомый аргумент в споре. Дескать, ты, сестричка, была впечатляющим примером, и я не хочу повторять твоей ошибки. Но если ты так скажешь, то наврешь, и прежде всего самой себе. А правда совсем другая. Ты собираешься замуж за нелюбимого человека, потому что потеря любимого человека едва не раздавила тебя и ты не хочешь пройти через эту боль снова.

Индия сердито посмотрела на нее, собралась ответить и вдруг... отступила. В своем репертуаре, подумала Мод. Нет чтобы честно признать поражение. Индия просто поменяла тему разговора.

– Дай мне затянуться, – сказала Индия, указав на сигарету сестры.

– Лучше не стоит, – торопливо ответила Мод. – Это... вредно для здоровья.

– Знаю. Одна затяжка.

– Индия, я серьезно. Не надо...

Индия встала с кровати, подошла к Мод и выхватила сигарету. После двух коротких затяжек она отчаянно закашлялась.

– Боже милостивый, что там? Порох? – спросила Индия, возвращая сигарету.

Почти, мысленно ответила Мод.

Индия снова закашлялась, сказала, что у нее сильно кружится голова, и вернулась на кровать.

Замечательно, подумала Мод. За обедом с будущей родней нам только не хватало Индии, попробовавшей моей сигаретки. Хорошо, если ее не вывернет прямо на стол. Что же делать? Сказать, пусть принесут чая? Нет, лучше кофе, и покрепче. Мод дернула шнурок звонка.

– Кофе. Отличная идея, – сказала Индия. – А то меня вдруг жутко потянуло в сон. Может, из-за деревенского воздуха? – Она закрыла глаза и, полежав так минуту-другую, тихо сказала: – Мод, а ведь он был таким красивым. Очень красивым. Он до сих пор мне снится.

Мод едва узнала этот нежный, томный голос, совершенно не похожий на привычные отрывистые фразы Индии. Сейчас в сестре говорил опиум.

– Да, он был очень красив, – вслух согласилась Мод. – Как там у поэтов? «Уж лучше полюбить и потерять любовь, чем никогда ее не знать»

– Теннисон. Какой же он дурак, – сказала Индия. – Держу пари, он никогда никого не любил. Если бы любил, ни за что не написал бы такую чушь.

Мод хорошо помнила тот ужасный день, когда Би умерла, а Хью арестовали. В доме был переполох. Все началось с исчезновения Хью и Би. Они два дня подряд не появлялись на работе, и никто не мог их разыскать. Индия не находила себе места от беспокойства. Мод тоже. Обе знали, что Би беременна.

Индия первой нашла брата и сестру в развалинах старого дома, стоявшего на отцовских угодьях. Би сделали аборт. Хью заплатил знахарке, но откуда взял деньги, не сказал. Аборт был сделан грубо и неумело. У Би не прекращалось кровотечение. У нее поднялась температура, Би мучилась от боли, но не позволяла Хью отнести ее домой или к деревенскому врачу. Она боялась, что кто-то из местных узнает о случившемся с ней.

Индия привела к развалинам всю их детскую компанию: Мод, Фредди, Бинга и Уиша, чтобы сообща решить, как помочь Би. Та лежала на полу, завернутая в старые конские попоны. Мод видела, как сквозь них капает кровь. Бингэм стоял в углу, бледный, молчаливый. Фредди

ходил взад-вперед. Уиш держал Би за руку, рассказывал ей дурацкие шутки, пытаясь хоть как-то отвлечь.

– Нужно везти ее в больницу, – сказала Индия. – И немедленно.

– Индия, не торопись. Дай мне минутку подумать, – попросил Фредди.

– У нас нет ни минуты!

Фредди взял ее под локоть и отвел подальше, чтобы не слышали Би и Хью. Но Мод услышала.

– Она совершила противозаконный поступок, – шептал Фредди. – Если мы не проявим осторожность, то сами можем вляпаться.

– Фредди, что ты несешь? Она же больна. Ей помощь нужна! Неужели ты этого не понимаешь? Тебе что, наплевать на Би?

– Совсем не наплевать! – сердито прошипел Фредди. – Я тоже пытаюсь найти выход. Но за тебя я волнуюсь больше. Вдруг тебя арестуют? Я всего-то прошу подождать. Дай мне время найти разумное решение. Разобраться, что к чему.

– Я не могу ждать. И Би тоже, – сухо ответила ему Индия.

Она велела Хью перенести сестру к воротам Блэквуда и оставаться за деревьями. Ворота находились недалеко от развалин. Индия сказала, что возьмет в конюшню одну из двуколок и подъедет к воротам. А потом они поедут в Кардифф, где есть больница и где их никто не знает.

Индия отправилась в конюшню одна, оставив их всех волноваться и перешептываться. Когда она подъехала на двуколке к воротам поместья, рассерженный Фредди сел рядом. Он попросил Мод остаться с Бингэмом, поскольку тот был близок к обмороку. Уиша он послал в дом – сообщить лорду Бернли о случившемся и заверить лорда, что Фредди поехал в Кардифф исключительно ради безопасности Индии.

Вспоминая события шестилетней давности, Мод сознавала: в общем-то, Фредди уберег ее семью от крупного скандала. Он нагнал страху на персонал больницы и двух газетчиков, пригрозив, что лорд Бернли лишит их работы, если в истории брата и сестры Маллинс будет хоть раз упомянуто имя Индии. Когда Фредди и Индия вернулись из Кардиффа, лорд накричал на дочь и велел убираться с его глаз. Затем поблагодарил Фредди за находчивость. Убитых горем родителей Хью он выгнал с работы и из дома.

Трагическая история стала поворотным моментом для всей их детской компании, изменив каждого. Воспоминания об их последней встрече в развалинах и о том, что они сделали или не сумели сделать... эти воспоминания не давали им покоя. Мод знала: Уиша смерть Хью сделала странником, мешая осесть на одном месте, а Бингэма – затворником в родовом гнезде. Смерть Хью обострила целеустремленность Фредди. Что касается самой Мод, она искала забвение в дурманящих веществах и обществе эффектных, но никудышных мужчин. Трагедия семьи Маллинс оказалась травмой для всех, но самый сильный удар получила Индия. Потому-то она и решила порвать с родителями и стать врачом. По той же причине она теперь собиралась замуж за нелюбимого человека.

Мод посмотрела на сестру. Дыхание Индии выравнивалось. Глаза оставались закрытыми. На мгновение Мод увидела ее семнадцатилетней девочкой, умной и застенчивой, с постоянно моргающими глазами за стеклами очков. Вздрагивающей от звука материнского голоса. Скованной внутри дома и смелой вне его. Индия ездила на лошадях, на которые другие боялись даже сесть. Забиралась на высокие деревья, снимая орущих от страха кошек. Раздавала рождественские подарки беднякам. Она стучалась в двери лачуг, где на пороге ее встречали тощие матери и чумазы, настороженно глядящие ребяташки.

Но чаще всего Мод вспоминала сияющее лицо Индии в темноте их общей комнаты, когда сестра рассказывала о губах и руках Хью и о том, как она его любит. Ее лицо буквально светило, а голос был полон чувств и страсти. Смерть Хью разбила Индии сердце. Она была безутешна. А по прошествии времени Индия собрала острые осколки в коробку, которую поста-

вила на высокую полку, чтобы уже никогда не открывать. После Хью ее страсть перешла на изучение медицины, а не на другого мужчину. И уж конечно, не на Фредди.

Негодный способ для вступления в замужество, подумала Мод.

Или, наоборот, подходящий?

Может, и в самом деле лучше спрятать сердце на высокую надежную полку, чем рисковать, что оно снова разобьется? Наверное, в рассуждениях сестры есть здравый смысл. Лучше выйти замуж за хорошего, внимательного человека, который тебя понимает и уважает, чем гоняться за любовью.

Возможно.

Индия уснула. Мод прикрыла ее шерстяным одеялом. Осторожно коснувшись лба сестры, она разгладила морщины на лбу. Индия потратила столько лет, изучая человеческий организм, усердно трудясь над разгадкой его тайн. Знала названия мышц и костей. Знала, как работают органы. Индия изучила почти все, что только можно. Лишь один предмет остался неизученным. Самый важный.

– Маленькая бедняжка Инди, – прошептала Мод, – у тебя чертова пропасть медицинских знаний, но ты совсем не знаешь свое сердце.

Глава 20

– Мел, что же мне делать? – спросила Фиона у управляющего складом Оливера. У нее бешено колотилось сердце, а сама она дрожала от волнения. – Мы собирались перекусить. Спокойный ланч на ступенях Старой лестницы. Только я и он. А теперь мне при всем желании не подойти к Старой лестнице. Представляете?

Гул нарастал, разносясь, будто раскаты грома. Фиона засмеялась и недоверчиво покачала головой.

– Отродясь подобного не видел, – признался Мел Трамбулл. – Миссис Би, вам лучше туда не спускаться. Столько возбужденных парней орут во всю глотку. Еще оглохнете. Оставайтесь здесь – от греха подальше.

Фиона и Мел стояли у открытой погрузочной двери на чайном складе Оливера. Внизу, на Хай-стрит, около тысячи мужчин разного возраста стояли плечом к плечу. Они кричали, свистели и хлопали в ладоши. Некоторые забрались на развозочные фургоны и даже на фонарные столбы. Десятки других сгрудились у погрузочных дверей соседних складов. Все вытягивали шеи, стремясь получше рассмотреть светловолосого человека. Он расхаживал по крыше фургона, перевозящего доски, и что-то говорил: убежденно, со страстью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.